

ПОСЛЕ
МАРКО
ПОЛО

ПОСЛЕ МАРКО ПОЛО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПОСЛЕ МАРКО ПОЛО

ПУТЕШЕСТВИЯ ЗАПАДНЫХ
ЧУЖЕЗЕМЦЕВ В СТРАНЫ
ТРЕХ ИНДИЙ

Перевод с латинского
и староритальянского языков,
введение и примечания
Я. М. СВЕТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
*Главная редакция
восточной литературы*
Москва 1968

П62   **После Марко Поло.** Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий. Пер. с лат. и старонитал. яз., вступит. статья и прим. Я. М. Света. М., 1968.

(Серия «Путешествия по странам Востока»),
237 стр., карты.

В книге даны переводы записок четырех путешественников-монахов, которые по следам Марко Поло прошли из Европы в Индию и на острова Малайского архипелага. Обширная вводная статья содержит общий очерк эпохи Марко Поло и его преемников.

2-8-1
186-67

91(092) + 9(И)1

ЗАПАД И ВОСТОК НА РУБЕЖЕ XIII И XIV ВЕКОВ

(Вступительная статья)

Вводное слово

Джованни Монтекорвино, Журден де Северак, Одорико Порденоне, Джованни Мариньолли — путешественники, которые в исходе XIII и в первые десятилетия XIV в. побывали в землях и морях Южной и Восточной Азии, в чуждадельных странах на краю земли. Непосредственные преемники Марко Поло — авторы любопытнейших описаний этих стран, вызвавших, подобно «Книге» Марко Поло, переворот в умах европейцев в ту пору, когда над Италией занялись первые зори Возрождения.

Однако имена этих младших современников и сподвижников Марко Поло по непонятным причинам лишь вскользь, мельком упоминаются в трудах историков географических открытий, а ссылки на этих деятелей оказываются погрешенными в петите подстрочных примечаний.

На русском языке нет ни одной книги, им посвященной, а их литературное наследие и по сей день остается у нас, в Советском Союзе, целиной, не тронутой исследователями и переводчиками классических произведений историко-географического жанра.

А между тем хождения по восточным землям и описания этих земель были во времена Марко Поло и его последователей тесно сопряжены со своеобразной эпохой в истории политических, экономических и культурных связей европейского Запада и азиатского Востока. Эта эпоха отнюдь не завершилась, когда Марко Поло ушел из Венеции в страну Великого хана. Как раз в последней четверти XIII в. установились прямые связи между европейским Средиземноморьем, Ираном, Индией и Юаньской империей.

Исключительно сложная историческая обстановка, создавшаяся на Ближнем и Среднем Востоке на рубеже XIII и XIV вв., способствовала укреплению весьма странных на первый взгляд связей. Партнерами и союзниками оказались папская курия, иль-ханы монгольского Ирана, короли Франции и генуэзские купцы, монахи францисканского и доминиканского орденов, властители Киликийской Армении и царедворцы Великого хана.

Прямые связи Запада и Дальнего Востока прервались в 40—60-х годах XIV в., когда окончательно распалась монгольская империя — громоздкая и неустойчивая политическая система, сложившаяся в Азии в ходе завоеваний Чингисхана и его ближайших преемников.

Однако за те полвека (примерно с 1290 по 1340 г.), когда через Иран и Индию проходил путь из Южной Европы на Дальний Восток, т. е. после Марко Поло, относительно тесные контакты между Средиземноморьем и странами Востока вызвали существенные сдвиги в материальной и духовной жизни средневекового мира.

Четыре посланца Запада, доставившие в Европу удивительные вести о восточных землях и морях, сыграли огромную роль в этом процессе. Сыновья своего века, они путешествовали по странам Востока, пытаясь обратиться в «истинную веру» «схизматиков» и «язычников». Они шли на Восток по указаниям пап и генералов францисканского и доминиканского орденов, их спутниками и компаньонами были агенты итальянских торговых домов. Вместе с тем с их слов европеец XIV в. к своему величайшему изумлению узнавал, что Земля необъятно велика, что населена она многочисленными народами, о которых понятия не имели библейские пророки и евангельские апостолы, что обитают в ней диковинные звери, что над ней сияют звезды, которых нет на итальянском, французском или испанском небе.

Эти сообщения ставили под удар всю систему средневекового мышления, расшатывали те основы, на которых эта система покоилась.

Разумеется, Джованни Монтекорвино и Журден де Северак, Одорико Порденоне и Джованни Мариньолли разделяли многие предрассудки и предубеждения своего времени, но это не мешало им трезво судить о различных явлениях действительности и в описаниях вполне

реальной Индии опираться не на освященные темной традицией домыслы, а на собственные наблюдения.

Вот почему так разительно несходны географические откровения авторов середины XIII в. и картины Индии и других стран Востока, которые дают путешественники, жившие всего лишь на три-четыре десятилетия позже. Сравнивая произведения этих столь близких по времени эпох, мы можем оценить всю глубину качественных изменений, которые за каких-нибудь 30—40 лет произошли в методах познания мира. Если в начале и середине XIII в. в Европе безраздельно господствовало мнение, что христианский мир вмещает в себя большую часть *Orbis terrarum*, то в 1332 г. так называемый Псевдо-Бурхардт, автор анонимного проекта крестового похода против Египта, писал, что «мы, истинные христиане, составляем даже не десятую, а двадцатую часть населения Земли». При этом он, не опасаясь прослыть еретиком и смутьяном, утверждал: «Антиподы существуют; и это отнюдь не ложь и отнюдь не вздор». Он же как непреложную аксиому выдвигал положение, что Азия намного больше Европы, подчеркивая при этом, что азиатский материк тянется далеко на север и что околополярные его области обитаемы¹.

На этот новый мир авторы «Божественной комедии» и «Декамерона» смотрели глазами своих беспокойных современников, побывавших в Индии и на берегах китайских морей. Тесный мир отцов церкви и их бесчисленных комментаторов внезапно безгранично расширился. Далеко не все призраки, порожденные в глухую пору раннего средневековья, рассеялись в век Данте и Боккаччо; однако догматика и схоластика понесли первые и решительные поражения, и в борьбе с ними гуманисты Возрождения успешно пользовались бесценными сведениями преемников Марко Поло.

Значение этих сведений далеко не исчерпывается тем воздействием, которое они оказывали на творческую мысль Западной Европы. И в XIV и в XX вв. эти описания азиатских стран были и остались важнейшими источниками по истории Востока. На оценке этого «восто-

---

¹ Pseudo-Brocardus, *Directorium ad Passagium faciendum*, p. 383. Полные библиографические сведения о работах, на которые даны ссылки в тексте, см. в списке литературы.

коведного» аспекта трудов Монтекорвино, Северака, Порденоне и Мариньолли мы подробнее остановимся ниже. Здесь отметим лишь, что не только для индологов, монголистов, синологов или иранистов, но и для всех наших любознательных современников, интересующихся прошлым стран Востока, труды эти ценны именно тем, что в них содержится множество самых разнообразных сведений о природе и людях Азии тех времен. И, быть может, потому, что все четыре путешественника с таким наивным восторгом описывали этот мозаично пестрый и многоцветный азиатский мир, их донесения о нем и поныне сохраняют аромат свежести и новизны. И еще одно очень важное обстоятельство: в XVIII и XIX вв. идеологи колониализма немало потрудились, чтобы внедрить в сознание среднего европейца представление об извечной отсталости азиатского Востока. Однако свидетельства европейских путешественников XIII и XIV вв. опровергают эту ложную концепцию. В Иране и в Индии, на Цейлоне и в Китае они странствовали, очарованные богатейшей культурой — материальной и духовной — этих стран. Порденоне Италия казалась в сравнении с Дальним Востоком отсталой страной, и подобная оценка, несомненно, была вполне объективной.

Оговоримся, что в нашей книге представлены лишь материалы их путешествий по Ближнему и Среднему Востоку. В эти рамки целиком укладывается деятельность Журдена де Северака, который никогда не заходил на восток дальше Коромандельского берега Индии. Трое остальных путешественников побывали в Китае и оставили описания этой страны. Китайские письма Монтекорвино недавно были изданы в русском переводе²; касаясь описаний Китая Порденоне и Мариньолли, составляющих по объему значительную часть их трактатов о путешествии в страны Востока, отметим, что, ограничив нашу задачу пределами Западной и Южной Азии, мы не оставляем мысли о выпуске в свет сборника материалов по Дальнему Востоку, в который включены будут китайские главы этих авторов.

Система сложных и разветвленных связей между Западной Европой и Ближним и Дальним Востоком возникла и укрепилась в ходе событий всемирно-истори-

---

² Р. Хенниг, *Неведомые земли*, т. III, стр. 136—144.

ческого значения, совершившихся в эпоху монгольских завоеваний XIII в.

Естественно поэтому, что в книге, которая посвящена путешественникам, ходившим на Восток после Марко Поло, соответствующее место занимает ранний этап в истории европейско-азиатских связей. В нашем вводном разделе ему отведены две начальные главы — «Первые контакты Запада с монголами» и «Торговые республики и католические миссии», которые далеко не лишни еще и потому, что в советской литературе пока нет обзорных работ о связях Западной Европы с монгольским миром.

На начальном этапе подготовки этой книги горячее участие в ее судьбе принял покойный Н. М. Гольдберг, выдающийся советский индолог, которому автор обязан ценнейшими советами и замечаниями. Искреннюю признательность за поддержку замысла настоящей книги автор выражает чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской.

Первые контакты Запада и монголов

Монгольское нашествие и Западная Европа. В первой половине XIII в. на пространстве от Желтого моря до Карпат в результате стремительных завоевательных походов возникла могущественная монгольская империя. Вторжение монголов в Восточную Европу и в страны Ближнего Востока началось в 1220—1223 гг., когда полководцы Чингисхана Джебей и Субэдей через Северный Иран и Кавказ прошли в донские и приднепровские степи и в битве на Калке (1223 г.) разгромили половецкие и русские войска. Вести об этом походе быстро дошли до Западной Европы, но смутная тревога, вызванная слухами о жестокости монгольских завоевателей, улеглась после внезапного ухода Джебей и Субэдея на восток. В 1236 г. монголы под предводительством внука Чингисхана Бату (Батыея) предприняли новый поход на запад. Покорив в 1238 г. ряд северных русских княжеств, монголы два года спустя захватили и разорили Киев, а в 1241 г. вторглись в Польшу, Венгрию, Моравию и Силезию. Дойдя в начале 1242 г. до берегов Адриатического моря, Бату столь же внезапно, как Джебей и Субэдей, прервал свой поход и ушел через Болгарию,

коведного» аспекта трудов Монтекорвино, Северака, Порденоне и Мариньолли мы подробнее остановимся ниже. Здесь отметим лишь, что не только для индологов, монголистов, синологов или иранистов, но и для всех наших любознательных современников, интересующихся прошлым стран Востока, труды эти ценны именно тем, что в них содержится множество самых разнообразных сведений о природе и людях Азии тех времен. И, быть может, потому, что все четыре путешественника с таким наивным восторгом описывали этот мозаично пестрый и многоцветный азиатский мир, их донесения о нем и поныне сохраняют аромат свежести и новизны. И еще одно очень важное обстоятельство: в XVIII и XIX вв. идеологи колониализма немало потрудились, чтобы внедрить в сознание среднего европейца представление об извечной отсталости азиатского Востока. Однако свидетельства европейских путешественников XIII и XIV вв. опровергают эту ложную концепцию. В Иране и в Индии, на Цейлоне и в Китае они странствовали, очарованные богатейшей культурой — материальной и духовной — этих стран. Порденоне Италия казалась в сравнении с Дальним Востоком отсталой страной, и подобная оценка, несомненно, была вполне объективной.

Оговоримся, что в нашей книге представлены лишь материалы их путешествий по Ближнему и Среднему Востоку. В эти рамки целиком укладывается деятельность Журдена де Северака, который никогда не заходил на восток дальше Коромандельского берега Индии. Трое остальных путешественников побывали в Китае и оставили описания этой страны. Китайские письма Монтекорвино недавно были изданы в русском переводе²; касаясь описаний Китая Порденоне и Мариньолли, составляющих по объему значительную часть их трактатов о путешествии в страны Востока, отметим, что, ограничив нашу задачу пределами Западной и Южной Азии, мы не оставляем мысли о выпуске в свет сборника материалов по Дальнему Востоку, в который включены будут китайские главы этих авторов.

Система сложных и разветвленных связей между Западной Европой и Ближним и Дальним Востоком возникла и укрепилась в ходе событий всемирно-истори-

---

² Р. Хенниг, *Неведомые земли*, т. III, стр. 136—144.

ческого значения, совершившихся в эпоху монгольских завоеваний XIII в.

Естественно поэтому, что в книге, которая посвящена путешественникам, ходившим на Восток после Марко Поло, соответствующее место занимает ранний этап в истории европейско-азиатских связей. В нашем вступительном разделе ему отведены две начальные главы — «Первые контакты Запада с монголами» и «Торговые республики и католические миссии», которые далеко не лишни еще и потому, что в советской литературе пока нет обзорных работ о связях Западной Европы с монгольским миром.

На начальном этапе подготовки этой книги горячее участие в ее судьбе принял покойный Н. М. Гольдберг, выдающийся советский индолог, которому автор обязан ценнейшими советами и замечаниями. Искреннюю признательность за поддержку замысла настоящей книги автор выражает чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской.

Первые контакты Запада и монголов

Монгольское нашествие и Западная Европа. В первой половине XIII в. на пространстве от Желтого моря до Карпат в результате стремительных завоевательных походов возникла могущественная монгольская империя. Вторжение монголов в Восточную Европу и в страны Ближнего Востока началось в 1220—1223 гг., когда полководцы Чингисхана Джебей и Субэдей через Северный Иран и Кавказ прошли в донские и приднепровские степи и в битве на Калке (1223 г.) разгромили половецкие и русские войска. Вести об этом походе быстро дошли до Западной Европы, но смутная тревога, вызванная слухами о жестокости монгольских завоевателей, улеглась после внезапного ухода Джебей и Субэдея на восток. В 1236 г. монголы под предводительством внука Чингисхана Бату (Батыя) предприняли новый поход на запад. Покорив в 1238 г. ряд северных русских княжеств, монголы два года спустя захватили и разорили Киев, а в 1241 г. вторглись в Польшу, Венгрию, Моравию и Силезию. Дойдя в начале 1242 г. до берегов Адриатического моря, Бату столь же внезапно, как Джебей и Субэдей, прервал свой поход и ушел через Болгарию,

Валахию и Молдавию в низовья Волги. Появление монголов на Дунае и Адриатике вызвало всеобщее беспокойство на Западе. Судьба венгерского короля Белы IV, чьи владения подверглись полному опустошению, свидетельствовала о реальной угрозе, нависшей над Италией, Францией и Германией³. Но хотя папа Григорий IX (1227—1241) и объявил крестовый поход против монголов, никаких действенных мер против них на Западе не предпринималось из-за ожесточенных раздоров и распрей в христианском стане. При этом главным очагом интриг и склок, исключавших возможность совместного выступления католических держав против общего врага, был папский Рим. И Григорий IX и его весьма энергичный преемник Иннокентий IV (1243—1254) делали все возможное, чтобы подорвать могущество одного из влиятельнейших властителей Европы, императора Священной Римской империи Фридриха II Гогенштауфена, и непрерывно сколачивали против него всевозможные лиги и блоки в надежде овладеть южно-итальянскими землями Гогенштауфенов, в первую очередь Сицилией — жемчужиной императорской короны.

Между тем вопреки всем ожиданиям монголы после 1242 г. не предпринимали новых походов в Западную Европу. Объяснялось это прежде всего тем, что в 40—50-х годах XIII в. империя кочевников, созданная Чингисханом, вступила в полосу распада. В восточной ее части обособились улусы внуков Чингисхана от второго и третьего его сыновей Угедея и Чагатая. Эти улусы охватили районы Алтая и Семиречья с Синцзяном. На западе Бату (сын Джучи, первенца Чингисхана) стал по существу независимым владыкой Джучиева, или Кипчакского, улуса (Золотой орды русских летописей), в который входила вся территория между Иртышом и Днестром и Кавказским хребтом и Валдайской возвышенностью. Великие ханы владели «коренным юртом» — Монголией — и Северным Китаем, причем после смерти

³ Кроме того, неблагоприятные вести о монголах приходили на Запад из Грузии (сообщения царицы Рассудан, адресованные папам Гонорию III и Григорию IX) и Малой Азии (просьбы о помощи иконийского султана Ала ад-дина Кей-Кубада). В 1238 г. в Европу прибыло посольство от вождя исмаилитов, фанатичных сектантов-мусульман, наводивших страх на Сирию и Ирак. Исмаилиты просили спасти их от монгольских захватчиков (G. Soranzo, *Il papato...*, pp. 30—35).

преемника Чингисхана Угедея (1241 г.) началась ожесточенная борьба за этот титул⁴. Кроме того, значительные силы монголы держали на вновь завоеванных территориях, где то и дело вспыхивали грозные восстания против ненавистных захватчиков.

Поиски пресвитера Иоанна. В Западной Европе ходили весьма противоречивые слухи о состоянии дел в монгольской империи. Говорили, в частности, будто великие ханы — потомки легендарного христианского властителя «пресвитера Иоанна», чье царство хронисты XII в. помещали на Востоке. С этой мифической версией связывались смутные надежды на грядущий союз монголов и католического Запада.

Как это ни удивительно, но доля истины в слухах такого рода была. В Центральной Азии, Монголии и Китае в XIII в. проживало немало христиан-несториан. Это были потомки переселенцев из Византии и Ирана, осевших в XII—XIII вв. на землях, которые лежали на восточных отрезках Великого шелкового пути⁵.

⁴ Великих ханов избирали на всемонгольских курултаях. Сзывались они обычно через несколько лет после смерти хана. В периоды междуцарствия неизменно возникали смуты, разжигавшиеся различными претендентами и их родичами. Гуюк, сын Угедея, был избран великим ханом только в 1246 г., а когда он в 1248 г. скоропостижно скончался, между потомками Угедея и сыновьями четвертого сына Чингисхана, Тулуя, началась борьба, завершившаяся с помощью Бату победой дома Тулуя. Сын Тулуя Мункэ (1251—1259) стал великим ханом, но в монгольских улусах полновластно распоряжались его родичи.

⁵ В первой половине V в. в Восточной Римской империи возникла «еретическая» секта приверженцев сирийца Нестория. Несторий учил, что дева Мария родила не бога, а человека и что Христос был только «обителью» божества, носителем святого духа. Между тем на Никейском соборе в 325 г. был принят символ веры, согласно которому Христос считался обладателем нераздельно слитых ипостасей — человеческой и божественной, и отрицание единосущности его с богом-отцом ортодоксальная церковь осуждала как величайшую ересь. Учение Нестория приобрело популярность в окраинных областях Восточной Римской империи, особенно в Сирии, где гнет духовных и светских властей вызывал всеобщее недовольство. После того как на Эфесском соборе 431 г. учение Нестория было осуждено, начались жестокие гонения на несториан. В V—VII вв. византийские власти непрерывно их преследовали, и несториане вынуждены были переселяться за пределы империи — в Иран и другие нехристианские страны. Среди сирийских несториан имелось много богатых купцов, чьи капиталы были вложены в торговлю с Центральной Азией, и естественно, что несторианские колонии возникли на главной магистрали, связывавшей Иран с Китаем, — Великом шелковом пути.

Между Тянь-Шанем и Байкалом у тюркско-монгольских племен, населявших эту огромную область, несториане пользовались значительным влиянием. Несторианство получило довольно широкое распространение в Кашгарии, Алтайском крае и Монголии. Много несториан было среди уйгуров, монголов-найманов и монголов-керейтов. Керейты в XII в. кочевали в бассейнах Керулена, Селенги, Шилки и Аргуни. Они были в вассальной зависимости от Цзиньской империи, созданной в Северном Китае их могущественными союзниками чжурчжэнями; керейтские вожди получили от своих сюзеренов титул ван-ханов, или владетельных князей.

Чжурчжэньское завоевание сорвало с насиженных мест различные народы Монголии, в частности киданей, или каракитаев, которые вторглись в Восточный Туркестан и Семиречье, в 1141 г. разбили под Самаркандом среднеазиатского мусульманского государя, турка-сельджука Синджара и вступили в Мавераннахр (междуречье Сыр- и Аму-Дарьи). Вести об этих событиях дошли до Палестины и Сирии, а оттуда в совершенно искаженном виде просочились в 40-х годах XII в. в Западную Европу. В 1145 г. баварский хронист Оттон Фрейзингенский, ссылаясь на сообщение одного сирийского епископа, писал, что царь-пресвитер Иоанн из дальней восточной страны совершил поход на мусульман и дошел до Экбатаны (Хамадана), но не решился перейти Тигр и увел свои войска обратно⁶.

Оттон Фрейзингенский ошибочно приписал каракитаям поход в Иран и Месопотамию и счел их подданными христианского государя. Возможно, однако, что сирийский информатор баварского хрониста располагал какими-то реальными сведениями о восточных соседях каракитаев — керейтах. В его передаче китайско-монгольский титул «ван-хан» стал христианским именем Иоанн. Впрочем, и среди каракитаев было немало несториан, и какой-либо каракитайский военачальник-христианин мог превратиться в царя-священника Иоанна, пока весть о нем шла от берегов Сыр-Дарьи к берегам Леха и Изара⁷.

⁶ «Monumenta Germaniae SS...», t. XX, p. 266; G. Soranzo, *Il papato...*, p. 14.

⁷ Наравне с пресвитером Иоанном в первых сообщениях европейских авторов о монголах фигурировал христианский царь Да-

Не мудрено, что и Чингисхана признали пресвитером Иоанном, хотя не кто иной, как Чингисхан, в 1203 г. разорил кочевое княжество керейтов. Но и в таборах Чингисхана несториане играли значительную роль. Племянница разгромленного Чингисханом ван-хана несторианка Соргахтани-беки была женой младшего сына Чингисхана Тулуя, матерью двух великих ханов (Мункэ и Хубилая) и завоевателя Ирака Хулагу. При Гуюке и Мункэ несториане занимали видные посты в каракурмских канцеляриях и на них часто возлагались ответственные дипломатические поручения. Но ни великие ханы, ни ханы улусов христианства не исповедовали, да и вообще в своей деятельности они менее всего руководствовались религиозными мотивами.

Как раз накануне похода Бату в Рим поступили сведения о мнимой приверженности монгольских государей христианству. В Сирии и Палестине, во владениях, завоеванных в конце XI и XII в. крестоносцами, сведения о странах азиатского Востока собирали монахи различных орденов. В 30-х годах XIII в. они установили контакт с патриархами несторианской и яковитской церквей⁸.

Оба патриарха, сидя в своих месопотамских резиденциях, получали донесения от несториан и яковитов восточных стран и кое-какой информацией поделились

вид. О нем вещал перед крестоносцами, взявшими в конце 1219 г. египетскую крепость Дамьетту, епископ Акки палестинской Жак де Витри. Возможно, лже-Давид Жака де Витри это не Чингисхан, а разбитый им в 1208 г. вождь найманов несторианин Кучлук, который в 1211—1214 гг. не раз вторгался во владения мусульманского властителя Средней Азии хорезмшаха Мухаммеда. Однако в хронике современника Жака де Витри Ришара де Сен-Жермена царем Давидом несомненно назван Чингисхан: Сен-Жермен пишет о царе Давиде, ссылаясь на письмо венгерского короля Андрея II папе, в котором речь идет о вторжении этого государя в 1223 г. в русские земли и истреблении им русов (*ruteis*) и половцев (*plautis*) (J. Richard, *L'Extrême Orient légendaire au moyen âge...*, pp. 225—242; D. Sinor, *Les relations entre les mongols et l'Europe...*, p. 40).

⁸ Яковиты — приверженцы сирийского «ересиарха» Иакова Цанцалы (VI в.). Они признавали в Христе лишь божественную природу, разделяя воззрения монофизитов, которые, хотя и придерживались взглядов диаметрально противоположных несторианским, считались в Византии столь же опасными еретиками. После завоевания Сирии арабами (VII в.) яковиты преследованиям не подвергались. Патриарх яковитской церкви Игнатий II (1222—1252) состоял в дружбе с приорами католических духовных орденов в Палестине.

с агентами Рима. Некто Филипп, приор провинции Святой земли доминиканского ордена, принимая желаемое за действительное, отписал в Рим, что христианство господствует везде на монгольском Востоке⁹.

Хотя еще в конце 30-х годов XIII в. папская курия располагала не только весьма неутешительными сообщениями царицы Рассудан, исмаилитских послов и султана Ала ад-дина Кей-Кубада, но и тревожными сведениями из венгерских источников (венгерские миссионеры успели до вторжения Бату побывать на Волге и в Предкавказье)¹⁰, в Риме решено было завязать сношения с монголами и послать к ним с разведывательными целями специальные миссии.

Подготовка к этим миссиям началась в январе — феврале 1245 г. и шла в Лионе, куда в декабре 1244 г. прибыл с огромной свитой папа Иннокентий IV и где летом 1245 г. был созван собор, который лишил престола Фридриха II Гогенштауфена. И эти и все последующие миссии к монголам осуществлялись представителями двух новых духовных орденов — доминиканского и францисканского, основанных в 1216 и 1223 гг.

---

⁹ G. Soranzo, *Il papato...*, pp. 31—33.

¹⁰ Этим венгерским миссиям посвящены интересные работы венгерского историка и филолога Дени Синора. Синор установил, что венгерский доминиканец Юлиан посетил южнорусские степи и Предкавказье в 1236—1237 гг. и что незадолго до его путешествия Бела IV направил к монголам монахов различных орденов для сбора сведений о них. Записки Юлиана (с неверной датировкой) были опубликованы в русском переводе в 1863 г. («Записки Одесского общества истории и древностей», 1863, стр. 998—1006). Слухи о грозном вторжении монголов в Европу еще в 1237 г. дошли до Англии. Английский хронист Матвей Парижский под 1237 г. занес в свою «*Chronica Major*» сообщение о небывалом падении цен на сельдь в Ярмуте. Купцы из Готланда и Фрисландии, обычно скупавшие значительную часть улова британских рыбаков, в Англию не явились, опасаясь монгольского нашествия. Очевидно, информацию о походе Бату эти купцы получили от немецких гостей Великого Новгорода («*Monumenta Germaniae SS...*», t. XXVIII). После же вторжения Бату в Западную Европу в Рим поступили детальные сообщения о поведении монголов в Польше, Венгрии и Далмации. Даже на фоне таких зловещих сигналов бедствия, как письма Белы IV и князя Даниила Галицкого, выделяется весьма сжатая, но чрезвычайно содержательная записка о разорении татарами Венгрии итальянца Руджеро из Пулии, участника сражений на Дунае, бежавшего из монгольского плена в 1242 г. («*Miserabile carmen super destructione Hungariae per Tartaros factos*», — «*Monumenta Germaniae SS...*», t. XXIX, pp. 547—548; G. Soranzo, *Il papato...*, p. 43).

Миссия Плана Карпини. Самое важное поручение возложено было папой на францисканца Джованни Плана Карпини, итальянца родом, сподвижника основателя ордена Франциска Ассизского¹¹. Ему Иннокентий IV вручил датированное 13 марта 1245 г. письмо «царю и народу тартарскому». Письмо выдержано было в чрезвычайной обтекаемых тонах. Папа слегка журил адресата за разорение завоеванных им земель и ратовал за мирные отношения и сердечное согласие. В другом письме (неизвестно, послано ли оно было с Планом Карпини) папа убеждал «царя тартар» перейти в истинную, т. е. католическую, веру. Имя этого «царя» не было названо, что и понятно: кто правит всеми «тартарами», папа не знал. В 1245 г. преемник великого хана Угедея не был еще избран. Скорее всего папа обращался не к великому хану, а к Бату, о чем свидетельствует маршрут путешествия Плана Карпини¹². Выйдя 16 апреля 1246 г. из Лиона, План Карпини через немецкие земли, Польшу (во Вроцлаве к нему присоединился польский монах-францисканец Бенедикт) и Киев проследовал в ставку Бату (Старый Сарай, или Сарай Бату).

Бату не принял папского письма и отправил Плана Карпини в Монголию через Хорезм, Семиречье и Тарбагатай. Летом 1246 г. План Карпини прибыл в Каракорум, где был свидетелем избрания в великие ханы Гуюка. 13 ноября 1246 г. с письмом Гуюка папе Плану

---

¹¹ Мы здесь не затрагиваем «русского» аспекта миссии Плана Карпини и расчетов папской курии на насаждение в русских землях католичества с помощью монголов. Б. Я. Рамм (*Панство и Русь в X—XV веках*), оценивая характер католической экспансии в Восточной Европе, справедливо отмечает: «Постоянное внимание, которое римская курия уделяла в X—XV вв., как и позднее, Востоку, вызывалось неизменно стремлением к расширению сферы своего влияния на новых землях, к утверждению католической церкви на территории Руси и соседних с нею стран, манивших к себе невиданными богатствами, необъятными просторами, многочисленным населением» (стр. 5).

¹² Миссии Иннокентия IV вызвали беспокойство в мусульманской Сирии и в Египте. Джироламо Голубович воспроизвел несколько писем мусульманских властителей папе (1245—1247 гг.). Эмир Хомса Малик аль-Мансур в письме 30 декабря 1245 г. от своего имени и от лица египетского султана Салех-Айюба заклинает Иннокентия IV не доверяться татарам, этим исчадиям антихриста, опустошающим мир подобием злой чумы (G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. II, pp. 327—337).

Карпини отправился в обратный путь, летом 1247 г. добрался до Киева, а осенью возвратился в Лион.

С дипломатической точки зрения миссия Плано Карпини была бесплодной. Гуюк, самый грубый из всех приемников Чингисхана, оставил без внимания осторожные авансы папы и в письме к нему (подлинник этого документа на персидском языке обнаружен в ватиканских архивах только в 1920 г.) потребовал от папы и христианских государей Запада изъявления полной покорности, не поскупившись при этом на весьма недвусмысленные угрозы. В ответ же на призыв папы креститься Гуюк обрушился с упреками на христианских властителей, которые имели дерзость оказать сопротивление монголам, и поставил под сомнение право папы говорить от имени бога¹³.

Тем не менее миссия Плано Карпини оказалась исключительно плодотворной. Его отчет Иннокентию IV о путешествии в ставку Великого хана содержал ценнейшие сведения о монголах: Плано Карпини описал особенности государственного устройства монгольской империи, обычаи и нравы монголов, их военное искусство и способы управления завоеванными территориями. Хотя и после путешествия Плано Карпини миф о пресвитере Иоанне не утратил своего обаяния, на Западе куда меньше надежд стали возлагать на прохристианские симпатии монголов, которые, как это выяснил посланец папы, оказались не христианами, а язычниками-шаманистами. «История монголов» Плано Карпини в XIII в. пользовалась не меньшим успехом, чем пись-

---

¹³ P. Pelliot, *Les Mongols et la papauté*, t. I, pp. 10—21; «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 221. При Гуюке большую роль играли несториане Кадак и Чинкай, ведавшие всей ханской канцелярией. О их деятельности в пользу христиан в таких тонах писал выдающийся иранский летописец Рашид-ад-дин (1250—1316): «Так как в должности атабека при Гуюк-хане состоял Кадак, который был христианином с детства, то это наложило отпечаток на характер Гуюка. А после того и Чинкай оказался пособником тому делу; и по этой причине Гуюк всегда допускал учение священников и христиан. Когда молва о том распространилась, то из страны Шама, Рума, Осов и Русов в его столицу направились христианские священники». Далее Рашид-ад-дин говорит, что при Гуюке христианство было сильнее ислама (Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. II, стр. 121). Кадак и Чинкай, по всей вероятности, оказали поддержку Плано Карпини, но решающего значения их посредничество, видимо, все же не имело.

ма Колумба в эпоху первых открытий в Новом Свете. Еще в ту пору, когда Плато Карпини работал над своим отчетом, нетерпеливые читатели сняли с этого незаконченного сочинения копии, которые впоследствии ходили по Европе наряду с полными списками «Истории монголов»¹⁴.

Миссии Лонжюмо и Асцелина. Одновременно с Плато Карпини, в марте или апреле 1245 г., Иннокентий IV направил две миссии в юго-западную часть монгольской империи — в Закавказье и Иран. Это были миссии доминиканцев француза Андре де Лонжюмо и итальянца (ломбардца) Асцелина. Лонжюмо долгое время провел во владениях крестоносцев в Сирии и Палестине, выполняя доверительные поручения французского короля Людовика IX. Он владел арабским и «халдейским» языками (халдейским тогда называли иногда сирийский, иногда персидский язык). Лонжюмо из Акки, гавани-крепости Иерусалимского королевства, проследовал в Алеппо и Мосул, где вел переговоры с яacobитами, а затем направился в Тебриз. Там он встретился с видным несторианским церковным и политическим деятелем Симеоном Раббан Атой, который был тесно связан с Каракорумом и ставкой монгольского наместника Северного Ирана и Закавказья Байджу-нойона.

Раббан Ата около 1235 г. был послан великим ханом Угедеем в Великую Армению, в ту пору подвергавшуюся опустошительным вторжениям монголов, и, судя по отзывам армянского хрониста Киракоса Гандзакского, проявил себя как защитник угнетасмого населения этой страны. Находясь затем в Тебризе, Раббан Ата действовал как сторонник союза монголов и христианских государств Передней Азии. Очевидно, в этом же духе он беседовал с Лонжюмо. С весьма ценными сведениями о положении дел на Ближнем Востоке Лонжюмо в середине 1247 г. возвратился в Лион. Раббан Ата, вероятно через Лонжюмо, переслал папе письмо, в котором умолял его прекратить распрю с Фридрихом II ввиду опасности нового вторжения монголов¹⁵.

¹⁴ «История монголов» известна советским читателям по превосходному переводу А. И. Маленна (см. «Путешествие в восточные страны Плато Карпини и Рубрука»).

¹⁵ P. Pelliot, *Les Mongols et la papauté*, t. I, pp. 58—59; J. P. Roth, *Les explorateurs...*, pp. 40—41; G. Soranzo, *Il papato...*

Асцелин, выехавший из Лиона одновременно с Плано Карпини и Лонжюмо, прошел через Киликию, Конью, Сивас, Карс и Тбилиси в ставку Байджу. Эта ставка находилась близ селения Сисиан, на границе Азербайджана и Армении. По дороге к нему присоединилось несколько монахов, в частности доминиканец Симон де Сен Кантен, чье описание этого путешествия включил в свою хронику «*Speculum historiale*» («Зерцало истории») наряду с «Историей монголов» Плано Карпини хронист Винцент (Венсан) из Бове¹⁶.

В отличие от превосходных дипломатов Плано Карпини и Лонжюмо Асцелин был человеком грубым и фанатичным. В ставке Байджу он категорически отказался выполнить довольно унижительные церемонии и громко заявил, что послан сюда величайшим земным владыкой не для того, чтобы пресмыкаться перед варварами, а чтобы призвать их к ответу за тяжкие грехи и злодеяния. Только заступничество советников Байджу спасло Асцелина от казни; миссия его, однако, имела частичный успех: с Асцелином летом 1248 г. явились в Лион послы Байджу — Айбег и Сергис. Сергис, судя по имени, был несторианином, и надо полагать, что это монгольское посольство снаряжалось не без участия Раббан Аты, которого, кстати говоря, Асцелин не преминул жестоко оскорбить.

Относительно переговоров Айбега и Сергиса с папой ничего определенного неизвестно. В ноябре 1248 г. послы отбыли восвояси. Так или иначе, дорога на Запад была с этого момента открыта для монгольских посольств. Выдающийся французский китаевед П. Пеллио, подводя итоги миссии Асцелина, справедливо заключает: «В стане Байджу, в обстановке 1247 г., несмотря на выходки Асцелина, крепла мысль о сотрудничестве франков и монголов в борьбе с мусульманами; эти замыслы, несомненно выношенные христианами Месопотамии и Центральной Азии, уже носились в воздухе»¹⁷.

Армяне и монголы. Миссия Смбата. В немалой степени установлению контактов между Западом и монголами способствовали государственные деятели Киликийской

---

¹⁶ См. J. Richard, *Simon de Saint Quentin*.

¹⁷ P. Pelliot, *Les Mongols et la papauté*, t. I, p. 112.

Армении. Государство это возникло в конце XI в. в юго-восточном углу Малой Азии, где осело много переселенцев из Великой Армении, разоренной турками-сельджуками и византийцами.

Феодалная знать Киликийской Армении и цари из местных династий Рубенидов и Хетумидов в борьбе с могущественными соседями-сельджуками Иконийского султаната и мусульманскими правителями Сирии и Египта опирались на крестоносцев и поддерживали дружественные отношения с Генуей, Венецией, Францией и Англией. Когда в 30-х годах XIII в. монголы вторглись в Великую Армению, правители Киликийской Армении отсиделись за высокими хребтами Тавра. А в 40-х годах царь Хетум I (1226—1270) ценой признания вассальной зависимости от монголов обезопасил свою маленькую страну от их нашествий и приобрел в лице монголов сильных союзников.

Киликия лежала на перекрестке главных путей, идущих из Малой Азии в Сирию и от гаваней левантйского побережья в Месопотамию, Закавказье и Иран. Основная киликийская гавань — Айяс — была важнейшим торговым центром, через который транзитом шли товары из европейского Средиземноморья в страны Ближнего Востока. Поскольку монголы были заинтересованы в развитии международной торговли на сквозном пути из Средиземноморья в Иран, Среднюю Азию и Китай, контроль над исходным, киликийским, отрезком этой трассы их вполне устраивал; кроме того, ключи от горных проходов в Киликийском Тавре и Аманском хребте оставались в руках армянских союзников монголов, что сулило последним существенные стратегические выгоды в случае большого похода против Египта и сирийских мусульман.

В 1243 г., после побед, одержанных Байджу над сельджуками, брат Хетума I коннетабль Смбат заключил с этим монгольским наместником взаимовыгодный договор, а в 1246—1248 гг. посетил Каракорум. Великий хан Гуюк, по словам армянского хрониста Григория Акнерци, дал Смбату «великий ярлык, золотые пайцзы и выдал за него татарку». Киракос Гандзакский отмечает, что «Смбату дали охранные грамоты на многие области и крепости, которые раньше принадлежали царю Левону [Левону II, правившему Киликийской Арме-

ний в 1187—1219 гг.,] но после его смерти были отняты у армян султаном Рума Ала ад-дином»¹⁸.

Иерусалимское королевство и седьмой крестовый поход. О ходе этих переговоров на Западе кое-что знали, и дипломатическую инициативу правителей Киликийской Армении не могли не одобрить в Риме и Париже, так как в Палестине и Сирии дела складывались неблагоприятно для христианских государств, созданных там в ходе первых крестовых походов.

К 40-м годам XIII в. франки (так называли крестоносцев мусульмане) удерживали в Сирии и Палестине узкую полосу побережья и два выступа, неглубоко вдающихся в палестинский хинтерланд — галилейский и иерусалимский. Северная часть этой территории входила в состав Антиохийского княжества и графства Триполи; обоими этими клочками сирийской земли владели потомки норманнского кондотьера Боэмунда Тарентского, захватившего Антиохию в 1098 г. во время первого крестового похода. Юг был во власти Иерусалимского королевства. Это было государство весьма оригинальное. Его корона принадлежала Фридриху II Гогенштауфену, а всеми иерусалимскими землями распорядилась свора феодалов, которые вечно грызлись между собой и знать не желали своего короля, сидевшего в далекой Сицилии. В галилейской пустыне, в окрестностях Иерусалима, Яффы, Акки, Цезареи, Тира рассеяны были бесчисленные замки графов, баронов и сенешалей, отпрысков знатных французских, итальянских и баварско-швабско-саксонских фамилий. За высокими стенами и глубокими рвами сидели иоанниты и тамплиеры, воины духовно-рыцарских орденов. В приморских городах хозяйничали венецианцы, генуэзцы, пизанцы, каталонцы, марсельцы. У них были свои кварталы, церкви, пристани, склады, свои консулы и судьи.

На юге и юго-востоке лоскутные франкские владения граничили с могущественным египетским султанатом. На севере и северо-востоке они соседствовали с полунезависимыми эмиратами Хомса, Дамаска, Алеппо и другими мусульманскими государствами. Правоверные властители этих карликовых держав охотно воевали вместе с франками против Египта и не менее охотно

---

¹⁸ [А. Г. Галстян], *Армянские источники о монголах*, стр. 8, 18.

опустошали земли своих вероломных союзников. На стыке двух миров, в обстановке постоянных междоусобиц, тайных, обычно нечистых сделок и грабительских набегов крестоносцы и их потомки приобрели те особенности, которые позволили немецкому пилигриму Бурхардту Монте-Сиону сказать в 1287 г., что из всех наций, обитающих в Святой земле, «худшая — это наши латиняне...»¹⁹.

В 1229 г. мудрый император Фридрих II заключил с Египтом худой мир, который был все же лучше доброй ссоры. Ему даже удалось приобрести (на правах открытого города) Иерусалим, утерянный крестоносцами в 1187 г.

Неустойчивое равновесие в Палестине было нарушено десять лет спустя. Честолюбивый граф Шампани Тибо IV, собрав под свои знамена цвет французского рыцарства, предпринял шестой крестовый поход. Он отвоевал у мусульман Аскалон и Тивериаду, но эти захваты вызвали ответные удары со стороны Египта. В августе 1244 г. франки навсегда утратили Иерусалим, в октябре того же года их войска были разгромлены под Газой, а в 1247 г. они потеряли Аскалон и часть Галилеи с Тивериадой.

После поражения у Газы иерусалимский и антиохийский патриархи потребовали, чтобы папа как можно скорее организовал всехристианский крестовый поход. На лионском соборе Иннокентий IV обратился к государям Европы с призывом ускорить подготовку к новому походу. Но главным врагом папы был не египетский султан, а Фридрих II, и на вербовку союзников, готовых выступить против императора, Иннокентий IV щедро тратил деньги, собранные на новый крестовый поход. На свой страх и риск поход этот организовал в 1248 г. Людовик IX. К тому времени палестинские бароны низложили сына Фридриха II Конрада, которому отец передал иерусалимскую корону. Эту корону они подарили королю Кипра Генриху Лузиньяну. Людовик IX отплыл из провансальской гавани Эг-Морт на Кипр в надежде отвоевать Иерусалим для нового короля, и естественно, что обиженный Фридрих II немедленно известил султана о всех военных планах вождя нового крестового по-

---

¹⁹ J. C. Laurent, *Peregrinationes medii aevi quatuor*, p. 88.

хода. Столь же не расположены были к этому походу венецианцы. Блокада нильского устья подрывала их торговлю с Египтом.

Людовик IX и монголы. Второе посольство Лонжюмо; миссия Рубрука. В крайне неблагоприятной обстановке, создавшейся в 1248 г., Людовик IX не мог не вспомнить о монголах. Впрочем, и монголы, узнав, что Людовик IX с большим войском прибыл на Кипр, поспешили установить с ним связь. Новый монгольский наместник, сменивший Байджу-нойона, Эльджигидей (Ильчикдей) направил в Никозию двух послов, уроженцев Мосула Сейф ад-дина Дауда и Марка. Оба были христианами, и чисто арабское имя первого посланца (в переводе на русский язык оно означает Давид, меч веры) свидетельствует, что его обладатель был маронитом, арабизированным сирийским христианином. Послы в декабре 1248 г. вручили Людовику IX письмо Эльджигидея. В этом письме французский король назван был «могущественным царем» — формула необычная для монгольских дипломатических документов того времени. Письмо не содержало никаких конкретных предложений, но послы (с ними вел переговоры Лонжюмо) истине вопреки сообщили, что великий хан Гуюк, считавший себя по материнской линии внуком самого пресвитера Иоанна, принял крещение и заставил креститься восемнадцать монгольских принцесс. Послы поведали, что Эльджигидей также перешел в христианскую веру. Эта дезинформация преследовала определенную цель. Эльджигидей собирался в 1249 г. совершить поход на Багдад, резиденцию халифов из некогда могущественного рода Аббасидов и духовных глав всего мусульманского мира. Поэтому он был заинтересован в крестовом походе франков, который мог бы связать руки султану Египта, союзнику халифа. Людовика IX надо было заверить, что монголы не собираются вторгаться во владения франков, но не давать при этом никаких обязательств. Басни о крещении Гуюка несомненно должны были вызвать у Людовика IX нужный Эльджигидею психологический эффект²⁰. И действительно: в январе

²⁰ Гийом Рубрук прямо называет Дауда обманщиком, отмечая при этом, что такого же мнения придерживался и великий хан Мункэ («Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 194, 229).

1249 г. король направил Эльджигидею и великому хану посольство во главе с Андре де Лонжюмо. Через Акку, Антиохию и Мосул оно проследовало в ставку Эльджигидея, а оттуда двинулось в джунгарские земли, где должен был находиться великий хан. Лонжюмо не знал, что Гуюк умер еще в апреле 1248 г. Вдоль южного берега Каспийского моря Лонжюмо прошел в Хорезм и Семиречье. Осенью 1249 г. его приняла в Эмиле (Джунгария) регентша — вдова Гуюка Огул-Гаймыш и ее советник несторианин Чинкай.

В ставке регентши обстановка была напряженной. Власть постепенно от нее ускользала; сыновья Гуюка накануне курултая, где должны были избрать нового великого хана, потерпели неудачу в борьбе с сыном Тулуя Мункэ, которого поддерживал «юрт» Бату. Лонжюмо был встречен холодно, подарки короля Огул-Гаймыш сочла данью. В своем письме к Людовику IX она ничего не говорила о переходе в христианство и о союзе с Западом, но зато подчеркивала, что король должен признать себя вассалом государей из дома Чингисхана. Хронист Жуанвиль, участник последних крестовых походов Людовика IX, отмечал, что король был раздражен этим требованием²¹.

Лонжюмо в апреле 1251 г. возвратился в Палестину и в Цезарее был принят Людовиком IX, который к этому времени успел потерпеть поражение в Египте и побывать в плену. Хотя седьмой крестовый поход завершился катастрофой, Людовик IX не потерял надежды на перемену обстоятельств. Готовясь к новому крестовому походу, он не оставлял мысли о возможном союзе с монголами. Король, однако, не желал направлять в Монголию официального посольства. В начале 1253 г. он решил снарядить скорее разведывательную, чем дипломатическую миссию, на этот раз в Золотую орду. До

---

²¹ Жуанвиль так пересказал ответ Огул-Гаймыш Людовику IX: «Мир — благо, ибо когда страна в мире, четвероногие вволю едят траву, а двуногие обрабатывают землю... Но мы тебя уведомляем, что не жить тебе в мире, коли нарушишь мир с нами. Пресвитер Иоанн и другие цари... поднялись на нас, но мы уничтожили их мечом. И мы хотим, чтобы ты каждый год посылал нам золото и серебро, и так много, чтобы мог ты приобрести нашу дружбу. А если сделаешь иначе, мы уничтожим тебя и твой народ, как уничтожили тех, о конх сказано было прежде» (Ch. Dawson, *The Mongol Mission...*, p. XX).

Палестины дошли сведения о принятии христианства сыном Бату Сартаком, и Людовику IX казалось, что это обстоятельство сулит ему кое-какие выгоды.

Францисканский монах Вилем Рейсбрук, фламандец родом, более известный под именем Гийома Рубрука, был поставлен во главе этой миссии. Рубрук долгое время пробыл в Палестине, участвовал в седьмом крестовом походе и, видимо, основательно «офранцузился». Выбор этот оказался на редкость удачным. Знаниями, умом, наблюдательностью Рубрук превосходил своих предшественников, не исключая Плано Карпини. В 1253 г. ему было 35—40 лет, он обладал железным здоровьем и необыкновенной выносливостью. Соблюдая строгие правила своего ордена, он всегда, даже в лютую монгольскую зиму, ходил босиком. Что очень важно, он умел внушить к себе уважение в любой среде. С величайшим достоинством, без тени раболепия он вел переговоры с такими опасными собеседниками, как Бату или Мункэ, легко завоевывая их доверие и расположение.

В миссии Рубрука было пять человек: сам Рубрук, францисканец Бартоломео из Кремоны, юный клирик Гийом Госсе, или Госсель, толмач по кличке *Ното деи* (человек божий) и мальчик Николай, купленный Рубруком в Константинополе. В письме Людовика IX Сартаку ни слова не говорилось о совместных действиях против мусульман. Король просил лишь разрешить Рубруку миссионерскую деятельность в стране Сартака. Рубруку предоставлялось, однако, право вести переговоры на любые темы, по его собственному усмотрению.

Рубрук выехал из Акки в начале 1253 г., некоторое время пробыл в Константинополе, откуда в мае переправился в Солдаю (Судак). 1 июня он на повозках, запряженных быками, выехал из Солдаи и через три дня встретился в крымских степях с монголами. «Когда я вступил в их среду, — пишет Рубрук, — мне показалось, будто я попал в какой-то другой мир...» Два месяца Рубрук тащился на быках до лагеря Сартака, расположенного в трех дневных переходах от Волги. Здесь он встретил одного из эльджигидейских послов, посетивших в 1248—1249 гг. на Кипре Людовика IX (скорее всего это был Марк), а также французского рыцаря Балдуина Гено, женатого на кипчакской царевне и много лет прожившего в Золотой орде. Сартак переадресовал пись-

мо Людовика IX своему отцу Бату. Выяснилось, что христианином Сартак не был, и Рубрук совершенно правильно заметил, что этот правитель ценит христиан, так как те, проезжая через его область, делают ему подарки; но Сартак еще лучше относился бы к сарацинам (мусульманам), если бы те давали ему больше, чем христиане.

Бату находился летом 1253 г. в своей временной ставке, расположенной за Волгой близ селения Увек, неподалеку от современного Саратова. Бату принял Рубрука довольно благосклонно, но просьбу Людовика IX дозволить его посланцам миссионерскую деятельность среди монголов не удовлетворил; вернее, Бату уклонился от ответа и направил Рубрука в Каракорум к новому великому хану Мункэ. С кочевой ставкой Бату Рубрук затем пять недель медленно шел вниз вдоль Волги, а затем, 15 сентября 1253 г., покинул обозы Бату и направился на восток. Он перешел реку Урал и через северное Приаралье и Прибалхашье проследовал к Джунгарским воротам и оттуда в Каракорум, куда прибыл 27 декабря 1253 г.

Рубрук попал в Каракорум спустя год-полтора после грандиозной расправы, предпринятой Мункэ. Над родичами Гуюка устроен был суд. Их обвинили в намерении извести Мункэ²². 77 «заговорщиков» было казнено. Та же участь постигла Огул-Гаймыш и ее несторианских советников Кадака и Чинкая. По неписаным законам всех деспотий в немилость впали наместники и приближенные правителей и правительниц из дома Гуюка. Рубрук оказался в трудном положении, поскольку Мункэ объявил ему, что все переговоры, которые велись от лица Огул-Гаймыш, «женщины, более презренной, чем собака», и от имени к тому времени уже умершего Эльджигидея, следует считать недействительными. Тем не менее Рубрук добился многого. Великий хан передал ему письмо Людовику IX, выдержанное в умеренных тонах. Мункэ просил короля направить к нему послов для дальнейших переговоров и намекал на возможность новых монгольских походов, которые затронут христианский мир, но только в том случае,

---

²² В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, стр. 559—560.

если европейские государи выступят против монголов. В начале 1254 г. в Каракоруме уже намечались планы вторжения в Месопотамию и войны с Египтом, и Мункэ давал, таким образом, понять, что эти операции не направлены против христианской Европы и Палестины.

В июле 1254 г. Рубрук выехал из Каракорума. Он возвратился в Палестину, следуя по маршруту Семиречье — северное Приаралье — Старый Сарай — Дербент — Ани — Сивас — Конья — Антиохия — Акка — Фамагуста. В Фамагусту, главную гавань Кипра, он прибыл 16 июня 1255 г. В это время Людовик IX был во Франции, куда он вернулся из многолетнего бесплодного сидения в «Святой земле».

Отчет Рубрука Людовику IX («Путешествие в восточные страны») — исторический памятник величайшей ценности. Хотя Рубрук шел на восток по следам Платона Карпини и Лонжюмо, его описания Южной Руси, Кавказа, территории современного Казахстана, Джунгарии и Западной Монголии содержали географические и этнографические сведения, которые значительно расширили представления его современников о странах Восточной Европы и Средней Азии.

Поразительно, что, не владея восточными языками, странствуя в мире, который Рубрук сам же назвал чужим и диким, он разглядел главные особенности монгольского общественного уклада. Книга Рубрука — это курс анатомии монгольской империи, анатомии социальной и политической. Кровеносной и нервной системами этой колоссальной империи были ее сквозные торговые пути, и Рубрук четко прорисовал их. В записках Рубрука мы найдем сведения о «яме» (подворье) в ставке Бату, куда прибывают торговые люди с Запада. Он пишет о парижанине Буше, золотых дел мастере, вольготно живущем в Каракоруме, он упоминает об армянах, венграх, греках, ведущих прибыльные дела во владениях великого хана. Богатство и разнообразие информации сочетается у Рубрука с ясным и удивительно емким языком. Недаром, так же как и труд Платона Карпини, «Путешествие» Рубрука стало в XIII—XIV вв. одной из самых популярных книг²³.

²³ Последнее издание книги Рубрука на русском языке (в переводе А. И. Малеина) вышло в свет в 1957 г. («Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрука»),

Соглашение Хетум — Мункэ и рождение монгольской державы Хулагидов. Дипломаты Киликийской Армении в 50-х годах XIII в. вновь добились выдающихся успехов, опередив Западную Европу на пути эффективных переговоров с монголами. «В году 702 [1253], — пишет коннетабль Смбат, — армянский царь Хетум переделся погонщиком и с небольшим числом людей оставил свою страну Киликию и отправился на Восток к народам стрелков, к Мангу-хану [Мункэ]»²⁴. 13 сентября 1254 г. царь Хетум I въехал в Каракорум. Ход переговоров Хетума I с Мункэ обстоятельно изложен в трактате «Вертоград историй стран Востока» великого армянского историка, тезки и родственника царя-путешественника.

Хетум-историк писал этот трактат в Пуатье в 1307 г., писал на великолепном старофранцузском языке, страстно мечтая об изгнании мусульман из «Святой земли»²⁵. Эти грезы придали определенную окраску его историческим реминисценциям. По словам Хетума-историка, Хетум I передал Мункэ петицию из семи пунктов: он просил Мункэ перейти в христианскую веру, отнять у сарацин Святую землю и возвратить ее христианам, выгнать из Багдада халифа, вернуть армянскому царству все земли, отобранные у него сарацинами. Хетум мог обратиться к великому хану с такими просьбами, но крайне сомнительно, чтобы Мункэ согласился их удовлетворить, как утверждает это историк.

Более того, он вставляет в уста Мункэ такие слова: «Если мы беспрепятственно могли бы отправиться [в поход на „Святую землю“], то из уважения, которое мы питаем к Иисусу Христу, мы отправились бы лично, но так как мы очень заняты в этих местах, мы поручим нашему брату Хаолону [Хулагу] осуществить это намерение, как подобает. Он осадит город Иерусалим... и возвратит его в руки христиан... желаем, чтобы [Хулагу] уничтожил халифа как нашего злейшего врага»²⁶.

---

²⁴ [А. Г. Галстян], *Армянские источники о монголах*, стр. 49.

²⁵ Трактат Хетума [Гайтона] неоднократно издавался и в Западной Европе и в Армении. Лучшее критическое его издание осуществлено было Ш. Кёлером («Recueil...», pp. 111—363). О Хетуме-историке см.: С. М. Мирный, *La flor des estoires de la Terre d'Orient Гайтона...*

²⁶ [А. Г. Галстян], *Армянские источники о монголах*, стр. 69.

Хетуму-историку отлично были известны события 1258—1260 гг., он знал, что Хулагу действительно взял Багдад и уничтожил халифа и что мусульманская часть Сирии и Палестины едва не досталась монголам. И он не избежал соблазна: события 1258 г. вместил в 1254-й. Надо полагать, что идея багдадского похода возникла у Мункэ независимо от пожеланий и просьб армянского царя. Не было у Мункэ также никаких оснований для щедрых и к тому же совершенно не совместимых с монгольской дипломатической практикой посулов армяно-сирийско-палестинским христианам.

Несомненно, впрочем, что Хетум I получил гарантии неприкосновенности своей территории и что ему были обещаны определенные прирезки в случае грядущих монгольских побед²⁷. В неизбежности монгольского похода на юго-запад царь, выезжая в ноябре 1254 г. из Каракорума, мог не сомневаться. Подготовка к нему шла полным ходом.

Хотя Иран, Закавказье и восточные районы Малой Азии были завоеваны монголами в 20—30-х годах XIII в., эти страны при Угедее, Гуюке и в начале царствования Мункэ были привесками к империи, ее далекой периферией. Сыновья Тулуя, дорвавшись в 1251 г. до власти, стремились выкромить себе уделы. Иранско-закавказские области решено было передать в качестве автономного улуса Хулагу, третьему сыну Тулуя и младшему брату Мункэ. По существу речь шла о вторичном завоевании этих многострадальных земель и об утверждении в их пределах жестокой системы эксплуатации местного населения, которое до той поры монгольские наместники разоряли и грабили лишь от случая к случаю. Хулагу намерен был погасить в Иране и Закавказье все очаги сопротивления, покончить с независимостью исмаилитов, владевших могучими крепостями

---

²⁷ Современник и сподвижник Хетума I Киракос Гандзакский в весьма сдержанных тонах пишет о результатах переговоров царя и великого хана: «Хетум принес ему [Мункэ] дары и был принят им достойным образом. Он пробыл в орде 50 дней. Мангу-хан дал ему ярлык, воспрещавший притеснять Хетума и его царство, и грамоту, даровавшую повсеместную свободу церквям» (К. П. Патканов, *История монголов по армянским источникам*, вып. II, стр. 82. Об истинном характере миссии Хетума I см. также: Г. Микаелян, *История Киликийского армянского государства*, стр. 315).

в Мазандране, и прибрать к рукам южноиранские территории, почти не освоенные монголами²⁸.

Хулагу стремился прибрать к рукам всю Переднюю Азию, так как западные, концевые участки сквозных торговых путей проходили через Месопотамию и Сирию. Месопотамия же была целиком во владении мусульманских государей, Сирия — в значительной своей части, причем мелкие феодальные государства этой области в той или иной степени зависели от могущественного египетского султаната.

План этой широчайшей экспансии Хулагу в обычном для монгольских завоевателей стремительном темпе принялся осуществлять в 1256 г. Собрав в районе Самарканда огромное войско, Хулагу 2 января перешел Аму-Дарью и обрушился на мазандранских исмаилитов. Главные их крепости Аламут и Меймундиз были взяты после довольно долгой осады; наведя страх на весь Иран (где довольно строптивые мусульманские власти — Фарса и других иранских земель изъявили Хулагу полную покорность), монголы в 1257 г. начали подготовку к походу на Багдад. В ноябре две монгольские армии под командой Хулагу и лучшего его полководца несторианина Китбуги вторглись в Ирак. Халиф аль-Мустасим сдался на милость победителей. Халифа сперва заставили указать места, где он укрывал свои сокровища, а затем Хулагу велел посадить его в мешок и бросить под копыта своей конницы. 13 февраля 1258 г. монголы вошли в Багдад. «Среда 7-го числа месяца сафара была началом поголовного грабежа и убийств. Войска вошли в город и предавали огню сырое и сухое»²⁹. Вырезано было около 90 тысяч жителей. По ходатайству старшей жены Хулагу, несторианки Докуз-хатун, христианам сохранили жизнь и имущество³⁰. Хулагу вынужден был мобилизовать весь верблюжий транспорт в своих владениях для вывоза багдадской добычи.

Взяв Багдад, Хулагу пошел в Иран и Азербайджан, а оттуда в сентябре 1259 г. двинулся в Сирию. Одновре-

---

²⁸ Хулагу и его преемники присвоили себе титул иль-ханов, или повелителей народов.

²⁹ Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. III, стр. 44.

³⁰ Рашид-ад-дин отмечает, что Докуз-хатун, принадлежавшая «к кости керейт», постоянно поддерживала христиан и «эти люди в ее пору стали могущественными» (*Сборник летописей*, т. III, стр. 3).

менно с ним на Алеппо и Дамаск (владения мусульманского эмира ан-Насира Юсуфа) выступили войска Хетума I и его зятя Боэмунда VI, князя Антиохийского. В начале 1260 г. союзники взяли Алеппо и Дамаск, а затем монголы прошли всю Сирию и Иорданию и, захватив Газу, оказались у ворот Египта. Судьба Египта висела на волоске, но внезапно Хулагу со своим войском ушел в Иран, оставив у Газы небольшой отряд под командой Китбуги. Хулагу помчался к северным границам своего улуса, получив сообщение о смерти Мункэ и распре между претендентами на титул великого хана — Хубилаем и Аригбугой, его родными братьями.

Между тем в Египте готовились к большой войне с монголами. В июле 1260 г. египетские войска во главе с блестящим полководцем мамлюком Рукн ад-дин Бейбарсом (спустя несколько месяцев он сверг мамлюкского же султана Котуза и вплоть до 1277 г. правил Египтом) вошли в Палестину, взяли Газу и погнали Китбугу на север. 3 сентября 1260 г. Бейбарс разгромил монголов под Айн-Джалутом на рубежах Галилеи и Сирии; Китбуга был взят в плен и казнен, остатки монгольского войска, изгнанные из Дамаска и Алеппо, ушли за Евфрат.

В итоге в 1260 г. держава Хулагу, сохранив Ирак, утратила свои владения в Сирии. Положение же сирийских и палестинских франков резко ухудшилось. Их соседями на востоке теперь уже были не слабосильные малики, эмиры и атабеги Дамаска, Алеппо, Хомса и других мелких мусульманских государств, а египтяне, султаном которых стал неутомимый вонтель Бейбарс.

Последние форпосты крестоносцев в Сирии и Палестине были теперь обречены на гибель. Но с созданием нового монгольского улуса на Ближнем Востоке четко наметилась и новая система всесторонних связей между европейским Средиземноморьем и Юго-Западной и Южной Азией. 60-е годы XIII в. были тем временем, когда на рубежах Европы и Азии произошли важные события, оказавшие большое влияние на формирование этой системы,

Итальянские торговые республики и католические миссии

Генуя и Венеция. До сих пор, говоря о первых контактах между Западной Европой и монгольским миром, мы касались главным образом истории дипломатических переговоров, которые в 40—50-х годах XIII в. вели не слишком уступчивые договаривающиеся стороны. Но уж тот факт, что в эти годы Запад постоянно направлял на монгольский Восток свои посольства, свидетельствует о крайней заинтересованности Европы в установлении связей с монголами. Разумеется, определенную роль играли и соображения о союзе с монголами в борьбе за Сирию и Палестину, но этот «крестоносный» аспект был отнюдь не самым главным. В сущности, к середине XIII в. крестовые походы стали уже анахронизмом. Палестинские плацдармы, которые приходилось удерживать весьма дорогой ценой, не давали осязаемых выгод ни итальянским торговым городам, ни крупным западноевропейским державам. Значение первых четырех крестовых походов как раз в том и заключалось, что благодаря им были разведаны и освоены пути на Восток не только через «Святую землю», но и в обход ее. Не случайно четвертый крестовый поход завершился в 1204 г. захватом Константинополя, основного перекрестка морских и сухопутных дорог, идущих из Средиземного в Черное море и из Юго-Восточной Европы в страны Ближнего и Среднего Востока. Латинская империя, созданная на Босфоре в 1204 г., сразу же стала вотчиной венецианцев, побудивших крестоносцев к штурму Константинополя.

Итальянские города-государства — Венеция, Генуя, Пиза, Флоренция, Милан, Сиена, Лукка — в XII—XIII вв. развивались и набирали силу с быстротой, совершенно необычной для неторопливого средневековья. Они пожали первые плоды крестовых походов. Расширение европейского рынка, рост торговли с Востоком, грабительские набеги на богатейшие области Сирии, Палестины, Малой Азии, Балканского полуострова — все это способствовало расцвету итальянских городов, расположенных на скрещении главных путей Средиземноморья. В XIII в. они стали крупными центрами ремесленного производства. Флорентийские сукна, шелковые ткани

Лукки, бархат генуэзской выделки, изделия миланских оружейников, венецианское стекло приобрели известность не только в Италии, но и далеко за ее пределами. Работая преимущественно на привозном сырье (английская и испанская шерсть, краски для восточных тканей, металлы, извлекаемые из чешских, саксонских, шведских, английских и австрийских руд), флорентийцы, ломбардцы, генуэзцы, венецианцы расширяли сферу своей деловой активности. Во Франции, Англии, Арагоне, Кастилии, Португалии, Германии влияние итальянских купцов и банкиров постоянно возрастало. В Генуе и Венеции главным источником богатства и мощи была транзитная торговля между Западной Европой и Востоком³¹. При этом и Генуя и Венеция обладали внутренним устройством, отлично приспособленным для ведения торговых операций огромного размаха. Вся власть в этих коммерческих республиках принадлежала купеческому патрициату — аристократии чистогана, и этим олигархам доставалась львиная доля доходов от заморской торговли. В Генуе в XIII—XIV вв. у кормила правления стояли торговые дома Дориа, Фьески, Спинола, Паллавичини, Ломеллино, Негро. В их цепких руках находились органы городского управления, флот, верфи, таможни; они были распорядителями генуэзского банка «Каза ди Сан-Джорджо», консулами в заморских колониях, послами при европейских дворах, они командовали боевыми флотилиями и караванами торговых судов. Генуэзец Синибальдо Фьески под именем Иннокентия IV одиннадцать лет правил христианской Европой на благо своему родному городу; Оттобоно Фьески стал папой Адрианом V. Генуэзский патрициат поставлял папской курии кардиналов, архиепископов, епископов, магистров и приоров духовных орденов, отпрыски генуэзских знатных фамилий занимали видные посты в папской камере, финансовом департаменте заместителей святого Петра³².

Такая же картина была в Венеции, где патрицианские дома Дандоло, Морозини, Мочениго, Контарини,

---

³¹ Разумеется, они были не единственными посредниками. Их серьезным соперником была Пиза, а кроме того, в транзитной торговле активное участие принимали многие неитальянские города, в частности Парбонна, Марсель, Монпелье, Барселона, Дубровник.

³² A. Sayons, *Les nobles et aristocratie à Gènes*, pp. 366—381.

Зено, Соранцо распоряжались в Большом и Малом Советах республики, посылали флотилии в заморские земли, управляли венецианскими колониями и опорными базами и наряду со своими соперниками-генуэзцами поставляли Риму церковных деятелей, тесно связанных с олигархией города святого Марка.

В Генуе и Венеции в XII—XIII вв. возникли новые, великолепно приспособленные к практике международной торговли формы организации коммерческих предприятий. Это были своего рода акционерные компании, в которых на определенных условиях участвовали лица, финансирующие торговую экспедицию, и непосредственные ее участники. *Stanz* — «остающийся» компаньон — вносил две трети капитала, *tractator* — «деятель», уходящий в плавание, вкладывал в предприятие треть капитала, но получал несколько большую долю при дележе выручки. Такие компании (в Генуе они назывались коммендой, в Венеции — коллеганцей) порой насчитывали десятки участников, причем свои паи могли продавать, как это делают в наши дни держатели акций. Банки — «Каза ди Сан-Джорджо» в Генуе и «Монте» в Венеции — под соответствующие проценты давали этим компаниям ссуды³³.

Наряду с итальянскими торговыми городами в экспансии на Восток активное участие приняли франци-

---

³³ Насколько велико было богатство венецианских и генуэзских магнатов, можно убедиться на следующих примерах: в 1268 г. дож Венеции Риньеро Зено в своем завещании указал, что капитал, вложенный им в 132 коллеганцы, составляет 22 935 венецианских лир, присовокупив при этом, что общая стоимость его движимого имущества равна 38 848 лирам (Дж. Луццато, *Экономическая история Италии*, стр. 371). В начале XIII в. венецианская лира соответствовала 33,65 г золота. Таким образом, в весовых единицах капитал Риньеро Зено, вложенный в торговые предприятия, составлял 772 кг золота. Сама по себе эта цифра весьма внушительна, но истинное значение ее станет куда яснее, если учесть, что в XIII—XIV вв. человек со средним достатком мог прожить на две венецианские лиры в год и что на эту сумму можно было приобрести 1440 фунтов мяса или 480 л оливкового масла или 3600 яиц или 2400 л вина, а годичное жалованье служанки не превышало одной трети лиры (там же, стр. 419). В Генуе в 1440 г. один представитель дома Спинола внес налог в размере 240 тыс. генуэзских лир. По расчетам немецкого историка Г. Зивекнинга, сумма эта соответствует 277 кг золота (H. Sieveking, *Die kapitalistische Entwicklung...*, S. 89). Надо полагать, что капиталы этого генуэзского Креза намного превышали сумму налогового сбора.

сканский и доминиканский ордена, действия которых направляла всемогущая католическая церковь.

Миссии францисканского и доминиканского орденов на Востоке. Юлиан, Плато Карпини, Бенедикт из Польши, Лонжюмо, Сен Кантен, Асцелин, Рубрук... О них не раз упоминалось в предыдущем разделе, причем всегда к именам этих деятелей добавлялась ссылка на их принадлежность либо к францисканскому, либо к доминиканскому ордену. Уже одно это обстоятельство наводит на мысль, что у того и у другого ордена с восточными землями связывались определенные интересы и что оба они располагали отличной агентурой, к услугам которой охотно прибегали папы и короли. Но во времена Плато Карпини и Рубрука миссионерская и прочая деятельность обоих орденов на Востоке только-только начала разворачиваться; своего зенита она достигла 50—70 лет спустя.

Все же именно эти ордена взяли на себя все функции, связанные с разведкой, дипломатическими переговорами и распространением «истинной веры» в странах Востока. «Старые» ордена никакой роли в подготовке католической экспансии в эти страны не играли. Даже тамплиеры и иоанниты, которые имели огромный опыт общения с сарацинами и схизматиками, не принимали участия в большой игре, первые партии которой разыграны были Плато Карпини и Лонжюмо в Каракоруме и в закавказской ставке Байджу-нойона.

Объясняется это прежде всего тем, что францисканский и доминиканский ордена были созданы римской церковью применительно к тем новым задачам, которые возникли перед ней в начале бурного и тревожного XIII века. И быстро растущие города и деревня, которая все больше и больше втягивалась в процесс товарно-денежных отношений, стали ареной острых социальных конфликтов. Их следствием были великие народные движения, и протест против засилья духовных и светских феодалов отливался в форму ересей.

В то же время церковь — этот крупнейший феодал и крепостник в Европе — в начале XIII в. при папах Иннокентии III (1198—1216), Гонории III (1216—1227) и Григории IX (1227—1241) прилагала все силы для дальнейшего расширения сферы своего влияния и господства. С этой целью Рим должен был вести борьбу со

светскими государями, которым никаких выгод усиление папской власти не сулило, и одновременно с наибольшей эффективностью приводить в действие колоссальный церковный аппарат, который надо было постоянно контролировать и наставлять.

Францисканский и доминиканский ордена, полностью подчиненные папе и приспособленные для активной борьбы с ересями и выполнения любых заданий папской курии, созданы были в то время, когда Рим испытывал необходимость в конгрегациях такого рода.

Доминиканский орден с самого начала целиком отвечал нуждам курии. Его основатель, фанатичный и жестокий кастильский клирик Доминик де Гусман (1170—1221), обладал качествами незаурядного организатора. В 1218 г., через два года после учреждения ордена, он стал главным духовным цензором курии и на этом посту проявил себя как догматик и враг всякого вольномыслия: в 1220 г. был принят разработанный им суровый орденский устав. Ради главной цели — искоренения ересей и распространения «истинной веры» — члены нового ордена обязаны были отрешиться от всех мирских благ и личной собственности.

Иначе обстояло дело с францисканским орденом. Его создатель Франциск Ассизский (1182—1226) был человеком необыкновенного обаяния. Пламенный мечтатель, наделенный отзывчивой и чистой душой, он искренне верил, что язвы земного мира исцеляются, если все будут свято соблюдать евангельские заветы. В Ассизи, своем родном селении, затерянном в Аbruцких горах, он долгие годы проповедовал отречение от мирских соблазнов, призывая своих земляков к миру, дружбе и братству. Сын богатого торговца сукном, он жил в совершеннейшей нищете; бедность была для Франциска символом евангельской свободы. Целенаправленный аскетизм Доминика, его отказ от земных благ ради полного подчинения сугубо земной церкви, был совершенно чужд Франциску. Его община была вольным сообществом искателей высшей правды.

Идеи, воодушевлявшие Франциска, для церкви были опаснее чумы, ведь его понятие бедности выходило за евангельские рамки. Оно было прямым отрицанием богатства, прежде всего богатства церкви, сатанинского детища, созданного на погибель людского рода.

В проповедях Франциска эти мотивы совершенно отсутствовали. Путь к спасению он видел в самосовершенстве и самоочищении и добровольном отказе от имущества и денег, искренне полагая, что волки, коли до них донесется его боговдохновенное слово, станут кроткими агнцами и откажутся от своих богатств.

Папа Иннокентий III был волком не простым, а матерым. Абсолютное господство церкви, всевластной, вооруженной до зубов, беспощадной ко всем, кто оспаривает ее право распоряжаться судьбами народов и царств, — таково было кредо этого политика, наделенного железной волей и гибким умом. Ему нельзя отказать в даре циничной прозорливости. Проповедь евангельской бедности в сочетании с евангельским же смирением могла принести Риму не меньшую пользу, чем кровавые походы против аквитанских и ломбардских еретиков. Конечно, при том условии если удалось бы помыслы учеников Франциска направить на цели, выгодные апостолическому престолу.

Иннокентий III разрешил Франциску повсеместно проповедовать и вербовать в свою общину новых членов. Но братство, созданное Франциском, было поручено неусыпному наблюдению кардинала Уголино Сеньи, будущего папы Григория IX и будущего основателя инквизиции. В результате спустя семь лет после смерти Иннокентия III, в 1223 г., маленькая ассизская община прератилась в орден «меньших братьев» (*fratres minores*), но жесткий устав этого новорожденного ордена ничего общего не имел с ассизскими заветами Франциска. Братство стало конгрегацией нищенствующих монахов, со строжайшей иерархией и стальной дисциплиной. Устав 1223 г. начинался с категорического требования хранить нерушимую верность папе и во всем ему повиноваться. Кардинал Уголино и наиболее трезвые сподвижники Франциска постепенно оттеснили на второй план основателя ордена. Франциск, надорванный бесплодной борьбой с блюстителями новых орденских порядков, умер в 1226 г. Его сразу же канонизировали, а Григорий IX и орденская верхушка создали культ святого Франциска. Беззастенчиво спекулируя на имени ассизского праведника, они окончательно приспособили орден «меньших братьев» к совсем не святым целям. Правда, кое-какие семена, посеянные Франциском и за-

топтаные покровителями ордена, при преемниках Григория IX дали всходы. Во второй половине XIII в. францисканский орден нередко потрясал смуты. В лоне ордена зародилось течение спиритуалов — мужей духа, — придававших заветам Франциска яркую социальную окраску. Спиритуалам суждено было сыграть значительную роль в миссионерской деятельности на Востоке, куда они, однако, далеко не всегда попадали по своему желанию.

В итоге доминиканский и францисканский ордена приняли на себя обязанности охранителей римской церкви. Доминиканцам папская курия вверила инквизицию и на оба ордена возложила гласный и негласный надзор за мирянами и клириками. Что особенно существенно, оба ордена получили монопольное право на распространение христианской веры *in partibus infidelium* (в стане неверных). Тем самым они взяли на себя роль организаторов католического проникновения во все нехристианские страны. Именно эта сторона деятельности францисканского и доминиканского орденов представляет для нас наибольший интерес.

Организационные принципы, положенные в основу миссионерской деятельности, были разработаны в годы понтификата Григория IX и развиты при его ближайших преемниках — Иннокентии IV (1243—1254) и Александре IV (1254—1261). Орденским миссионерам предоставлены были значительные привилегии и льготы. Они подчинялись только генералам и приорам францисканского и доминиканского орденов и папе. Архиепископы, епископы и прочие клирики не могли вмешиваться в дела миссионеров этих орденов и давать им указания и поручения; вместе с тем им предписывалось оказывать всемерное содействие миссионерам³⁴.

Важнейшим миссионерским плацдармом были Сирия и Палестина. «Святая земля» стала одной из первых неитальянских провинций францисканского ордена. Эта провинция учреждена была в 1217 г., когда сам орден находился еще в зачаточном состоянии. В Акке, Триполи, Антиохии, Тире, в орденских монастырях, готовились кадры миссионеров. Будущих миссионеров учили восточным языкам, кроме того, они получали основа-

---

³⁴ G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. I, pp. 413—417.

тельные сведения о разных религиях и культах Востока. На мусульманских землях Сирии и Палестины миссионеры проходили прекрасную практику. Ради главной цели им разрешалось в нехристианских странах отпустить бороду, ходить в сарацинских одеждах, держать при себе деньги на личные нужды, применять оружие против сарацин и ездить верхом³⁵. Из Акки и Антиохии десятки миссионеров уходили в Мосул, Багдад, города и селения Иконийского султаната, Великой Армении и Грузии³⁶.

Доминиканцы и францисканцы исполняли обязанности послов христианских государей и пап к различным восточным властителям. В этом качестве они появлялись в Сарае и Каракоруме, при дворах египетских султанов, багдадских халифов и эмиров мусульманской Сирии³⁷.

Каковы были цели миссионерской деятельности? Наипервейшая цель заключалась в приобщении к римской церкви народов и стран некатолического мира. И, разумеется, не ради спасения душ сарацинов, язычников и схизматиков. Папская курия в полном соответствии с теократическими идеями Григория VII и Иннокентия III стремилась утвердить свое господство не только в Западной Европе, но и в пределах всего земного мира.

---

³⁵ G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. II, p. 416.

³⁶ В Грузии миссионеры-францисканцы появились в 1233 г. Спутник Асцелина доминиканец Гичардо из Кремоны жил в Тбилиси в 1240—1245 гг. и изучил там грузинский язык.

³⁷ О размахе миссионерской деятельности францисканцев свидетельствует перечень народов, среди которых в 50-х годах XIII в. они вели свою работу. В послании Александра IV всем миссионерам францисканского ордена (1258 г.) папа перечисляет эти народы в такой последовательности: сарацины, язычники, греки, болгары, куманы (половцы), эфиопы, сирийцы, иберы (мингрелы), аланы, газары (жители Крыма), готы, зикхи (черкесы и другие кавказские народности), рутены (русские, точнее обитатели Галицкой и Киевской Руси), грузины, нубийцы, несториане, яacobиты, армяне, индийцы, момталиты (?), татары, венгерцы из Великой Венгрии (тюркские народы южнорусских степей), христианские пленники и турки. В этом списке этнографические и религиозные приметы спутаны самым невероятным образом и наряду с вполне реальными татарами и армянами фигурируют весьма сомнительные индийцы и эфиопы. Тем не менее послание Александра IV свидетельствует, что его адресаты были рассеяны на огромной территории и встретить их можно было и у нильских порогов, и в приволжских степях, и в самом сердце далекой Монголии.

Посылая на Восток францисканские и доминиканские миссии, папы руководствовались реальными политическими расчетами. Григория IX и Александра IV интересовали не подданные восточных государей, а сами эти государи. Обращение их в «истинную» веру открывало перед Римом заманчивые перспективы. Восточный государь, приобщенный к римской вере, становился вассалом Рима со всеми или почти всеми вытекающими отсюда последствиями. Приумножалась паства, стригомая по испытанной европейской методе, провинции восточных царств становились диоцедами римской церкви, различные вопросы внешней и внутренней политики новообращенный государь приучался решать в соответствии с рекомендациями римских легатов. Правда, нигде, кроме, быть может, Киликийской Армении, папству не удалось реализовать эту программу в полном объеме, но просчеты и неудачи не обескураживали ни наместников святого Петра, ни их орденских агентов.

Помимо этой программы-максимум миссии осуществляли различные планы меньшей значимости. На примере Плато Карпини, Лонжюмо и Рубрука мы видели, какого рода частные задания приходилось выполнять францисканским и доминиканским миссионерам в странах Востока. Информация, собранная этими миссионерами, представляла немалый интерес для папской курии, но она была поистине даром божьим для генуэзских и венецианских торговых людей. Сведения Плато Карпини и Рубрука явились для них ценнейшими путеводными указаниями. Организаторы торговой экспансии получили ясное представление о главных транзитных магистралях восточного мира.

Грубые и тонкие специи. Транзитная торговля приобрела в XIII в. огромные масштабы. Нас, разумеется, в первую очередь интересует восточная ее сфера, географические рамки которой непрерывно расширялись в XIII в. Начальный период европейской торговой экспансии, относящейся к годам первых крестовых походов, вызвал существенные сдвиги в хозяйственной жизни Запада. Устойчивый спрос получили заморские товары, о которых европейцы IX и X вв. имели лишь смутные представления. Во времена Гуго Капета и Генриха Птицелова подданные этих государей не знали белья, сахар считали изысканным лакомством, пряно-

сти — перец, гвоздику, корицу, имбирь — ценили на вес золота. В XII и тем более в XIII в. рыцари и буржуа начали уже носить нижнее белье и обильно приправляли восточными пряностями свои традиционные яства. Список объектов транзитной торговли, составленный в 30-х годах XIV в. прославленным флорентийским товароведом Бальдуччи Пеголотти, насчитывает 288 разновидностей одних только «специй», т. е. товаров, которые на коммерческом языке XIX и начала XX в. назывались «колониальными»³⁸.

Один лишь перечень «грубых» и «тонких» специй показывает, что далеко не все они имели ближневосточное происхождение, хотя в первой половине XIII в. даже опытные генуэзские и венецианские негоданты имели довольно неопределенные представления о родине мускатных орехов или гвоздики. Константинополь, Айяс, Триполи, Акка, Фамагуста и Александрия были гаванями, лежавшими на крайнем восточном рубеже сферы торговой экспансии Венеции, Генуи и других городов западного Средиземноморья. Древние азиатские морские и караванные пути вели из Китая, Средней Азии, Малайского архипелага, Индии и Ирана к этим торговым центрам. Эта азиатская система торговых магистралей не сливалась с системой средиземноморских путей и находилась за пределами той зоны, на которую распространялось влияние итальянских или каталонских центров транзитной торговли. Гавани Киликийской Армении, Сирии, Палестины, Кипра и Египта в первых десятилетиях XIII в. играли, таким образом, роль перевалочных баз; на рынках Айяса или Александрии венецианцы и генуэзцы покупали товары у армянских, иранских и египетских купцов, непосредственно связанных с торговыми людьми в странах, расположенных к севе-

---

³⁸ «Специи» (*speziere*) подразделялись на две группы: *speziere grosse* — «грубые специи» и *speziere minute (sottile)* — «тонкие специи». К первым относились всевозможные ткани, квасцы, свинец, ртуть и прочие товары, которые отмеривались и отвешивались на локти, кинталы и штуки. «Тонким специям» счет шел на унции и гроссы, это были по преимуществу пряности: мускатный орех, корица, перец, гвоздика, имбирь, кардамон, камфара, алоэ, ладан, опиум, кассия, индиго, мускус, благовонные смолы, амбра, корица, редкие лекарственные травы, шафран и др. (Pegolotti, *La pratica della mercatura*, pp. 293—297).

ру от Черного моря и к востоку от Анатолии, Киликийской Армении, франкских анклавов в Сирии и Палестине и Красного моря. Между тем как раз во второй четверти XIII в. в широчайших пределах монгольского мира на старой канве внутриазиатских торговых дорог была создана система разветвленных и относительно безопасных сквозных путей. Это были пути, по которым Плано Карпини и Рубрук прошли в Поволжье, Среднюю Азию и Монголию и на которых они встретили первых представителей западного торгового мира.

Такими купцами-пионерами были венецианские купцы Николо и Маффео Поло, отец и дядя Марко Поло, которые то ли в 1255, то ли в 1260 г. решили из Константинополя «идти в Великое море за наживой да за прибылью». Они пересекли не только Черное (Великое) море, но почти всю Азию и добрались до великого хана Хубилая.

Установление прямых связей с монголами сулило западноевропейским, в первую голову генуэзским и венецианским, купцам колоссальную наживу и безграничное расширение сферы торговой деятельности. При этом пути, идущие в Монголию и Китай через Крым и Поволжье и в Индию и Юго-Восточную Азию через Великую Армению и Иран, позволили бы добраться до рынков Среднего и Дальнего Востока в обход Египта. Египет не пропускал через свою территорию франкских купцов, и в Александрии они вынуждены были платить султанской таможне большие пошлины, не говоря уж о том, что местные торговцы сбывали франкам аравийские, индийские, цейлонские и иные «тонкие специи» по непомерно высоким ценам.

В первой половине XIII в. венецианцы, генуэзцы, пизанцы, каталонцы, марсельцы основательно укрепили свои позиции на островах Эгейского моря, на Кипре и в Киликийской Армении. Особенно активно действовали венецианцы, которые угнездились на Крите, Эвбее, Кикладских островах и на берегах Мраморного моря. Однако контакты торговых людей Запада с монгольским Востоком в эту эпоху ограничивались лишь предварительными рекогносцировками.

Второе рождение Византии и генуэзская экспансия в Черном море. В начале 60-х годов XIII в. политическая обстановка резко изменилась в результате ряда взаимо-

связанных событий: во-первых, в 1261 г. была восстановлена Византийская империя, и генуэзцы, которые содействовали перевороту в Константинополе, сразу же вторглись в черноморский бассейн. Во-вторых, произошло окончательное обособление улусов монгольской империи, и в 1261—1262 гг. Золотая орда и новорожденная держава иль-хана Хулагу вступили между собой в борьбу, чреватую реальными выгодами для европейского Запада.

Особенно большое значение имел константинопольский переворот 1261 г. Латинская империя, созданная на Балканском полуострове и в западной части Малой Азии крестоносцами и их венецианскими вдохновителями, была заведомо обречена на гибель. Греческое население этого раздираемого смутами государства питало ненависть к латинским захватчикам. Вскоре после злощастного четвертого крестового похода на малоазиатских берегах Мраморного и Эгейского морей образовалась Никейская империя, управлявшаяся греческими властителями.

Никейский император Иоанн III Ватаци (1222—1254) очистил от «латинских» рыцарей свои малоазиатские владения, перешел Дарданеллы и утвердился во Фракии, у ворот Константинополя. Ближайший преемник Иоанна III — Михаил Палеолог — в начале 1261 г. при активной поддержке местного населения овладел Константинополем. Союзниками Михаила Палеолога были генуэзцы, которые не чаяли, как вытеснить из Константинополя своих соперников-венецианцев. Хотя никакой сколько-нибудь действенной помощи генуэзцы Палеологу не оказали, они, используя крайне бедственное положение разоренной и нищей новой византийской державы, навязали ей кабальный договор. Заключен он был в городе Нимфее в марте 1261 г.

Генуэзцы получили право беспощинной торговли на суше и на море, им предоставлены были особые кварталы в Смирне (Измире), Салониках и Константинополе и особые отводы на Хиосе и Лесбосе. Все проходы в Черное море объявлялись закрытыми для любых (кроме пизанских) негенуэзских и не византийских судов; в своих колониях генуэзцы должны были пользоваться неограниченными правами и подчиняться только генуэзским консулам.

Пера, предместье византийской столицы, расположенное на северном берегу бухты Золотой Рог, стала главной опорной базой Генуи на Ближнем Востоке. По существу Михаил Палеолог вручил генуэзцам ключи от своей империи. О последствиях Нимфейского договора ясное представление дает румынский историк Г. Братиану: «Вскоре после заключения Нимфейского договора и окончательного соглашения с Михаилом Палеологом обширные области Леванта вошли в сферу торговых интересов генуэзцев. Каждая область имела определенный центр, откуда активная энергия генуэзских купцов излучалась в строго определенных направлениях. Это наложило неизгладимую печать на административное деление генуэзской колониальной империи. Генуэзский флаг столь неуклонно следовал за генуэзскими товарами, что можно почти безошибочно наметить на карте провинции этой торговой империи и ее центры»³⁹.

Генуэзский флаг сразу же после переворота 1261 г. устремился на север. «Генуэзцы, — писал византийский хронист XIV в. Никифор Григора, — прежде всего присвоили Евксинский Понт». Их агенты в 1266 г. проникли в Крым, которым владела Золотая орда, и по договору с одним местным вождем приобрели земельный отвод на восточном берегу. Вскоре здесь возникла важнейшая заморская колония генуэзцев — Кафа (современная Феодосия).

В 1274 г. генуэзцы обосновались в Солдае (Судаке), оттеснив венецианцев, осевших в этой гавани за четыре года до Нимфейского мира. В первые десятилетия XIV в. генуэзский флаг уже развевался над несколькими десятками черноморских колоний и над главной гаванью Азовского моря Таной (Азовом). На восточном берегу Черного моря и в Приазовье в XIV—XV вв. насчитывалось 39 генуэзских колоний; самая южная была в Севастополисе (Сухуми)⁴⁰. По крайней мере четыре десятка колоний было в конце XIV в. в Крыму, в том числе такие значительные поселения, как Чембало (Балаклава), Горзавиум (Гурзуф), Луста (Алушта). У Солдаи образовался сгусток из 18 мелких коло-

³⁹ G. Bratianu, *Recherches sur le commerce génois...*, p. 111.

⁴⁰ Е. Зевакин, Н. Пенчко, *Очерки по истории генуэзских колоний...*, стр. 72—129.

ний⁴¹. В 1290 г. генуэзцы устроились на берегах Днестровского лимана в Мауро-Кастро (Белгороде Днестровском), и примерно в это же время появилась их колония в низовьях Днепра (Илече, современные Олешки).

Через генуэзцев, и только генуэзцев, с последней четверти XIII в. шел в Византию и в Италию хлеб из южнорусских степей и с Кубани. Кафа стала центром позорнейшего промысла — работоторговли. Через генуэзцев Золотая орда сбывала партии живого товара — пленников, взятых при набегах на русские, польские, литовские и кавказские земли⁴².

Главное же преимущество, добытое генуэзцами в результате «присвоения Евксинского Понта», состояло в том, что они смогли обосноваться на исходных участках торгового пути, шедшего из Кафы в Поволжье, Хорезм, Семиречье, Монголию и Китай.

Переворот 1261 г. открыл генуэзцам и другой транзитный путь. Он связывал Смирну и Константинополь через Анатолию и Великую Армению со столицей ильханов Тебризом. Следствием Нимфейского договора был также рост активности генуэзцев в Архипелаге, Киликийской Армении и на Кипре.

Вместе с тем переворот 1261 г. чрезвычайно обострил и без того весьма напряженные генуэзско-венецианские отношения⁴³. Последняя треть XIII в. и XIV—XV вв. —

---

⁴¹ Ф. Брун, *Черноморье*, стр. 189—240; Е. Скржинская, *Генуэзцы в Константинополе...*; Е. Скржинская, *Петрарка о генуэзцах...*; А. Л. Якобсон, *Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)*; G. Bratianu, *Recherches sur le commerce génois...*, p. 198 sq.

⁴² Не только татары поставляли генуэзцам рабов; этим промыслом занимались черкесские феодалы, да и сами генуэзцы. Основным потребителем живого товара был Египет, однако и в Италию непрерывно шли транспорты с рабами (Е. Зевакин, Н. Пенчко, *Очерки по истории генуэзских колоний...*; G. Bratianu, *Recherches sur le commerce génois...*, pp. 176—177; W. Heid, *Histoire du commerce du Levant*, pp. 558—561; L. Mas-Latrie, *Histoire d'île de Chypre*, t. II, p. 127).

⁴³ Венецианцы, несмотря на потерю Константинополя и генуэзскую монополию в Черном море, упорно расширяли сферу своей деятельности в восточной части Средиземноморья. Им удавалось даже в 1268 г. и в 70-х годах XIII в. проникнуть в Черное море и наладить торговлю с Варной, Месембрией, Трабзоном и с гаванями Кавказского побережья. Но в XIII в. ни одной колонии на Черном море, равной по значению генуэзским, венецианцы создать не смогли. Известно, однако, что в 1287 г. у них был консул в Солдае, а в 1288 г.

эпоха непрерывных тяжелых войн между Генуей и Венецией, осложнивших политическую обстановку в Средиземноморье. Войны эти в немалой степени способствовали успеху завоеваний в Юго-Восточной Европе турок-османов, нарушивших в XV в. всю систему транзитных торговых связей между Западом и Востоком.

Конфликт между монголами Ирана и Золотой ордой. Не слишком крепко спаянный конгломерат монгольских улусов после смерти великого хана Мункэ начинает быстро распадаться. Новый великий хан Хубилай, не признанный многими своими сородичами, в частности родным братом Аригбугой, обладал реальной властью только в своих владениях, правда весьма немалых. Междоусобные войны со смертью Мункэ разразились и на востоке и на западе монгольской империи. В 1261—1262 гг. хан Золотой орды Берке, брат Бату, выступил против своего кузена иль-хана Хулагу.

Граница между обоими улусами проходила по южному склону Кавказского хребта. Хулагу владел Закавказьем, в частности Азербайджаном, краем с богатейшими пастбищами, куда на зимовки и летовки отправлялась вся кочевая знать государства иль-ханов. Берке стремился захватить эти великолепные пастбищные угодья, но еще в большей степени он желал прибрать к рукам азербайджанский участок важной транзитной дороги, которая вела из Поволжья в Иран, Сирию и Ирак⁴⁴. В поисках сильных союзников Берке обратил свои взоры к Египту. Одновременно и султан Бейбарс проявил большой интерес к Золотой орде. В хронике секретаря Бейбарса Ибн Абд аз-Захыра отмечается, что

в документах появляются ссылки на венецианского консула всей Газарии (Крыма) (G. Bratianu, *Recherches sur le commerce génois...*, pp. 255—256). Венецианцы стремились установить тесные связи с Золотой ордой, и в XIV в. они многого добились в этом направлении.

⁴⁴ А. Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XV вв.*, стр. 315. О том, что борьба между Берке и Хулагу шла главным образом из-за транзитных путей, свидетельствует иранский хронист Вассаф (1251—1327). В 1263/64 г. Хулагу приказал казнить всех находившихся в Тебризе золотоордынских купцов и отобрать в казну их добро. Соответствующие ответные меры принял и Берке. В итоге, с сокрушением говорит Вассаф, «дороги въезда и выезда, и путешествия купцов, как и работа людей большого мастерства, были разом стеснены. [зато] шайтаны вражды выпрыгнули из бутылки времени» (Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая орда и ее падение*, стр. 77).

«в 660 г. [1261/62 г.] он [султан] написал к Берке, великому царю татарскому, письмо... подстрекая его против Халавуна [Хулагу]»⁴⁵. Берке предлагал султану сообща напасть на Хулагу и выгнать и уничтожить его. Следует отметить, что Берке незадолго до этого перешел в ислам и в качестве правоверного мусульманина призывал Бейбарса на расправу с язычником Хулагу. Посольство Берке с ответными дарами Бейбарса и его письмом с призывом начать войну против Хулагу отбыло из Египта в июле или августе 1263 г.⁴⁶

К этому времени в Азербайджане уже десять месяцев шли военные действия. Велись они с переменным успехом. В 1265—1266 гг. сын Хулагу Абага (1265—1282) отгородился от Золотой орды сооружением, которое на современном языке можно назвать «линией Абага». Это был вал, который тянулся по левую сторону Куры почти через всю Ширванскую степь⁴⁷.

Отнюдь не заверченный к моменту создания «линии Абага» конфликт между государством иль-ханов и Золотой ордой оказался весьма благоприятным для Западной Европы, в первую очередь для генуэзских купцов. Во-первых, двойная угроза со стороны Золотой орды и Египта поставила перед иль-ханами в порядок дня вопрос о действенном военном союзе с франками. Во-вторых, разрыв торговых сношений с Золотой ордой оказался чрезвычайно выгодным генуэзцам. Прежний путь транзитной торговли, связывавший Иран с Восточной Европой и Черноморьем, путь, которым еще недавно пользовался, возвращаясь из Монголии, в Палестину, Рубрук после закрытия Железных ворот — горного прохода у Дербента, сменили иные направления. Это были пути, идущие от Тебриза через Иранский Азербайджан и Великую Армению к Босфору, Эгейскому морю и за-

---

⁴⁵ В. Тизенгаузен, *Сборник материалов...*, стр. 55.

⁴⁶ Там же, стр. 152. В 1966 г. вышла в свет работа С. Закирова «Дипломатические отношения Золотой орды с Египтом», в которой подробно описывается начальный этап политических связей этих держав. Закиров, в частности, указывает, что Бейбарс первое свое письмо направил Берке не в 660, а в 659 г. хиджры, т. е. не в 1261/62, а в 1260/61 г.

⁴⁷ Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. III, стр. 68; А. Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв.*, стр. 320.

ливу Искандерон, глубоко вдающемся в земли Киликийской Армении. Именно эти пути являли наибольшие выгоды для генуэзцев.

Ось Генуя — Рим — Тебриз

Трудное начало. События 1260—1263 гг. — поход Хулагу в Сирию, переворот в Константинополе 1261 г. и конфликт между монгольским Ираном и Золотой ордой — открыли благоприятные возможности для укрепления различного рода связей между Западной Европой и державой иль-ханов, форпостом монгольского мира. До недавнего времени считалось, что генеральный штаб западной дипломатии — папская курия — уже в 1260 г. завязала активные переговоры с иль-ханом Хулагу и использовала, таким образом, выгодную ситуацию, которая создалась на Ближнем Востоке во время монгольского вторжения в Сирию. В 1949 г. французский историк Жан Ришар доказал, что начало этих переговоров относится не к 1260 г., а к 1263 или даже скорее к 1264 г.⁴⁸ Ришар подверг детальному анализу ряд дипломатических документов ватиканского архива и установил, что информация, поступающая в Рим из Палестины в годы вторжения Хулагу в Ирак и Сирию, носила резко антимонгольский характер, а поэтому папа Александр IV (1254—1261) даже призывал к крестовому походу против монголов. Только после разгрома Китбуги египтянами папский легат в «Святой земле» Томмазо Аньи ди Лентино послал нескольких доминиканцев к Хулагу с разведывательными целями (глава этой миссии монах Давид впоследствии перешел, видимо по заданию Рима, на монгольскую службу и ездил в Европу в качестве посла иль-хана Абаги).

Хулагу прекрасно принял миссию Аньи ди Лентино и, вероятно в 1261 г., направил в Рим посольство, которое по пути захватил в плен сицилийский король Манфред Гогенштауфен, главный враг папы. Лишь одному из посланцев Хулагу, писцу Иоанну-венгерцу, удалось добраться до папы Урбана IV (1261—1264) в 1263 или

---

⁴⁸ J. Richard, *Le début des relations entre la papauté et les Mongols de Perse*, pp. 291—297.

1264 г. «Посольство Хулагу, — заключает Ришар, — было в тот момент, когда весь христианский мир в целом, а не только наиболее пронизательные властители в Сирии готовы были в монголах видеть союзников в борьбе с мусульманами».

Поправка Ришара наводит на некоторые размышления. Прежде всего она свидетельствует, что понятие «христианский мир в целом», которое Ришару представляется аксиомой, есть чистейшая фикция. Это христианское сообщество было скорпионьим садком, в котором кипели далеко не евангельские страсти. Не говоря уже о папско-гогенштауфенской распри, которая ввергла Италию в величайшую смуту, накалу этих страстей способствовали генуэзско-венецианское соперничество, усобицы в «Святой земле», где духовные и светские феодалы, враждая друг с другом, пылали общей ненавистью к союзнику Хулагу Боэмунду VI Антиохийскому, и ряд иных крупных и мелких склок. Венеция тайно поддерживала главного врага христианства египетского султана Бейбарса⁴⁹, ей по душе был союз Египта и Золотой орды, хотя на Лидо прекрасно понимали, что усиление Египта влечет за собой гибель последних плацдармов франков в Сирии и Палестине. Генуэзцы несомненно были заинтересованы в укреплении связей с монголами Ирана, но их совершенно не беспокоили судьбы Акки, «христианской» гавани, в которой угнездились венецианцы; генуэзцы подвергли Акку блокаде в 60-х годах XIII в. Да и с Бейбарсом и Берке они не порывали связей, и в 1263 г. при их содействии Михаил Палеолог пропустил египетские корабли в Черное море; а благодаря этому вывоз рабов из гаваней Золотой орды в Александрию намного возрос к вящей выгоде генуэзских посредников. Тем не менее в 1264 г. наметился явный сдвиг в дипломатических отношениях между европейским Западом и монголами Ирана. С этого времени сперва сравнительно редко, а затем все чаще и чаще Рим, Париж и Лондон обмениваются посольствами с Тебризом.

---

⁴⁹ Впрочем, даже не очень тайно. Венецианцы открыто торговали с Египтом согласно договорам, заключенным в 1244, 1254 и 1258 гг., и их александрийская колония находилась под покровительством султанских властей (G. Tafel, G. Thomas, *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig*, Bd I, S. 416—418).

Папа Климент IV в августе 1267 г. направил ильхану Абаге крайне любезное письмо⁵⁰. Пока Абага готовил не менее любезный ответ, неуемный султан Бейбарс стягивал к Дамаску и Алеппо войска. Весной 1268 г. он вторгся во франкскую Сирию.

18 мая 1268 г. пала Антиохия, египтяне прошли затем дальше на север и перерезали пути из Киликийской Армении к Мосулу и Багдаду. С большим трудом будущий автор проекта экономической изоляции Египта, приор провинции Святой земли францисканского ордена, Фиденцио из Падуи заключил с султаном перемирие. «Не слезая много дней с коня» и все время сопровождая Бейбарса, Фиденцио добился, кроме того, кое-каких привилегий для францисканского ордена, спустя четыре года подтвержденных особыми султанскими фирманами⁵¹.

Антиохийская катастрофа, в которой более всего повинны были генуэзцы и венецианцы, обратившие франкскую Сирию в арену своих усобиц и распрей, в одинаковой степени испугала и папу и ильхана Абагу. Очень возможно, что Рим сумел бы в 1268 г. договориться с Тебризом, но в октябре Климент IV умер, а новый папа избран был только через три года. Все это время в Риме были настолько заняты дележом сицилийского королевства (как раз в 1268 г. папе с помощью брата Людовика IX Карла Анжуйского удалось окончательно расправиться с наследниками Фридриха II Гогенштауфена), что восточные дела отошли на второй план. «Христианский мир в целом» по-прежнему являл картину полного разброда. Не способствовал его сплочению восьмой и последний крестовый поход, предпринятый Людовиком IX в 1270 г. Король-крестоносец, с трудом собрав войско (значительная часть его состояла из наемников, готовых за хорошую мзду отправиться хоть на край света), пошел на Тунис. Затея эта успехом не увенчалась, сам Людовик IX умер от чумы на мусульманской земле. После этого похода крестоносная идея была подорвана окончательно. В одном только сходились интере-

---

⁵⁰ G. Soranzo, *Il papato...*, p. 200.

⁵¹ G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. II, pp. 3—5. Конечно, в ряду причин, которые обусловили худой мир с франками, основную роль играли не сладкие речи Фиденцио. Бейбарс, опасаясь монголов, поспешил помириться с сирийскими и палестинскими христианами, закрепив за собой Антиохию.

сы Рима, Генуи, Венеции и крупных западноевропейских держав: все они желали расширить сферу торгового проникновения на Востоке. А из Тебриза великие транзитные пути вели в страны «тонких специй», и рано или поздно с Тебризом надо было установить деловые контакты.

Транзитные пути в Индию. После захвата Ирака монголами сложилась четкая система транзитной торговли пряностями. Можно проследить основные направления, по которым потоки индийских и «заиндийских» (цейлонских, суматранско-яванско-молуккских, индокитайских и китайских) товаров шли от гаваней Малабара, Гуджарата и Коромандельского берега в гавани восточного Средиземноморья. Существовали три магистрали транзитной торговли: индо-египетская, индо-багдадская и индо-иранская.

Индо-египетская магистраль была морской дорогой. Из гаваней Индии индийские и египетские корабли шли к берегам Омана и Хадрамаута, заходили в Аден, где принимали на борт аравийские товары, и далее следовали к порту Айдаб на западном берегу Красного моря. Здесь товары перегружали на верблюдов, и эти корабли пустыни доставляли восточные пряности и некоторые «грубые специи» в гавань Кус на Ниле, откуда снова по воде их сплавливали в Александрию и Дамьетту. Венецианский патриций Марино Сануто Старший в своем проекте отвоевания «Святой земли», составленном в 1306—1307 гг. и врученном в 1321 г. папе Иоанну XXII, отмечал, что через Египет на Запад идет большая часть пряностей и иных товаров⁵².

Индо-багдадский путь от гаваней Гуджарата шел через Оманский залив к Ормузу, порту, лежащему в горле Персидского залива. Из Ормуза индийские и иранские корабли направлялись к острову Киш, а оттуда к устью

---

⁵² Bongar, *Gesta dei per francos*, t. II, p. 22. Марино Сануто так описал последний, египетский участок этого пути: «Из Аадена пряности и товары... попадают в сарацинскую землю и за 9 дней на верблюдах доставляются в Кус, место, что лежит на реке Нил, откуда же за 15 дней доплывают до Вавилонии [Египта; в данном случае дельты Нила], и самое лучшее для этого времени примерно октябрь месяц, ибо тогда река очень полноводна». Сануто с горечью отмечал, что именно на этом участке цены на индийские товары возрастают на одну треть только из-за поборов, обогащающих султанскую казну.

Тигра — Евфрата и по Тигру поднимались до Багдада. «В старину, — пишет Марино Сануто, — большая часть пряностей и [прочих] товаров, шедших на Запад, доставлялась этим путем в Балдак [Багдад], а затем через Антиохию и Ликию поступала в наше море, и тогда и пряностей и иных товаров было [в Багдаде] больше, чем нынче, да и стоили они дешевле»⁵³.

Две причины вызвали упадок Багдада: первый сокрушительный удар нанес этому мусульманскому Риму в 1258 г. Хулагу. Правда, город вскоре отстроился и следы великого разорения исчезли, но монгольское завоевание нарушило всю систему былых торговых связей Багдада, от него отсечены были мусульманские страны Северной Африки и Аравийского полуострова. Не меньший урон причинил Багдаду поход Бейбарса в Сирию в 1268 г.

Проход Портела в Аманских горах, через который шла дорога из Багдада и Мосула в Айяс, оказался в руках египетских султанов, и Багдад утратил почти всю свою западную клиентуру. Впрочем, Марко Поло, побывав в Багдаде, писал в 1272 г., что по Тигру «купцы с товарами плавают взад и вперед» и что из Багдада в Индию ходят купцы, за «добрых осмнадцать дней пути» добираясь до Индийского моря⁵⁴. Арабский автор Шамс ад-дин в начале XIV в. описывал Багдад как перекресток, на котором встречаются торговые люди Йемена, Зенджа (Восточной Африки), Индии и даже Китая; судя по его сообщению, в это время Багдад вел торговлю и с Египтом и с Западом. Однако учитывая характер монголо-египетских отношений, следует признать, что сведения Шамс ад-дина вызывают некоторые сомнения⁵⁵.

---

⁵³ Bongar, *Gesta dei per francos*, t. II, p. 22.

⁵⁴ [Марко Поло], *Книга...*, стр. 59.

⁵⁵ W. Heid, *Histoire du commerce du Levant*, t. II, p. 107. Советский историк Г. Микаелян полагает, вопреки мнению В. Хейда, ссылающегося на Шамс ад-дина, что после захвата Антиохии и Портела пряности в основном поставлялись из Индии в Европу не через Багдад, а через Тебриз (Г. Г. Микаелян, *История Киликийского армянского государства*, стр. 363). Следует иметь в виду, что при Иль-ханах возросло значение торгового пути из Багдада во внутренние области Ирана, который проходил через Ханекин и Хамадан, но, конечно, этот путь ни в какой мере не сравним по своему значению с дорогой на Антиохию и Айяс.

Все движение торговых судов на индо-египетском и индо-багдадском путях подчинялось режиму муссонов. На запад, в сторону Адена и устья Тигра — Евфрата, корабли выходили из портов Индии в октябре — ноябре, в начале сезона северо-восточных муссонов; в апреле — мае, в начале сезона юго-западных муссонов, суда совершали переход через Персидский залив и Аравийское море в обратном направлении.

Третий, индо-иранский путь на восточном своем отрезке совпадал с индо-багдадским и от индийских гаваней шел к Ормузу через Аравийский и Оманский заливы.

От Ормуза к Тебризу вела сухопутная дорога. Одна ее ветвь пересекала Фарс и следовала через Лар и Шираз в Кашану; другая соединяла Ормуз с Кашаном через Керман и Йезд. От Кашана дорога шла через Саву и Зенджан к столице монгольского Ирана — Тебризу⁵⁶.

Насколько от монгольского завоевания проиграл Багдад, настолько выиграл Тебриз. В конце XIII — начале XIV в. Тебриз стал крупнейшим узлом главных караванных путей Передней Азии. В Тебризе пересекались караванные дороги, ведущие из Китая, Афганистана, Хорезма, Грузии, Ирака и Луристана. При этом произошло смещение главных транзитных направлений.

«Поскольку, — пишет советский историк-иранист И. П. Петрушевский, — монголо-иранское государство стремилось направить караванную торговлю через свои владения, оно должно было продвинуть пути этой торговли к югу от старых караванных путей, пролежавших через территории нынешних советских Азербайджана, Грузии и Армении... в более южные области, защищенные от золотоордынских вторжений»⁵⁷. В конечном итоге выиграл Иранский Азербайджан и его главный город Тебриз.

Уже Марко Поло описывал Тебриз как величайший в Передней Азии центр торговли и ремесла, кстати от-

---

⁵⁶ В XIV в. на этом последнем участке, близ Зенджана, возник новый крупный торговый центр и узел караванных путей — город Султания, куда иль-хан Ульдзейту в 1305/06 г. перенес столицу монгольского Ирана.

⁵⁷ И. П. Петрушевский, *Хамдуллах Казвини...*, стр. 912.

мечая при этом, что «сюда за чужеземными товарами сходятся латинские купцы»⁵⁸.

На Запад из Тебриза шли две параллельные дороги в Эрзурум. От Эрзурума путь шел на Эрзинджан — Сивас — Кайсери. В Кайсери эта великая караванная магистраль разветвлялась. Одна дорога вела прямо на запад к Анкаре, Бруссе и Константинополю, другая следовала через Конью в Смирну, третья уклонялась на юг, пересекала на Гуглагском перевале горы Киликийского Тавра, а за Гуглагом от нее веером расходились дороги в гавани Корикос и Аяяс и столицу Киликийской Армении Сис, орлиное гнездо на поднебесных кручах Тавра.

В Малой Азии от главного караванного пути отходили боковые ветви к черноморским гаваням, в частности к Синопу и Трабзону, столице карманной Трапезундской империи, которой правили отпрыски византийского императорского дома Комнинов.

Пути, ведущие из Тебриза к портам Мраморного, Эгейского и Черного морей и к гаваням залива Искандерон, пересекали области, фактически недоступные для врагов монгольского Ирана — золотоордынских ханов и султанов Египта. И кроме того, иль-ханы брали с иноземных купцов пошлины ничтожные в сравнении с поборами египетских властей и позволяли перевозить любые товары в любом направлении. Об этом с удовольствием писал Марино Сануто, которого, однако, очень печалило то, что львиная доля приностей поступала в «наше море» не через Тебриз, а через Александрию⁵⁹.

Западные купцы охотно пользовались малоазиатско-иранскими путями, постепенно все дальше и дальше продвигаясь к источникам «тонких специй». Если бы им удалось через Иран добраться до этих источников и

---

⁵⁸ [Марко Поло], *Книга...*, стр. 60. В самом конце XIII в. и в первые два десятилетия XIV в., в эпоху своего наибольшего расцвета, Тебриз несомненно был крупнейшим городом Ближнего Востока. Данные о сборе тамги (налога на торговлю и ремесло), приводимые иранским хронистом XIV в. Хамдуллахом Казвини, свидетельствуют, что Тебриз давал в иль-ханскую казну 87 с половиной туманов, или в пересчете на весовые единицы 4,35 т золота; ни один город Ирана не приносил такого дохода. См. И. П. Петрушевский, *Хамдуллах Казвини...*, стр. 897; В. Spuler, *Die Mongolen in Iran*, S. 322.

⁵⁹ Bongar, *Gesta dei per francos*, t. II, p. 23.

утвердиться в Индии, индо-египетская торговля оказалась бы подорванной в самом своем корне⁶⁰.

Генуэзские колонии на транзитных путях Востока. До Индии Запад действительно добрался в последней четверти XIII в. При этом в страны «тонких специй» бок о бок продвигались генуэзские купцы и миссионеры францисканского и доминиканского орденов. Генуэзские колонии, фактории и передовые торговые посты были опорными базами орденских миссий⁶¹.

Начнем с генуэзских опорных баз. В исходе всех генуэзских путей-дорог, ведущих в Черноморье и в ирано-индийские края, лежала Пера, «босфорская Генуя», крупнейший торговый центр Средиземноморья. Эта генуэзская колония на Золотом Роге в первой половине XIV в. превзошла по своим оборотам Константинополь, или, точнее говоря, греческую часть его, где сидели бесчисленные византийские императоры. Пера была основной базой генуэзского флота, через нее шел в Италию хлеб из южнорусских степей, вывозились различные товары восточноевропейского происхождения: кожа, солонина,

---

⁶⁰ Стремление нанести чувствительный ущерб египетской торговле выразил хитрейший из дипломатов своего времени Фиденцио из Падуи в записке о новом крестовом походе, представленной им папе Николаю III (1277—1280). В начале XIV в., когда такого рода проекты появлялись в великом множестве, этой проблеме уделил немало внимания Марино Сануто, но еще большую изобретательность проявил доминиканец Гийом Адам. В 1314 г. он разработал план захвата Адена, а также других баз на индо-египетском пути.

⁶¹ К сожалению, генуэзские купцы в отличие от миссионеров оставили очень мало свидетельств своей кипучей деятельности. Не сохранилось ни дневников, ни донесений агентов генуэзских торговых домов, и только в нотариальных архивах Генуи и ее колоний в Фамагусте, Пере и Кафе в чисто деловых документах можно встретить данные о ходе генуэзского проникновения на Восток. «Причину подобной сдержанности, — пишет Р. Лопец, — я усматриваю в различии между открытыми и словоохотливыми венецианцами и флорентийцами... и замкнутыми, молчаливыми и малооткровенными генуэзцами. Ревниво оберегая свои торговые тайны, генуэзцы воздерживались от живых рассказов о своих путешествиях и часто даже в нотариальных актах не обозначали конечные пункты своих плаваний» (R. Lopez, *European Merchants in Medieval Indies*, p. 168). Однако за последнее столетие в генуэзском журнале «*Atti della Società ligure di storia patria*» и в ряде итальянских, английских, французских, русских, греческих и румынских изданий появилось много публикаций различных нотариальных документов из генуэзских архивов, позволяющих яснее представить ход и особенности лигурийского проникновения на Восток.

меха, воск, мед, пенька. Пера снабжала Фракию, Болгарию, молдавско-валашские земли и Золотую орду итальянскими, французскими и фландрскими сукнами, луккским шелком, реймским полотном, генуэзским бархатом, греческими, сицилийскими и кипрскими винами. Через Перу с Востока шли пряности, дорогие иранские и сирийские ткани, козья шерсть, изюм, сушеные фиги, красящие вещества, квасцы, шелк-сырец, камлот и многие иные «грубые» и «тонкие» специи.

Из Перы направлялись на Восток и большинство пионеров-генуэзцев; куда бы ни заносила их судьба, они неизменно поддерживали связь с нотариальными конторами босфорской колонии и с отделением банка «Казади Сан-Джорджо» в Пера.

Смирна намного уступала по своему значению Пера. Транзитная торговля здесь была незначительна, и генуэзский опорный пункт, который с 1261 г. существовал в этом городе, имел скорее стратегическое значение.

Но в 1275 г. богатейший генуэзский предприниматель Мануэль Заккария получил в лен от Михаила Палеолога город Фокею на берегу Измирского залива. В пределах этой фокейской сеньории оказались огромные залежи квасцов, и монополию на их вывоз византийский император предоставил Мануэлю Заккарии. В Фокее возникла крупная генуэзская база. Значение ее особенно возросло в 80-х годах XIII в., когда брат Мануэля, Бенедетто Заккария, один из наиболее влиятельных сторонников широкого генуэзского проникновения на Восток, приступил к реализации своих планов.

Главная гавань Киликийской Армении — Айяс в этих планах играла первостепенную роль, поскольку оттуда шла прямая дорога на Тебриз. В Киликийской Армении генуэзцы пустили корни еще в 1201 г., когда царь Левон II разрешил им основать колонии в Сисе и Мамистре. В 1215 г. генуэзцы получили право на основание третьей колонии в городе Тарсе, но все эти опорные пункты находились в глубине страны⁶². В 1288 г. Бенедетто Заккария заключил с царем Левоном III весьма выгодное соглашение; год спустя у преемника Левона III, Хетума II, Бенедетто Заккария выпросил отвод в айяс-

⁶² Немало генуэзцев, впрочем, осело и в Айясе. В 70-х годах XIII в. в Айясе имелись нотариусы-генуэзцы и в сферу их деловой активности входила значительная часть Малой Азии.

ской гавани⁶³. А через некоторое время вблизи Айяса возникла вторая генуэзская морская база Портус-Палорум. Бенедетто Заккария получил также право на беспошлинный провоз товаров через Гуглагский перевал. Таким образом, под контролем генуэзцев оказался кликийский участок транзитного пути: залив Искандерон — Тебриз.

Одним из главных узлов на этом направлении был Сивас, ключ к горному проходу в Антитавре, на пути из Анатолии в Великую Армению. Естественно, генуэзцы поспешили здесь обосноваться. В генуэзских нотариальных актах первое упоминание о Сивасе относится к 1274 г.; в 1280 г. в торговом доме одного мусульманского купца обосновалась целая группа генуэзцев, а в конце XIII в. в Сивасе уже была большая колония генуэзцев со своим консулом, подчинявшаяся генуэзским властям в Пере.

Из Сиваса генуэзцы проникли в Великую Армению. В 80-х годах XIII в. их агенты утвердились в Эрзинджане и Нахичевани. В Трабзоне в это время было немало генуэзцев, а в 1306 г. они получили здесь замок Леонкастро и особый квартал, в котором ни один местный житель не мог селиться без разрешения генуэзского консула⁶⁴.

Как ни важны были все эти узловыe пункты на пути в Иран, но по своему значению они не могли сравниться с Тебризом, столицей иль-ханов и главным перекрестком великих и малых транзитных дорог Передней Азии.

Первое свидетельство пребывания западных купцов в Тебризе относится к 1264 г. Это завещание венецианского купца Пьетро Вильони, помеченное 12 декабря 1264 г. Вильони прибыл в Тебриз из Акки с немецкими и итальянскими тканями и закупил в Иране разные восточные товары, в частности сахар и жемчуг. Он был не единственным представителем западного торгового мира в Тебризе: завещание его заверено несколькими подписями, причем большинство свидетелей явно итальянцы⁶⁵. Но в дальнейшем венецианцы отодвигаются на

---

⁶³ V. Langlois, *Mémoire sur la relation de la République de Gènes avec le royaume chrétien de la petite Arménie*, p. 4.

⁶⁴ G. Bratianu, *Recherches sur le commerce génois...*, pp. 99—100.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 185; W. Heid, *Histoire du commerce du Levant*, t. II, p. 110.

второй план, и только в 20-х годах XIV в. их позиции в Иране значительно усиливаются.

Хотя первые сведения о большой генуэзской колонии в Тебризе восходят к 1304 г.⁶⁶, несомненно много генуэзцев еще в 70-х и 80-х годах XIII в. обосновалось в Тебризе. Любопытно, что торговую деятельность они весьма успешно сочетали со службой при дворе иль-ханов Абаги и Аргуна, генуэзские толмачи состояли в штате посольств иль-ханов к европейским дворам, и порой генуэзцы исполняли обязанности послов и от имени своих монгольских владык вели переговоры с Западом. Такими дипломатами-дельцами были, в частности, видные тебризские деятели Бускарелло ди Гизольфо и Томмазо Анфосси. Имя Бускарелло ди Гизольфо встречается и в известиях о многочисленных посольствах иль-хана Аргуна и в нотариальных актах Генуи и Кафы. Этот монголо-генуэзский политик вел крупные торговые дела в Крыму и на Кубани, а его потомки владели городом Матрегой (Таманью)⁶⁷. Томмазо Анфосси, вероятно в качестве приметы своей профессии, носил прозвище Банкир и состоял в тесной связи с главой финансового ведомства иль-хана Аргуна, в прошлом лекарем, Саад ад-Даулом.

В нотариальных актах Перы имеются данные о генуэзце Вивальдо Лаваджо. За счет иль-хана Аргуна он снарядил корабль для охраны берегов Кубани и Кавказа и у Джубги отбил у пиратов товары кафских армян⁶⁸.

Но в 80-х годах XIII в. наиболее значительным генуэзским предприятием в монгольском Иране было снаряжение «секретной» флотилии на Тигре. По прямому поручению Аргуна, вероятно около 1288 г., в Багдад прибыли генуэзские кораблестроители и моряки. Они построили здесь две большие галеры, предназначенные для дальних океанских плаваний. Гийом Адам писал

---

⁶⁶ В 1304 г. во главе этой колонии стоял консул Раффо Паллавичини (G. Bratianu, *Recherches sur le commerce génois...*, p. 187).

⁶⁷ Ф. Брун, *Черноморье*, стр. 290—292; C. Dessimoni, *I conti dell'ambasciata al chan di Persia nell' MCCXCII*.

⁶⁸ G. Bratianu, *Actes des notaires génois de Pera et de Caffa*, документ ССХVIII. Во владения иль-ханов входило аджарское и абхазское побережье Черного моря, близ современного Батуми имела небольшая монголо-генуэзская база Кисса, или Киссе (G. Bratianu, *Recherches sur le commerce génois...*, p. 258).

в 1317 г., что «татарский император» и генуэзцы желали прорваться в Индийское море и пресечь торговлю между Индией и Египтом: возможно, организаторы этой экспедиции преследовали и более грандиозные цели и желали пройти к восточным берегам Африки. Вероятно, эта флотилия вызвала бы большое смятение в Египте, доведись ей выйти в плавание. Этого, однако, не случилось: экипажи флотилии втянулись в жестокую ссору, и большая часть моряков погибла. В 1301 г. враждующие клики примирились и их предводители, моряки из знатных семейств Гримальди и Дориа, продали часть своего имущества, чтобы восстановить флотилию, но корабли так и не вышли в море⁶⁹.

Французский историк Ш. де Ронсьер, автор капитального труда по истории географических открытий в Африке, полагает, что генуэзец Доменикано Дориа, причастный к снаряжению этой флотилии, был автором первых морских карт типа портоланов; очень возможно, что Дориа использовал богатый опыт иранских космографов, чьим штабом была великолепная обсерватория в Мараге, созданная по приказу иль-хана Хулагу⁷⁰.

На Каспийском море у генуэзцев в 80-х годах XIII в. были свои суда, и Марко Поло отмечал, что плавать тут они начали лишь недавно⁷¹. Несомненно, в 70-х и особенно в 80-х годах XIII в. генуэзцы собрали сведения о дорогах, ведущих из Тебриза к Ормузу; вероятно, они в эти годы успели уже побывать в Ширазе, Йезде и Кермане, городах, лежащих на этих трассах. Во всяком случае, генуэзцы к 1290 г. создали в Иране сеть опорных пунктов, которой и не преминули воспользоваться католические миссионеры.

Францисканцы и доминиканцы на транзитных путях Востока. Красноречивее всего о кровных связях генуэз-

---

⁶⁹ G. Bratianu, *Recherches sur le commerce génois...*, pp. 188—189; G. Ferrand, *Une navigation européenne dans l'océan Indien au XIV siècle*, p. 307.

⁷⁰ Ch. de Roncière, *Découverte de l'Afrique au moyen âge*, t. I, p. 54.

⁷¹ [Марко Поло], *Книга...*, стр. 58. В комментарии И. П. Магидовича говорится, что генуэзцы могли перевезти сюда свои корабли только из Черного и Азовского морей, волоком протаскивая их через волго-донской водораздел. Объяснение весьма сомнительное. Скорее всего, генуэзцы построили корабли на южном берегу Каспия, в одной из гаваней Гиляна.

ских торговых колоний и опорных баз орденских миссионеров говорит карта «францисканского Востока», составленная Голубовичем. Мы приводим ее с единственным дополнительным обозначением: черным квадратом показаны генуэзские колонии. Карта соответствует кульминационному периоду в истории орденской миссионерской деятельности — 20—30-м годам XIV в., но в своей малоазиатско-иранской части почти целиком отвечает ее более раннему этапу — 80—90-м годам XIII в. Миссии повсеместно накладываются на генуэзские колонии, и те и другие сидят в узловых пунктах главных транзитных путей Передней Азии.

Провинции Святой земли на этой карте нет. Последние плацдармы в Сирии и Палестине франки потеряли в 1291 г., и старые орденские опорные пункты в «Святой земле» утратили свое бывшее значение. Но зато появились два викариата ордена «меньших братьев» — Восточной Татарию и Аквилонский (Северный), в границы которых вошли территории, по площади равные всей Европе. Ведь за восточной рамкой карты осталась часть Ирана и вся Индия, приданные викариату Восточной Татарию⁷².

Существовала, правда, основанная не в XIII в., а в начале XIV в. третья восточная провинция ордена — викариат Татарию, или Катая. Этот викариат обязан был своим появлением на свет Джованни Монтекорвино и включал весь Китай, Монголию и Среднюю Азию.

Примечательно, что в орденских анналах нет сколько-нибудь точных сведений о времени учреждения Аквилонского викариата и викариата Восточной Татарию. Они возникли незаметно, исподволь, но уже наверняка существовали в 1289 г., когда Монтекорвино отправился в Индию и Китай⁷³.

---

⁷² Индия с 1318 г. была придана диоцезу Султанию.

⁷³ Первое документальное свидетельство существования Аквилонского викариата относится к 1286—1287 гг. Это отчет кустодия Газарию Владислава, в котором упоминается о пяти монастырях Аквилонского викариата (G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. II, p. 444). Но, очевидно, провинция эта учреждена была еще в 70-х годах XIII в. Францисканец Элеозина писал в 1336 г., что Аквилонский викариат основан был в 1274 г. решением Лионского собора. В генералитет Бонаграции (1279—1283) в несомненно уже существующий Аквилонский викариат послано было много миссионеров францисканцев (*ibid.*, pp. 125, 262, 444). Хронологически основание этого вика-

В границы Аквилонского викариата входили две кустодии (округа) — Газария и Сарай. К кустодии Газария относились крымские, придунайские и приднепровские земли, сарайская кустодия охватывала восточную часть Золотой орды с Северным Кавказом включительно. Центром этого викариата была Кафа.

Викариат Восточной Татарии состоял из трех кустодий — константинопольской, трабзонской и тебризской с центрами в Тебризе (с XIV в. в Султании).

О характере связей между генуэзскими торговыми людьми и орденскими миссионерами можно судить по генуэзским нотариальным актам и отчетам кустодиев восточных викариатов и настоятелей монастырей, основанных францисканцами и доминиканцами в Крыму, Грузии, Малой Азии, Иране и других восточных землях. Связи эти были весьма тесными и взаимовыгодными. В актах генуэзских нотариусов в Фамагусте, Пере и Кафе сделки, в которых непосредственно участвуют монахи францисканского и доминиканского орденов, зафиксированы многократно⁷⁴. Часто миссионеры выступали в роли посредников между генуэзскими консулами заморских колоний и государями, на землях которых генуэзцы обосновались. В несколько наивной форме сущность генуэзско-миссионерского альянса так охарактеризовал итальянский историк Корнелио Дессимони: «Купцы были воодушевлены религиозным прозелитизмом и выступали совместно с миссионерами, по мере надобности оказывая друг другу поддержку... Отметим, что большая часть викариев и епископов обоих орденов принадлежала к генуэзским фамилиям, что естественно,

---

риата совпадает с зарождением генуэзской сферы торговли в северном Черноморье. Кафа, центр Аквилонского викариата, с ее генуэзскими консулами и францисканскими кустодиями была очагом двойной, купеческой и орденской, экспансии в золотоордынские земли «Со свойственной им хваткой, — пишет В. Хейд, — папы оценили все выгоды, которые давал этот быстроразвивающийся город с его богатствами и многочисленным населением» (W. Heid, *Histoire du commerce du Levant*, t. II, p. 172).

Викариат Восточной Татарии возник чуть позже. Элеозина писал, что царя Киликийской Армении Хетума II принял в 1293 г. во францисканский орден викарий этой провинции. Первый викарий, имя которого фигурирует в источниках, Джакомо ди Монте, правил этой провинцией в самом начале XIV в.

⁷⁴ G. Bratianu, *Actes des notaires génois de Pera et de Caffa*; C. Dessimoni, *Actes passés à Famagouste...*

если учесть большую склонность генуэзцев к путешествиям и их опыт в этом отношении»⁷⁵.

Религиозный прозелитизм и склонность к путешествиям ради путешествий смело можно оставить на совести автора. Но тот факт, что генералитет орденских миссий пополнялся главным образом за счет «жирных» семейств, свидетельствует о реальных связях между орденами и генуэзской олигархией. Связи эти отнюдь не ослабли и в XIV в., когда дороги, ведущие в Индию и Юго-Восточную Азию, были разведаны путешественниками-миссионерами, чьи записки включены в эту книгу.

Марко Поло. Иран, Кавказ, Крым, Поволжье в 60—80-х годах XIII в. стали объектом своеобразной диффузии организаторов торговой и орденской экспансии. Как правило, эти деятели не оставляли сколько-нибудь приметных следов. Их имена не без труда удастся отыскать в нотариальных актах и в архивах францисканского и доминиканского орденов.

На этом фоне особенно выделяется имя великого венецианского путешественника Марко Поло. Почти четверть века провел он в странах Ближнего и Дальнего Востока, вдоль и поперек исходил весь Китай, до той поры совсем еще неизвестный европейцам, и возвратился в Венецию морским путем через Южно-Китайское море, Индийский океан и Персидский залив.

Результатом этого беспримерного путешествия была «Книга» Марко Поло, одно из наиболее выдающихся произведений мировой географической литературы⁷⁶.

Ни Марко Поло, ни его отец и дядя (возвратившись из страны великого хана, они его взяли с собой в новое путешествие на Восток), на удивление генуэзцам, не были их соотечественниками; никакого отношения они не имели и к орденским миссиям, хотя кое-какие дипломатические поручения папы они взяли на себя, отправляясь к великому хану. Обстоятельства, вызвавшие повторное путешествие старших Поло на Восток, изложены

---

⁷⁵ С. Dessimoni, *I conti dell'ambasciata al chan di Persia*, pp. 578—580.

⁷⁶ В русском переводе «Книга Марко Поло» неоднократно издавалась и до 1917 г. и после революции. В несравненном переводе выдающегося русского индолога И. П. Минаева полностью сохранен дух оригинала и все неповторимые особенности живой речи Марко Поло.

в VIII—XIII главах «Книги» Марко Поло. Суть их такова.

В 1269 г. Николо и Маффео Поло прибыли из Китая в Палестину с грамотой Хубилая, адресованной папе. «В посольской грамоте да в словах значилось, знайте, вот что: просил великий хан апостола [папу] к нему около ста христиан, умных, в семи искусствах сведущих, в спорах ловких, таких, что смогли бы идолопоклонникам и людям других вер доказать, что идолы в их домах, которым они молятся, — дело дьявольское, да рассказали бы язычникам умно и ясно, что христианство лучше их веры»⁷⁷.

Подобное поручение открывало папству весьма благоприятные возможности для проникновения в страну великого хана. Перспективы эти были тем более обнадеживающими, что в борьбе с Чагатайским улусом Хубилай опирался на державу монгольских иль-ханов Ирана. Этот союз открывал для Запада путь в Монголию и Китай через иранские земли. Однако старшие Поло явились в Палестину в крайне неудачный момент. После смерти папы Климента IV в 1268 г. папский престол три года был вакантным. Папский легат в Палестине Теобальдо Висконти готов был послать братьев Поло к великому хану с благоприятным ответом, но «не было апостола», а без визы папы такое поручение теряло смысл. Старшие Поло отправились в Венецию, прожили там два года и, взяв с собой семнадцатилетнего Марко, отплыли в Палестину, решив, что дальше с возвращением к великому хану медлить не стоит. В Акке они снова встретились с Теобальдо Висконти, получили от него письмо к великому хану и осенью 1271 г. пустились в дальнейший путь. В Айясе они узнали, что Теобальдо Висконти избран папой. Новый папа (он принял имя Григория X) послал вдогонку за семейством Поло гонца.

Царь Киликийской Армении Левон III снарядил для Поло галеру, на которой путешественники возвратились в Акку. Здесь Григорий X вручил венецианцам верительные грамоты и письмо к Хубилаю. Папа отрядил с путешественниками двух монахов-доминиканцев, «самых умных во всей области; один звался Николаем Виченцским, а другой Гийомом Триполийским».

---

⁷⁷ [Марко Поло], *Книга...*, стр. 47.

Однако, как совершенно справедливо отмечает французский историк Ж. Ру, эти «самые умные» монахи отнюдь не были самыми отважными⁷⁸. Якобы по причине вторжения в Армению султана Бейбарса они «побоялись идти вперед... отдали Николаю с Матвеем верительные грамоты, письма, попросились и пошли назад к главе ордена»⁷⁹. Видимо, Марко Поло шадит репутацию доминиканского ордена, когда пишет, что Бейбарс с великими полчищами напал на Армению и монахам — спутникам путешественников—грозила смерть. В 1271—1272 гг. Киликийская Армения серьезным испытаниям не подвергалась. Бейбарс лишь в 1275 г. предпринял опустошительное вторжение в Киликию, которое поставило армянское царство на грань гибели. Но в 1275 г. семейство Поло уже было в Китае, за тридевять земель от Киликийской Армении.

Путешественники из Айяса прошли в Ирак через Гуглагский перевал, Сивас и Мосул. Прямой путь из Айяса в Мосул через проход Портелу был, как мы уже отмечали выше, с 1268 г. перерезан египтянами. Семейство Поло далее направилось через Багдад в Басру, в чаянии пройти в страну великого хана морем, но по каким-то причинам путешественники отказались от своего замысла и из Ормуза через Керман и Тебриз вышли на дорогу, ведущую в Китай через Балх, горные проходы Памира и бассейн Тарима. На последнем участке пути они шли через Кашгар, Яркенд, Хотан и южную окраину пустыни Гоби и на целый год задержались в Ганьчжоу (Чжанъе), городе, лежащем в китайской провинции Ганьсу. В ставку Хубилая путешественники прибыли после трехлетних скитаний, в 1275 г.

Поскольку обратный путь Марко Поло во времени и пространстве пересекается с маршрутом Монтекорвино, имеет смысл вернуться к этому этапу путешествия прославленного венецианца позже. Отметим, однако, что ценнейшие географические сведения, содержащиеся в «Книге» Марко Поло, дошли до Западной Европы лишь в начале XIV в., и ими еще не могли воспользоваться путешественники-миссионеры 80—90-х годов XIII в.

---

⁷⁸ J. P. Roux, *Les explorateurs...*, p. 72.

⁷⁹ [Марко Поло], *Книга...*, стр. 50—51.

Между Марко Поло и Монтекорвино. Перекрестные связи Запада и Востока и миссия Барсаумы. В 70-х и особенно в 80-х годах учащаются дипломатические контакты между Западом и монгольским Востоком, причем значительную активность проявляют обе стороны. Пожалуй, монгольская дипломатия даже кое в чем опережает дипломатию папской курии и королевских дворов Франции и Англии.

Объясняется это обострением положения в Палестине и Сирии. Клин, вбитый Бейбарсом между остатками франкской «Святой земли» и монгольским Ираком, в одинаковой степени беспокоил и христианский Запад и державу иль-ханов. А в 1275 г. Бейбарс снова перешел в наступление, разорил почти всю территорию Киликийской Армении, и только ценой значительных уступок Левону III удалось спасти свое царство.

Григорий X (1271—1276), будучи долгие годы легатом папской курии в Палестине, хорошо представлял себе положение на Востоке. Отчасти в связи с палестинскими и армянскими делами, отчасти из-за переговоров о слиянии католической и православной церкви, начатых в Константинополе в 1272 г., по инициативе Григория X созван был в мае 1274 г. церковный собор в Лионе. На собор почти одновременно прибыли послы из Константинополя и Тебриза. Тех и других представил собору францисканец Джироламо д'Асколи, только что избранный генералом ордена, будущий папа Николай IV (1288—1292). Именно он вел в 1272 г. переговоры в византийской столице с Михаилом Палеологом и константинопольским патриархом.

Существовала определенная связь между византийским и монгольским посольствами. Одна из жен иль-хана Абаги была дочерью Михаила Палеолога, и через нее установились негласные контакты между Тебризом и Константинополем. В курсе всех этих дел был Асколи, которого и на Западе и на Востоке не без основания считали выдающимся дипломатом и государственным деятелем.

Посольство Абаги прибыло в сопровождении нескольких доминиканцев⁸⁰ и через Асколи вручило папе пись-

⁸⁰ Среди этих доминиканцев, одновременно служивших и иль-хану и папе, был монах Давид, о котором уже упоминалось на стр. 45.

мо Абаги с предложением военного союза против Египта. Из Лиона, где послов-монголов удалось крестить, они направились в Англию, Францию и Арагон с аналогичными предложениями. Получив весьма дружественное письмо иль-хану у английского короля Эдуарда I, послы в марте 1275 г. возвратились в Лион, где тем временем было принято решение о новом крестовом походе против мусульман. С письмом папы Абаге послы, вероятно в апреле 1275 г., выехали в Тебриз⁸¹.

В 1276 г. в Рим прибыли новые послы Абаги, братья Иоанн и Иаков Вассали, грузины-христиане, состоявшие на службе у иль-хана. С ними явились и послы от великого хана Хубилая Иаков Алемальдин, купец христианской веры и неведомой национальности, и уйгур Ашмут, несторианин. Послы Абаги вели переговоры о совместных действиях против Египта. Содержание послания Хубилая доподлинно неизвестно, но, судя по ответу, который дан был великому хану папой Николаем III (1277—1280), в Риме создано впечатление, будто Хубилай перешел в христианскую веру. Братья Вассали посетили затем короля Филиппа III французского и Эдуарда I, а на обратном пути захватили в Риме письмо папы Абаге⁸².

Вероятно, по инициативе Асколи, который с 1274 по 1279 г. был генералом францисканского ордена, к Хубилаю в 1278 г. направлена была миссия в составе пяти монахов-францисканцев во главе с Джерардо из Прато, братом одного из генералов ордена — Арлотто из Прато. Папа Николай III послал через Джерардо Хубилаю большое письмо, в котором приветствовал великого хана как брата во Христе и настоятельно рекомендовал ему своих послов. Миссию эту финансировали флорентийские банкиры, которые ссудили для этой цели папе 998 лир⁸³. В мае 1278 г. миссия Джерардо покинула Рим. Дальнейшая судьба ее неясна, во всяком случае до Китая она не дошла⁸⁴.

⁸¹ G. Soranzo, *Il papato...*, pp. 219—223; L. Wadding, *Annales Minorum...*, t. III, p. 36; G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. II, pp. 419—420.

⁸² G. Soranzo, *Il papato...*, pp. 231—232.

⁸³ G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. II, pp. 427—429; G. Soranzo, *Il papato...*, p. 238.

⁸⁴ История этой миссии темна и непонятна. Историограф францисканского ордена Конрад Эубель в 1908 г. высказал предположе-

Францисканцам в конце 70-х и в начале 80-х годов не удалось добраться до Китая, но зато они значительно укрепили свои позиции в Малой Азии, Северном Причерноморье и Иране. Именно в эту пору по планам, разработанным Асколи и его преемником на посту генерала францисканского ордена Бонаграцией (1279—1283), основаны были те орденские опорные пункты в этих странах, о которых мы упоминали выше.

Одновременно беспрецедентную дипломатическую активность проявила держава иль-ханов. После смерти Абаги в 1282 г. к власти пришел его младший брат Такудар, принявший ислам и новое имя Ахмед. Как все неофиты и ренегаты, Ахмед воспылал немислимым рвением к вере пророка и стал гнать и преследовать приверженцев других культов. Ахмед и своей религиозной политикой, и стремлением сблизиться с Египтом, и рядом крутых мер по отношению к монгольской кочевой знати восстановил против себя весьма влиятельные ее круги. В результате в 1284 г. он был свергнут и убит. Преемником Ахмеда стал старший сын Абаги Аргун, горячий сторонник отцовской политики союзов с католическими державами Западной Европы.

Аргун немедленно восстановил прерванные Ахмедом дипломатические связи с Западом. В мае 1285 г. из Тебриза в Рим отправилось посольство с письмом Аргуна папе Гонорию IV. Речь в этом послании, написанном на совершенно варварской латыни, снова идет о действительном союзе против Египта, причем Аргун от собственного имени и от имени великого хана Хубилая обещает покровительство всем христианам, ссылаясь на пример своей бабки-несторинки Докуз-хатун. Состав этого

ние, что миссия Джерардо из Прато погибла в Тебризе по пути в Китай в 1282 г., когда брат и преемник Абаги Ахмед (1282—1284) учинил расправу над местными христианами (С. Eubel, *Bularii franciscani epitome...*). Но францисканский хронист Салимбене в 1283 г. писал, что все миссионеры благополучно возвратились в Италию, а Салимбене ошибиться не мог: он был другом юности Джерардо из Прато («*Monimenta Germaniae SS...*», t. XXII). Да и установлено, что в том же 1283 г. Джарардо из Прато был в Авиньоне и Париже (G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. II, p. 428). Скорее всего миссия, побывав в 1278—1279 гг. в Иране, возвратилась по каким-то причинам восвояси. Явно неправдоподобная версия Эубеля оказалась весьма живучей. Ей отдает дань даже такой осведомленный автор, как Р. Хенниг (*Неведомые земли*, т. III, стр. 148—149).

посольства был таков: главой его был толмач Иса, посланный Хубилаем к Аргуну; с ним отправлены были в Рим еще четверо — монголы Богакок и Менгелик и итальянцы Томмазо Банкир и толмач Угето. Личностью Исы специально занимался известнейший французский синолог П. Пеллио, который установил, что в китайских источниках, в частности в «Истории Юаньской династии» («Юань-ши»), этот Иса фигурирует под именем Ай Си, причем в главе 134 «Истории» отмечается, что он долгое время служил монгольским императорам Китая и «был сведущ во многих языках Запада»⁸⁵.

О Томмазо Банкире, или Томмазо Анфосси, уже упоминалось в связи с генуэзской колонией в Тебризе. Он снова посетил Европу в 1287—1288 гг. в составе миссии Барсаумы. Как на заслуживающее полного доверия лицо на него указывает в письмах к Аргуну и несторианскому патриарху Мар Ябалахе (1288 г.) папа Николай IV. Несомненно, Томмазо Банкир был связан с генуэзскими купцами в Кафе. Относительно Угето можно лишь предполагать, что он был итальянцем⁸⁶.

Сколько-нибудь заметных следов в истории дипломатических отношений между Тебризом и Римом это посольство не оставило. Гораздо большее значение имело второе посольство Аргуна, в 1287—1288 гг., главой которого оказался человек с поистине удивительной биографией — несторианский монах Раббан Барсаума.

Около 1279 г. в Иране объявились два несторианских монаха — Барсаума («Сын Поста») и Маркос. Барсаума был уроженцем Ханбалыка, Маркос — сыном несторианского архидиакона «из города Кошана, восточной земли». Эта восточная земля находилась в излучине

---

⁸⁵ Пеллио, ссылаясь на личное сообщение китайского исследователя Ло Чжэн-ю, сообщил, что в одном китайском сборнике имеется копия надгробной эпитафии Ай Си (Исы). В этой эпитафии отмечено, что Ай Си родился в 1227 г. и умер в 1308 г.; в юности некто Ли Бянь Э-да рекомендовал его в качестве переводчика великому хану Гуюку. Пеллио считает, что Ли Бянь Э-да — китайский эквивалент имени или, точнее, титула Раббан Аты, несторианского дипломата, с которым в 40-х годах XIII в. встречались Лонжюмо, Сен Кантен и Асцелин. Иса также был несторианином и неоднократно исполнял важные дипломатические поручения великого хана Хубилая. — P. Pelliot, *Les Mongols et la papauté*, t. I, pp. 52—53.

⁸⁶ G. Bratianu, *Recherches sur le commerce génois...*, p. 185; J. B. Chabot, *Histoire du patriarche Mar Jabalacha III et de moine Rabban Çauma*, t. II, p. 572.

Хуанхэ, в краю, который Марко Поло называл страной Теудук, а китайцы — областью Тяньде⁸⁷. Город же Кошан носил у китайцев название Датун и был важным торговым центром на пути из Китая в страны Средней Азии и Ближнего Востока.

Барсаума (он был лет на 15—20 старше Маркоса и, вероятно, родился в 20-х годах XIII в.) и Маркос в 1278 г. решили отправиться на поклонение святым местам в Иерусалим. Через Ханбалык, Датун и Кашгар они дошли до Тянь-Шаня, Таласской долиной проследовали в среднеазиатские земли, а затем через Хорасан прибыли в город Марагу, резиденцию несторианского католикоса Мар Денхи. Католикос отправил обоих пилигримов в Тебриз, ко двору иль-хана Абаги, где они получили благоприятные для главы несторианской церкви грамоты и указы.

Католикос Мар Денха в 1280 г. скончался, и на его место при содействии Абаги избран был Маркос, который получил имя Мар Ябалахи III, хотя, как отмечает сирийский хронист-якобит Бар-Эбрей, Маркос «был несколько скуден в вероучении и в сирийском письме». Но для монгольских властей большее значение имели не богословские познания Мар Ябалахи, а его знакомство с обычаями монголов и его связи со страной Хубилая. Барсаума после избрания Маркоса католикосом занял видное место в его резиденции и при дворе иль-хана; когда после смут 1282—1284 гг. к власти пришел Аргун, Барсаума стал доверенным лицом нового государя⁸⁸.

Миссия Барсаумы 1287—1288 гг. преследовала не только политические цели. Барсаума направлялся на Запад и для переговоров о сближении несторианской и католической церквей, и с этой целью он вез в Рим дове-

⁸⁷ [Палладий], *Комментарий...*, стр. 23; A. C. Moule, *Documents...*, pp. 3, 533—539.

⁸⁸ Н. В. Пигулевская, *История Мар Ябалахи и Раббан Саумы*; J. V. Chabot, *Histoire du patriarche Mar Jabalacha III et du moine Rabban Sauma*; E. A. Willis Budge, *The Monks of Kùblai Khân, Emperor of China*. Деятельность Маркоса и Барсаумы и, в частности, путешествие Барсаумы в Европу описаны в одной сирийской хронике XIV в., обнаруженной в 1887 г. в Курдистане. В 1888 и 1895 гг. она была дважды издана на языке оригинала сирийским ученым П. Беджаном. В 1893—1894 гг. французский востоковед Ж. Б. Шабо опубликовал французский перевод этой хроники, а в 1928 г. появилось ее издание на английском языке в переводе Е. Уиллиса Беджа. В русском переводе Н. В. Пигулевской эта хроника вышла в свет в 1958 г.

рительные письма Мар Ябалахи. Барсаума должен был посетить Константинополь и прозондировать почву при дворах Филиппа IV Красивого и Эдуарда I. Союз с Францией и Англией по-прежнему привлекал иль-хана Аргуна.

Миссия Барсаумы весной 1287 г. выехала из Тебриза. Барсауму сопровождали множество советников и толмачей. Помимо уже знакомых нам Томмазо Банкира и Угето к посольству были причислены некто Сабадин и девять «мирян царя татарского»⁸⁹. Посетив Константинополь, Барсаума отправился в Рим, куда прибыл спустя несколько месяцев после смерти папы Гонория IV. Впредь до избрания нового папы всеми делами ведала коллегия кардиналов. Кардиналы вступили с Барсаумой в богословские споры и в конце концов заявили ему, что до избрания папы никакого ответа они дать не могут.

Барсаума отправился через Геную в Париж, где его принял Филипп IV. Король, который менее всего помышлял о крестовом походе, тем не менее сказал Барсауме: «Если монголы, не будучи христианами, борются с сарацинами за Иерусалим, то нам и подавно подобает сражаться, и мы выступим с сильным войском, если это угодно будет господу нашему».

Из Парижа Барсаума направился к Эдуарду I. Ему не пришлось для этого переплывать Ламанш. Английским королям в то время принадлежала добрая треть французской земли, и Эдуарда I Барсаума посетил в одном из его аквитанских городов, скорее всего в Бордо, где был тепло принят королем. Зимой 1287—1288 гг. Барсаума провел в Генуе. Видимо, не случайно он дважды посетил этот город. В плане дипломатических переговоров в Европе Генуя играла, несомненно, весьма значительную роль.

---

⁸⁹ Джованни ди Бонастра, Унгоно Гантелини, Педро де Молина, константинополец Джерардо Гасмул, Джерардо Ка-Турко, Джордже Куси, Иоанн Барбаро, Балаба-генузец и Иоанн из Газарии. По крайней мере четверо членов миссии были генуэзцами. Происхождение Томмазо Банкира и Балабы сомнения не вызывает. Джерардо Гасмул, судя по его имени, был генуэзцем наполовину (гасмулами в Византии назывались дети от отца латинянина и матери гречанки). Иоанн из Газарии (Крыма) был тесно связан с кафекой колонией генуэзцев (G. Bratianu, *Recherches sur le commerce génois...*, p. 188).

15 февраля 1288 г. избран был новый папа — Николай IV (Джироламо д'Асколи). Значительную часть своей жизни он провел на Востоке — в Далмации, Сирии, Палестине и Византии. По существу уже много лет он ведал в курии всеми делами восточных миссий. Папскую тиару он принял, горя желанием реализовать планы широчайшей миссионерской деятельности на Востоке. Барсаума, с его огромным опытом и связями с монгольским Китаем и монгольским Ираном, был для Николая IV счастливой находкой. Папа немедленно вызвал Барсауму в Рим. В марте — апреле 1288 г. Николай IV имел несколько долгих бесед с Барсаумой. Папа получил от него ценную информацию не только о положении в несторианской церкви, но и о возможностях миссионерской деятельности в Китае и в землях, лежащих между Ираном и владениями Хубилая. В середине апреля 1288 г. Барсаума выехал из Рима с письмами папы к Аргуну, Мар Ябалaxe, к несторианскому епископу в Тебризе Дионисию, обращенному францисканцами в католическую веру, и к двум монгольским принцессам-христианкам — вдове Абаги Нукдан-хатун и дочери Аргуна Олгатаи. Через Барсауму Николай IV переслал письма францисканцам Тебриза, пожаловав им ряд привилегий и льгот⁹⁰.

Миссией Барсаумы завершился многолетний этап в истории дипломатических отношений Генуи, Рима и Тебриза. За путешествием Барсаумы последовала миссия Джованни Монтекорвино, который путь от Ханбалыка до Рима, преодоленный этим странником-дипломатом, прошел в обратном направлении, посетив по дороге Индию.

Миссия Монтекорвино

Николай IV и Монтекорвино. Миссия Монтекорвино, подготовленная вскоре после переговоров Николая IV с Барсаумой, была тесно связана с планами католиче-

---

⁹⁰ L. Wadding, *Annales Minorum...*, t. V, pp. 170—173; G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. II, pp. 432—440; J. B. Chabot, *Histoire du patriarche Mar Jabalacha III et moine Rabban Sauma*, t. II, pp. 586—595.

ского проникновения на Восток, которые папа начал проводить в жизнь в первый же год своего правления. Восточным делам Николай IV уделял исключительное внимание, куда большее, чем любой из его предшественников⁹¹. По иронии судьбы именно Николаю IV довелось быть свидетелем гибели последних христианских форпостов в Сирии и Палестине. И сознавая, что «Святую землю» ни при каких обстоятельствах отвоевать не удастся, Николай IV разрабатывал проекты миссионерских крестовых походов в глубокий тыл этого утраченного плацдарма, и сведения Барсаумы ему оченьгодились. Ключи к Востоку следовало искать в Мараге, Мосуле и Тебризе — в резиденциях несторианских и якобитских католиков и в ставке Аргуна. Отсюда католические миссионеры, опираясь на систему крепких связей между несторианами Ирана и Китая и заручившись содействием Аргуна, союзника Хубилая, могли проникнуть в дальние восточные страны — в Среднюю Азию, Китай и даже в Индию⁹².

Планы эти окончательно созрели у Николая IV в первой половине 1289 г., и как раз в это время (вероятнее всего, в мае 1289 г.) в Италию возвратился из Киликийской Армении Джованни Монтекорвино. На нем Николай IV и остановил свой выбор.

Джованни Монтекорвино как нельзя лучше отвечал этому назначению. Он родился в 1247 г. в Южной Италии⁹³ и юношей вступил во францисканский орден. Где именно он начал свою миссионерскую деятельность, не-

---

⁹¹ Из 7652 документов времен понтификата Николая IV более 2 тыс. посвящено восточным делам — цифра для XIII в. беспрецедентная (E. Langlois, *Registres de Nicolas IV*).

⁹² Барсаума, видимо, говорил папе об индийских христианах-несторианах, а рекомендации католика Мар Ябалахи могли открыты перед посланцами Рима доступ в неведомые индийские земли и обеспечить теплый прием у индийских несториан.

⁹³ Дату рождения легко установить по указаниям самого Монтекорвино. В своем письме из Ханбалыка от 8 января 1305 г. он писал: «Я уже сед и стар... ибо мне 58 лет». Хуже обстоит дело с местом рождения Монтекорвино. В Южной Италии есть два селения Монтекорвино, и неизвестно, какое именно было его родиной. Ваддинг неоднократно отмечает, что Монтекорвино родился в апулийском селении того же названия, расположенном близ города Лучеры, но он же как место его рождения указывает деревушку Монтекорвино близ Салерно (L. Wadding, *Annales Minorum...*, t. IV, p. 345; t. V, p. 194; t. VI, p. 68).

известно. Составитель многотомных анналов ордена, ирландский ученый монах Лувка Ваддинг (1588—1657) писал в XVII в., что Монтекорвино принимал участие в переговорах 1272 г. между папой Григорием X и Михаилом Палеологом и ездил в Рим с письмами византийского императора. Однако Голубович доказал в 1906 г., что Ваддинг спутал Монтекорвино с францисканцем греческого происхождения Иоанном Парастроном, через которого Михаил Палеолог пересылал папе письма во время переговоров о сближении католической и православной церквей. Ваддинг, очевидно, неверно истолковал одно место в хронике византийского историка Георгия Пахимера, где речь идет о посольстве Михаила Палеолога к Григорию X⁹⁴.

Большого доверия заслуживает другое свидетельство Ваддинга, который, касаясь событий 1289 г., писал: «Брат Иоанн... с иными и многими сотоварищами по велению министра-генерала Бонаграции послан был в восточные страны, и обошли они всю вселенную»⁹⁵.

Бонаграция был генералом францисканского ордена в 1279—1283 гг., и как раз в это время много миссионеров направлено было в Малую Азию, Иран, Закавказье и Крым. Несомненно (это следует из текста письма Николая IV Аргуну, посланного через Монтекорвино) Монтекорвино в начале или середине 80-х годов побывал в Иране. «Монтекорвино, — отмечает Дж. Соранцо, — был весьма сведущим знатоком людей и обстоятельств, миссионером, который неоднократно бывал на христианском Востоке». О его осведомленности в иранских и египетских делах говорит также виднейший историк францисканских миссий А. Вингерт. Особенно же прочные связи у него были в Киликийской Армении. Голубович, правда, без ссылки на источник, указывает, что царь Хетум II, вступив в 1293 г. в францисканский ор-

---

⁹⁴ G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. I, pp. 283—284. Ошибку Ваддинга по непонятным причинам не исправил редактор юловского посмертного издания «*Cathay and way thither*» французский востоковед А. Кордые («*Cathay...*», vol. III, p. 4), что в свою очередь ввело в заблуждение многих авторов, основывавшихся на текстах и комментариях этого образцового собрания источников по истории средневековых европейско-азиатских связей.

⁹⁵ L. Wadding, *Annales Minorum...*, t. V, p. 194.

ден, принял имя Иоанна в честь своего наставника и друга Джованни Монтекорвино⁹⁶.

Во всяком случае Монтекорвино в 1288 и в начале 1289 г. оказался в Киликии, и, бесспорно, ему довелось сыграть немалую роль в событиях, которые ранней весной 1289 г. произошли в этой стране.

После смерти царя Левона III ему наследовал в 1289 г. его старший сын Хетум II, который в отличие от отца, правителя весьма осторожного, был сторонником тесного союза с папой и государями Франции и Англии. Хетум II сразу же проявил себя как заядлый латинофил и предпринял все, что было в его силах, чтобы подчинить Риму армянскую церковь. Католикос Константин Кетукечи, противник унии, заменен был единомышленником нового царя Степаносом, фактически же во главе армянской церкви стал еще больший латинофил, чем сам Хетум II, — Григорий, архиепископ Аназарбский⁹⁷.

Монтекорвино принимал активное участие в событиях первых месяцев правления Хетума II и доставил в Рим весьма ценную информацию о новой расстановке сил в армянском государстве.

В начале июля 1289 г. Монтекорвино прибыл в Риети, летнюю папскую резиденцию в Сабинских горах. Николай IV отлично знал Монтекорвино и, кроме того, судя по свидетельствам хронистов XIV в. Паулино Венецианца и Элемозины, получил о Монтекорвино благоприятные отзывы от Иоанна Пармского, видного церковного деятеля, бывшего в 1247—1257 гг. генералом францисканского ордена. Иоанн Пармский впал в немилость за явные свои симпатии к сторонникам коренной реформы ордена и впоследствии был связан со спиритуалами. Возможно, он задумал отправиться на Восток, после того как генерал ордена Раймундо Гауфредо, освободив из заключения наиболее активных спиритуалов, принял решение привлечь их к миссионерской деятельности.

⁹⁶ G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. I, p. 329. Ни в работах армянского историка Л. Алишана по истории Киликийской Армении этого периода, ни в труде французского иезуита Ф. Турнебиза, посвященного связям армянской и римской церквей, мы подобных сведений не встретили.

⁹⁷ Г. Микаелян, *История Киликийского Армянского государства*, стр. 416—417; F. Tournebize, *Histoire politique et religieuse de l'Arménie...*, pp. 367—369.

Иоанн Пармский, несмотря на весьма преклонный возраст, собирався, по словам обоих хронистов, направиться на Восток вместе с Монтекорвино, и только смерть помешала ему осуществить это намерение⁹⁸.

В первой половине 1289 г. Николай IV подготовил 26 писем в Киликийскую Армению, Иран, Закавказье, страну великого хана, Чагатайский улус и в Эфиопию, которая, впрочем, находилась, по мнению папы, не в Африке, а в преддверии Индии⁹⁹. Надо полагать, что помимо этих официальных посланий, внесенных в регистр папской канцелярии, Николай IV вручил Монтекорвино ряд сугубо доверительных писем и снабдил его негласными инструкциями различного рода. Хотя во всех 26 письмах папы затрагивались преимущественно религиозные вопросы, один лишь перечень адресатов Николая IV свидетельствовал о планах и замыслах папы¹⁰⁰.

⁹⁸ G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. II, pp. 109—110; 126—127.

⁹⁹ G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. I, pp. 330—331; t. II, pp. 440—442; E. Langlois, *Registres de Nicolas IV*, № 2218—2244; L. Wadding, *Annales Minorum...*, t. V, p. 199 sq.

¹⁰⁰ Приводим этот перечень с разбивкой по географическому и тематическому признакам:

Письма государственным деятелям Киликийской Армении:

1. Gerentis in terris,	от 7/VII 1289 г. царю Хетуму II
2. {	от 14/VII Торросу, брату Хетума II, и Марии, тетке Хетума II
3. { Nuper ad apostalatus,	
4. {	от 14—15/VII коннетаблю Левону и маршалу Армении
5. { Laetati sumus,	
6. Summi pastōris,	от 14/VII «всему народу армянскому»

Письма патриархам и прелатам восточных церквей:

7. {	от 7/VII патриарху якобитов
8. {	от 7/VII архиепископам, епископам и прелатам якобитской церкви
9. {	от 15/VII несторианскому католикосу
10. { Disponente summi regis,	от 15/VII патриарху грузинской церкви
11. {	от 15/VII католикосу армянской церкви
12. {	от 7/VII архиепископу эфиопскому
13. {	
14. {	от 15/VII армянским и эфиопским прелатам
15. }	

Особое место в этом потоке дипломатической корреспонденции занимают письма, адресованные в Тебриз папским агентам Йоло из Пизы (Jolo de Pisis) и Джованни ди Бонастро. Оба эти итальянца несомненно были агентами папской курии в столице иль-ханов. Джованни ди Бонастро в 1287—1288 гг. посетил Рим в составе миссии Барсаумы и, вероятно, получил от Николая IV особые инструкции на случай приезда в Тебриз папских послов. Йоло из Пизы был связан не только с Римом, но и с Генуей. Французский историк Ш. Кёлер в регистре генуэзского нотариуса Ламберто ди Самбучето обнаружил акт, составленный в Фамагусте 25 мая 1301 г. в связи с одной частной просьбой «благородного мужа Золуса, сына Атанасио, и посла могущественного государя Кассана [Газана], императора татарского». Речь несомненно идет о Йоло из Пизы, поскольку в акте упоминается этот город. Иль-хан Газан правил Ираном в 1295—1304 гг., и при нем Йоло значительно выдвинулся, участвуя в посольствах к различным европейским государям¹⁰¹.

16. Affluentis devotiois affectu,	от 7/VII Дионисию, архиепископу Тебризскому
<i>Письма монгольским государям:</i>	
17. Inter caetera desideria,	от 15/VII иль-хану Аргуну
8. Gaudeamus in Domino,	от 1 ^o /VII великому хану Хубилаю
19. Ad ea quae,	от 1 ^o /VII Хайду, правителю Чагатайского улуса
<i>Письма грузинским государям:</i>	
20. } Summi pastoris,	от 14/VII Дмитрию, царю Грузии, и Давиду, царю Иберии
21. }	
<i>Письма частным лицам:</i>	
22. } Laetamur in Domino,	от 1 ^o /VII Йоло из Пизы и Джованни ди Бонастро
23. }	
<i>Письма армянскому и эфиопскому народам:</i>	
24. }	
25. } Summi pastoris,	от 14/VII
26. }	
- (L. Wadding, *Annales Minorum...*, t. V).

¹⁰¹ Ch. Köhler, *Documents inédits concernant l'Orient latin et les croisades (XII—XIV ss.)*, pp. 34—36. Йоло из Пизы посвящена также интересная работа П. Пеллио (P. Pelliot, *Isol le Pisan*, pp. 495—496), в которой автор опровергает точку зрения В. Бартольда, ошибочно отождествившего Йоло с послом Хубилая Исой.

Обращают на себя внимание весьма лестные нотки в письме Николая IV к Йоло. Очевидно, многое зависело от этого купца, дипломата и папско-генуэзского резидента в Тебризе...

По плану, разработанному в Риети, Монтекорвино должен был сперва посетить Киликийскую Армению. Но, видимо, там ему долго задерживаться не полагалось: как раз в это время генерал францисканского ордена Раймундо Гауфреди готовил к отправке в Киликию особую миссию, и Монтекорвино мог поэтому проследовать через Айяс и Сис транзитом, выполнив при дворе Хетума II поручения папы¹⁰². Из Киликийской Армении Монтекорвино должен был отправиться в столицу иль-хана Аргуна Тебриз, вручить там папские письма различным влиятельным особам, в первую очередь самому иль-хану, а затем, заручившись поддержкой местных властей и наиболее расторопных представителей итальянской колонии, направиться ко двору великого хана Хубилая.

Дорогу в Ханбалык Монтекорвино мог наметить по своему усмотрению. Из Тебриза туда вели два пути: один по суше через Среднюю Азию и другой по суше и по морю через Индию и воды Дальнего Востока. Первый путь был сквозной магистралью, отлично освоенной, и, разумеется, ей следовало бы отдать предпочтение, если бы в монгольской империи все обстояло так, как во времена первых преемников Чингисхана.

Монтекорвино в Киликийской Армении и Тебризе. В конце июля или в начале августа 1289 г. Монтекорвино из Риети выехал в Анкону, оттуда отправился в Венецию и на венецианском корабле, вероятно в сентябре или октябре 1289 г., прибыл в Айяс. Выполнив поручения папы, Монтекорвино из Киликийской Армении в исходе 1289 г. или в начале 1290 г. отправился дальше.

---

¹⁰² «Папа велел ему, — пишет Турнебиз, — вручить Хетуму II формулу исповедания веры, уже ранее данную Климентом IV Михаилу Палеологу. Она начиналась подробным истолкованием догмата троицы, содержала положение о двойной природе Христа. чистилище, причастии и требовала признания [католических] святых... и главенства папы» (F. Tournebize, *Histoire politique et religieuse de l'Arménie*, p. 367). По существу, речь шла о полном подчинении армянской церкви Риму, и иезуит Турнебиз подчеркивал, что папа вправе был за искреннюю дружбу потребовать у армян согласия на свои условия.

Как раз в это время египетский султан Келавун двинулся в поход на франкские крепости в Сирии и Палестине. Это была последняя битва на «Святой земле», и окончилась она падением последних же оплотов крестоносцев. 26 апреля 1289 г. Келавун взял Триполи, а 18 мая 1291 г. пала Акка. С ее утратой завершилась двухвековая история крестовых походов. В «Святой земле» ни одной ее пяди больше уже не принадлежало Иерусалимскому королевству, территория которого отныне ограничивалась Кипром¹⁰³.

Сирийско-палестинские дела вряд ли оказали влияние на миссию Монтекорвино. Поле его деятельности лежало далеко от «Святой земли». Через Гуглагский проход, Сивас, Эрзинджан и Эрзурум Монтекорвино прошел в Тебриз. С кем именно встречался он там, сказать нелегко. Вероятно, он побывал в резиденциях Мар Ябалахи и якобитского патриарха и установил контакт с грузинскими адресатами Николая IV. И, очевидно, дальнейший маршрут путешествия Монтекорвино был намечен не без участия Йоло из Пизы и различных генуэзских и несторианских советников иль-хана Аргуна. Быть может, важные путеводные указания Монтекорвино получил от генуэзских моряков, занятых снаряжением флотилии на Тигре. Во всяком случае, в Китай Монтекорвино отправился не тем путем, по которому пришли из Ханбалыка в Иран Барсаума и Маркос. Очевидно, в Тебризе Монтекорвино разъяснили, что дорога через владения хана Чагатайского улуса Хайду небезопасна, и Монтекорвино предпочел круглой путь через Индию. В 1291 г. он покинул Тебриз и пошел в Ормуз¹⁰⁴

В Тебризе к Монтекорвино присоединились итальянский (скорее всего, генуэзский) купец Пьетро ди Лукалонго и монах-доминиканец Николо из Пистойи. Лука-

---

¹⁰³ В эти годы христианский мир проявил столь же трогательное «единодушие», как и в дни падения Антиохии. В 1290 г., в канун штурма Акки, Генуя заключила с султаном Келавуном торговый договор и христиане-генуэзцы ввезли в Александрию военные материалы, в которых остро нуждалась египетская армия.

¹⁰⁴ «Я... отправился из Тауриса, города персов, в год господства нашего Иисуса Христа 1291 и вступил в Индию, и был я в стране Индии и в церкви святого Фомы апостола 13 месяцев» — так писал Монтекорвино в первом своем послании из Ханбалыка 8 января 1305 г. (Р. Хенниг, *Неведомые земли*, т. III, стр. 138).

лонго отправился в Китай с чисто коммерческими целями; из второго ханбалыкского письма Монтекорвино от 13 февраля 1306 г. явствует, что в Китае дела у Лукалонго шли отлично: он успел там нажать состояние и от щедрот своих пожертвовал Монтекорвино участок земли для постройки церкви.

Индийский маршрут Монтекорвино. К сожалению, об индийском отрезке маршрута Монтекорвино и о его пребывании в Индии приходится судить не по подлинным записям самого путешественника, а по извлечению из них полуграмотного монаха-переписчика Мененцилия из Сполето. Мененцилий не только сильно сократил текст оригинала, но и основательно его исказил. А такие с его, Мененцилия, точки зрения ненужности, как указания на промежуточные пункты маршрута, видимо, его совершенно не интересовали.

Поэтому по случайно сохранившимся у Мененцилия ориентирам очень трудно восстановить индийский маршрут Монтекорвино. Более или менее ясен конечный отрезок этого маршрута, путь от одной из гаваней Малабара (вероятно, Куилона) вокруг мыса Коморин к Майлапуру, городу, расположенному близ современного Мадраса. Но совершенно неясно, каким путем шел Монтекорвино из Ормуза в Малабар. Несомненно, Монтекорвино побывал на северном участке западного берега Индостана, но неизвестно, высаживался ли он в главных гаванях этого побережья — Камбее, Броче и Гоа.

Малабар и Коромандельский берег (соответственно Минабар и Маабар у Монтекорвино) описаны в «конспекте» Мененцилия как страна святого Фомы. Там Монтекорвино посетил общины индийских христиан-несториан. Индийские христиане считали, что их некогда крестил апостол Фома, и поэтому называли себя фомистами. Трудно установить, когда именно христианство занесено было в Индию. Во всяком случае, в 20-х годах VI в., в ту пору, когда Индию посетил византийский путешественник Косма Индикоплов, в городах на малабарском и коромандельском побережьях было довольно много христиан. Косма Индикоплов в своей «Христианской топографии» (около 535 г.) писал о персидских христианах в Индии, имея, очевидно, в виду сирийских несториан, которые в V — VI вв. часто переселялись из Визан-

тийской империи в Иран, спасаясь от гонений. Из Ирана эти жертвы ортодоксальной нетерпимости легко могли добраться до южноиндийских гаваней, где издавна существовали колонии «яван» — выходцев из восточных областей Римской империи. В VI—VIII вв. в Византии продолжались преследования еретиков, и, как мы уже отмечали, эти изгнанники, покидая свою родину, оседали в Иране, Средней Азии, Кашгарии и в Индии. В Индии возникли два крупных фомистских центра: один в Малабаре, близ города Куилона, другой — на Коромандельском берегу, в Майлапуре. В Майлапуре, в особой гробнице, хранились «мощи» святого Фомы¹⁰⁵, и оба эти центра посетил Монтекорвино.

В стране святого Фомы Монтекорвино похоронил своего спутника, Николо из Пистойи, и в дальнейшем его сопровождал только Пьетро ди Лукалонго.

10 Ю всей вероятности, Монтекорвино отправился в Китай из какой-либо коромандельской гавани в самом начале 1293 г.¹⁰⁶ В Майлапуре Монтекорвино едва не встретился с Марко Поло. Венецианский путешественник посетил Индию спустя несколько месяцев после того, как ее покинул Монтекорвино. Марко Поло был причис-

---

¹⁰⁵ Фомисты занимали в Индии привилегированное положение, вне рамок кастовой системы. Они успешно вели торговлю пряностями, и богатые христианские общины играли значительную роль в экономической жизни приморских городов Южной Индии. К тому времени, когда Индию посетил Монтекорвино, они совершенно забыли языки своей византийской родины. Они говорили на местных языках (малаялам и тамильском), но церковная служба справлялась в их храмах на сирийском языке, не очень понятном даже священникам. По оценке несторианского епископа Ябалахи, посетившего фомистские общины Малабара и Майлапура в начале XVI в., в них насчитывалось около 30 тыс. семейств, следовательно, общая численность индийских христиан достигла в то время 150—170 тыс. (L. Brown, *The Indian Christians of St. Tomas; «Cathay...»*, vol. II, p. 135).

¹⁰⁶ В письме из Ханбалыка от 8 января 1305 г. Монтекорвино писал, что живет в Китае уже 11 лет. Следовательно, он прибыл туда в 1294 г., причем великого хана Хубилая, видимо, не застал уже в живых, Хубилай умер в феврале 1294 г. Поскольку Монтекорвино выехал из Тебриза в 1291 г. и 13 месяцев провел в Индии, можно предположить, что в плавание к берегам Китая он отправился в начале 1293 г. и за год добравшись до Ханбалыка. Расчеты Р. Хеннига (*Неведомые земли*, т. III, стр. 152—153) основаны на датах, искаженных Л. Ваддинггом и исправленных лишь Моулом в 1914 г. К сожалению, Р. Хенниг пользовался не изданием Моула, а невыправленным текстом Юла (*«Cathay...»*, vol. III).

лен к посольству от Хубилая к Аргуну, которое морем везло иль-хану невесту, сосватанную для него великим ханом, царевну Кукачин-хатум¹⁰⁷.

Индийские вестн Монтекорвино. За полторы тысячи лет до Монтекорвино об Индии, этой стране «ста восемнадцати народов», писали греческие путешественники. Фаланги Александра Македонского на индийской земле сражались с боевыми слонами царя Пора, «яваны» — греко-египетские, греческие и сирийские колонисты — в начале нашей эры осели в приморских городах Малабара и Коромандельского берега¹⁰⁸. С их слов великий александриец Клавдий Птолемей описал не только собственно индийские области, но и Загангскую Индию, Золотой Херсонес (Малаккский полуостров) и острова Малайского архипелага. Косма Индикоплов, как уже говорилось, в VI в. побывал в Индии и на Цейлоне и обеим этим странам уделил немало места в своей «Христианской топографии». Даже в раннее средневековье никогда не обрывались нити, которые издревле связывали Индию с Европой. Начиная же с XI в. в страны Запада стали просачиваться сведения об Индии из арабских и иранских источников.

И тем не менее даже такие неуемные искатели наживы, как генуэзцы, до самого конца XIII в. так и не смогли дойти до рубежей Индии и пустить корни на землях «тонких специй».

Морщинистые ядрышки черного перца, ломкие трубочки благовонной корицы на ощупь, на вкус, на цвет знали и в Генуе, и в Лондоне, и в Великом Новгороде, но никто в Европе воочию не видел коричневого дерева или плантаций диковинного растения *Piper nigrum*. Европейец XIII в. не имел представления о том, как обрабатывают землю индийцы, каким способом строят они дома, как питаются, какую носят одежду, каким богам молятся и какие ими правят государи. А все это он хотел знать, недостаток же сведений охотно восполнял всевозможными домыслами. Лет за тридцать до путешествия Монтекорвино один францисканский монах (имя его

---

¹⁰⁷ К тому времени, когда это посольство добралось до Тебриза, жених уже успел умереть и Кукачин-хатун взял в жены сын Аргуна, Газан.

¹⁰⁸ Я. Свет, *По следам путешественников и мореплавателей Востока*, стр. 92—99.

осталось неизвестным) составил краткое описание земного мира («*Brevis descriptio orbis*»). Индии он посвятил такие строки:

«За раем земным лежит совсем пустынная страна, где много всяких зверей и змей. А за ней начинается Индия, и в этой Индии в году бывают два лета и две зимы, но во всякое время там зелено. В Индии есть Золотые горы, недоступные грифонам и драконам, и есть еще в ней Каспийские горы, и между ними и морем Александр Великий покончил с Гогом и Магогом, людьми свирепейшими, сыроядцами и укротителями диких зверей.

В Индии сорок четыре области, и что ни область, то люди в ней разные: есть там горцы, ростом в два локтя, и они вечно воюют с журавлями. Рожают они на третьем году, а старятся на восьмом... А в другой области живут макробии, и ростом они в двенадцать локтей, и промышляют они охотой на грифонов, а у тех грифонов туловище, как у льва, крылья же и когти орлиные... И есть люди, у которых женщины рожают щенят... и народ, в котором все безголовы; глаза у этих созданий на уровне плеч, чуть, пожалуй, пониже, а вместо ноздрей и ушей в груди по две дыры... А за Гангом-рекой растут яблони, и одним лишь запахом их плодов живут там люди, и они всегда держат при себе эти плоды, ибо без них умирают. В Индии есть змеи, которые заглатывают целого оленя, а также звери, у которых лицо человеческое, тело львиное, хвост скорпионий, голос змеиный, а в беге быстры они, как птицы небесные. И есть там трехрогие быки с лошадиными ногами... А в Ганге водятся крабы с двумя клешнями, и каждый длиной в шесть локтей, и этими клешнями хватают они слонов и топят их»¹⁰⁹.

Так писали многие авторы XIII в., населяя Индию одноглазыми, собакоголовыми и хвостатыми людьми и всевозможными монстрами-гибридами.

Всего лишь несколько десятилетий отделяют «*Brevis descriptio orbis*» от описаний Монтекорвино, а создается впечатление, что эти произведения отстоят друг от друга по крайней мере на три-четыре столетия. У Монтекорвино древние мифологические традиции

---

¹⁰⁹ G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. I, pp. 402—403.

уступают место трезвым наблюдениям, вся его информация покоится на реальных фактах.

Монтекорвино не был, даже по мерке XIII в., выдающимся ученым. Его современники и собратья по ордену, англичанин Роджер Бекон и майоркинец Раймунд Люллий в сравнении с ним представляются гигантами мысли, великими эрудитами. Но Монтекорвино обладал метким глазом и даром объективного восприятия окружающей его действительности. Долгие странствия по Востоку приучили его здраво оценивать различные стороны жизни людей в чужеземных странах, и хотя он не избавился от предвзятых суждений, он обрел стойкое чувство меры.

У Монтекорвино, в отличие от куда более легковерных путешественников его времени, нет в описании Индии ни псоглавцев, ни огнедышащих драконов. Дань своему времени он отдает, лишь касаясь «языческих» обрядов индийцев. Тут он, истине вопреки, возводит на обитателей Индии напраслину и даже лишает их письменности и календаря.

Существенна и другая особенность его описаний Индии: опыт, данные непосредственных наблюдений в оценках Монтекорвино играют столь же большую роль, как и в приемах научных исследований Роджера Бекона, смелого борца с догматикой и схоластикой и первого натуралиста раннего Возрождения.

«Долготу дня и ночи, насколько это было возможно, пытался я измерить и определить...»

«Я пристально наблюдал за ней [звездой]...»

«Усердно и много допытывался и разузнавал я о людях чудесного вида...»

Разумеется, методы этих измерений и определений были крайне несовершенны, не всегда верно Монтекорвино толковал явления, суть которых он пытался познать, но сам образ мышления выдвигает его географические описания за рамки той литературы, примером которой служит опус о львиноголовых грифонах и трехрогих быках.

Сумма астрономических и географических данных монтекорвиновского описания Индии весьма внушительна. Конечно, с позиций не XX, а XIII в.

Астрономические наблюдения Монтекорвино вел либо близ Куилона, либо в Майлапуре, между 12—14°

с. ш. К несчастью, между наблюдателем и нами протиснулся Мененцилий из Сполето; он настолько перевраł данные Монтекорвино, что относиться к ним приходится с крайней осторожностью. Несомненно, однако, что Монтекорвино, наблюдая путь видимого движения Солнца между звездами, правильно объяснил сезонные изменения климата тропической Индии. Мененцилий, однако, внес свои «поправки» в расчеты долготы дня и ночи. В декабре, когда Солнце проходит созвездие Козерога, ночь длится ровно столько, сколько день в июне, в пору, когда Солнце находится в созвездии Рака. Между тем, по Мененцилию, в июньском дне оказывается 15, а в декабрьской ночи 13 часов — аномалия, объяснимая лишь небрежностью переписчика. Фактически долгота дня и ночи на 12—14° с. ш. в июне соответственно равна 13 и 11, а в декабре 11 и 13 часам.

До Монтекорвино европейские путешественники (за исключением Марко Поло, который, впрочем, в Индии и на островах Малайского архипелага побывал почти одновременно с Монтекорвино) не заходили в приэкваториальные широты северного полушария. Поэтому они не наблюдали воочию Полярную звезду над самым горизонтом, хотя это явление и было известно в Европе благодаря арабам. Монтекорвино не только отметил низкое положение Полярной звезды, но и обратил внимание на некую ей противостоящую звезду. На 12—14° с. ш. виден ряд созвездий и звезд близ южного полюса небесной сферы, и, вероятно, «антиполярная» звезда, которую заметил над самым горизонтом Монтекорвино, соответствует β и γ Гидры. Как раз в тот же год Марко Поло на Суматре открыл созвездие, которое двести с лишним лет спустя получило название Магеллановых облаков ¹¹⁰.

Таким образом, и Монтекорвино и Марко Поло заглянули в южную половину небесной сферы и своей визой скрепили астрономические сведения арабских ученых, к которым средневековые христианские ортодоксы относились с крайним недоверием.

---

¹¹⁰ О своих наблюдениях над звездным небом тропической Азии Марко Поло примерно в 1302 г. рассказал итальянскому ученому Пьетро д'Альбано, который это сообщение внес в свой трактат «*Conciliarium differentiarum philosophorum*» (L. Olschki, *Marco Polo*, pp. 45—46).

Географические наблюдения Монтекорвино не менее интересны. Его «Верхняя Индия» — страна, примерно соответствующая нынешнему Западнему Пакистану и Гуджарату, действительно маловодна и занята в значительной своей части пустынями. Везде вдоль берегов Аравийского моря тянется полоса плоских и скудных земель, а между восточными протоками дельты Инда и заливом Кач лежат соленые болота, которые заходят далеко в глубь страны. С реками дело обстоит именно так, как пишет Монтекорвино. Многоводный Инд вбирает в себя далеко на севере почти все реки, стекающие со склонов Гималаев и Сулеймановых гор. В устье своем он разветвляется на десятки протоков, но к западу и востоку от широкой его дельты лишь немногочисленные реки прорываются к морю.

Верна, хотя, быть может, и несколько уничижительна, характеристика индийских жилищ¹¹¹.

Чрезвычайно важны и интересны замечания Монтекорвино о морях, омывающих Индию с юга: «Знайте, что это срединное море Океана, и что с юга нет земли». Правда, «срединное море Океана», отвечающее Индийскому океану наших карт, Монтекорвино заполняет множеством островов, но подобную же ошибку совершил и Марко Поло: «на юге, сказать по истинной правде, островов много»¹¹².

Муссоны... Разумеется, не Монтекорвино принадлежит честь их открытия. О сезонных ветрах в индийских морях египетский грек Агафархид писал еще во II в. до н. э.; через столетие с лишним своего рода реестр

---

¹¹¹ Для сравнения приведем современное описание домов в одной из областей Западного Пакистана — Синде: «Сравнительно однообразны в Синде жилые постройки. Сельская хижина делается либо глинобитной, либо из плетня, обмазанного глиной. Плоские кровли кроют тростником или соломой и засыпают слоем земли... далеко не каждый дом имеет окна... («Народы Южной Азии», стр. 725). В крупных городах Гуджарата — Камбее и Броче — было в XIII—XIV вв. немало каменных зданий, но они тонули в море глинобитных хижин, крытых соломой и пальмовыми листьями. В торговых кварталах преобладали одноэтажные «слепые» дома из сырового кирпича. Примечательно, что Марко Поло, не скупящийся на описания внешнего вида азиатских городов, говоря о Северо-Западной Индии, не упоминает о местных постройках, хотя подробности, относящиеся к местной торговле, занимают в соответствующих главах его книги немало места.

¹¹² [Марко Поло], *Книга...*, стр. 202.

сезонных ветров тропической Азии был включен в греческий «Перипл Эритрейского моря». Египтяне, арабы Адена, Омана, Маската, иранцы, индийцы, суматранцы, яванцы с незапамятных пор водили свои корабли, применяясь к твердым законам муссонных ветров. Однако средневековая Европа забыла о муссонах, и Монтекорвино напомнил ей о них. «Ходят же здесь [корабли] только в определенное время года, ибо с конца апреля и до конца октября ветры дуют с запада, а поэтому нет возможности идти морем на запад; и все бывает наоборот с октября месяца и до марта». Это замечание Монтекорвино — ключ к тайнам муссонной навигации. Но Монтекорвино не ограничился общей «формулой» муссонов. «С середины мая до конца июля, — пишет он, — такие сильные дуют ветры, что корабли, если им не удастся войти в гавань, подвергаются большой опасности...». Очень существенное и вполне справедливое дополнение: действительно, у Малабарского побережья юго-западные муссоны начинаются в апреле, но до конца мая они бывают еще не слишком устойчивыми и нередко сменяются ветрами, дующими от других румбов. Сезон устойчивых и влажных муссонов в Малабаре начинается 3 июня, а наибольшей силы они достигают в июне и в июле, когда порой плавание на легких парусных судах становится делом небезопасным.

Бесспорно, то неполное извлечение из монтекорвиновского описания Индии, которое дошло до нас благодаря Мененцилию из Сполето, по обилию информации значительно уступает индийским главам «Книги» Марко Поло. Особенно скудна точными данными та часть письма Мененцилия, где речь идет о политической географии Индии конца XIII в. И все же даже это усеченное и искаженное описание Индии заслуживает очень высокой оценки. Монтекорвино приблизил Индию к Европе, он одновременно с Марко Поло положил начало новой географии, основанной не на мифах и домыслах, а на наблюдениях и фактических данных.

Миссия Монтекорвино в Китае. «И следуя дальше, прибыл я в Китай, царство императора татар, которого называют великим ханом. Вручил я императору письмо владыки папы и призвал его принять католическую веру господина нашего Иисуса Христа, но он, однако, погряз в идолопоклонстве; впрочем, немало милостей ока-

зал он христианам, и я пребываю у него уже двенадцатый год». Так писал Монтекорвино в 1305 г., не подозревая, что еще двадцать пять лет ему суждено будет провести в Ханбалыке и что здесь окончит он свои дни ¹¹³.

К сожалению, до нас дошли только два письма Монтекорвино из Китая — от 8 января 1305 г. и 13 февраля 1306 г., и о его деятельности в последующие годы мы можем судить лишь по косвенным данным.

Расчет на китайских несториан оказался несостоятельным. Именно они-то и оказывали Монтекорвино противодействие во всех его начинаниях. Не оправдались также надежды на обращение в «истинную веру» великого хана. Преемники Хубилая остались равнодушными к посулам Рима и хотя и не чинили препон миссионерской деятельности Монтекорвино, но и не оказывали посланцу папы того содействия, на которое рассчитывал Николай IV.

Однако и миссионеры обоих орденов и итальянские купцы по следам Монтекорвино дошли до владений великих ханов. В 1303 или 1304 г. в Ханбалык прибыл немецкий монах-францисканец Арнольд из Кельна ¹¹⁴.

Вероятно, чуть раньше в Ханбалык явился один ломбардский лекарь, который, надо полагать, занимался не только врачеванием. Из второго ханбалыкского письма можно заключить, что Монтекорвино наладил более или менее постоянные связи с Кафой через венецианских купцов. Эти торговые люди приходили из Золотой орды

---

¹¹³ Год смерти Монтекорвино точно не установлен. Г. Юл («Cathay...», vol. III) полагает, что он скончался в 1328 г., Голубович (G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. I, p. 303) считает, что умер он в 1330 г.; Моул (A. C. Moule, *Documents...*, p. 539), ссылаясь на письмо аланских вождей папе (1336 г.), где упоминается, что Монтекорвино умер 8 лет назад, полагает, что он скончался в 1328 или 1329 г. Папа Иоанн XXII, назначая 18 сентября 1333 г. нового архиепископа Ханбалыкского, отмечал, что Монтекорвино уже нет в живых. Из Ханбалыка в Авиньон вести шли медленно, и можно допустить, что Монтекорвино умер между 1328 и 1331 гг.

¹¹⁴ «Ныне же прибыл ко мне брат Арнольд, германец из кельнской провинции ордена францисканцев, и он здесь живет уже второй год», — писал Монтекорвино 8 января 1305 г. (Р. Хенниг, *Неведомые земли*, т. III, стр. 139). Смутные упоминания об этом миссионере имеются в хронике XIV в. швейцарца Иоанна Венгертурского, который отмечает, что один нижегерманский монах незадолго до 1321 г. написал из Китая письмо францисканскому викарию в Кафе («Cathay...», vol. III, p. 14).

в Китай, сопровождая послов хана Тохты (1291—1312). С подробными сведениями о деятельности Монтекорвино в Китае летом 1307 г. возвратился из Золотой орды в Западную Европу миссионер-францисканец Томмазо Толентино, личность сама по себе чрезвычайно интересная.

К этому времени папская резиденция, по воле могущественного короля Франции Филиппа IV, переместилась из Рима сперва в Пуатье, а затем в Авиньон. В Пуатье 23 июля 1307 г. ставленник Филиппа IV папа Климент V (1305—1314) подписал буллу «Rex Regum» о назначении Монтекорвино «архиепископом и патриархом всего Востока». «Весь Восток» заключал в себе державу великих ханов и Чагатайский улус. В Китай тут же послано было семь вновь назначенных епископов. Из них, видимо, только трое добрались до Ханбалыка. Все они последовательно занимали пост епископа Зайтона (Цюаньчжоу), важнейшего порта средневекового Китая.

Один из этих зайтонских епископов, Андрей из Перуджи, в 1326 г. адресовал в свой родной город очень интересное письмо, из которого явствует, что Монтекорвино не случайно считал Зайтон вторым по значению центром китайской сферы орденской экспансии. В Зайтоне сразу же после основания епископата укоренились генуэзцы, и из письма Андрея из Перуджи видно, что один генуэзский купец был казначеем и советником епископа ¹¹⁵.

Путь в Китай благодаря Монтекорвино и итальянским купцам, осевшим в ханбалыкском филиале папской курии и францисканского ордена ¹¹⁶, стал в первых десятилетиях XIV в. сквозной магистралью, связывающей европейский Запад с Дальним Востоком. Как правило, купцы и миссионеры предпочитали долгому пути через Индию и южноазиатские моря дорогу, ведущую в Ханбалык по сухопутью. Трасса Кафа — Тана — Ста-

---

¹¹⁵ Мариньолли вскоре застал в Зайтоне уже целую колонию генуэзцев, приютившуюся во францисканской миссии. О Зайтоне см. Я. Свет, *За кормой сто тысяч ли*, стр. 29—35.

¹¹⁶ Ханбалык был также центром викариата Татарии, или Каята, — провинции францисканского ордена, в которую входила вся Восточная Азия. Пост викария Татарии Монтекорвино занимал наряду с кафедрой архиепископа «всего Востока».

рый (или Новый) Сарай (или Астрахань) — Ургенч — Алмалык — Кашгар — Ханбалык была намного короче и пользоваться ею можно было в обоих направлениях в любое время года в отличие от муссонной морской дороги.

По расчету Бальдуччи Пеголотти, от Таны (Азова) до Ханбалыка пути было примерно 290 дней¹¹⁷. Сам Монтекорвино рекомендовал в первом своем ханбалыкском письме пользоваться этим путем: «А что касается дороги, то сообщаю, — писал он, — что путь через земли Котая [Тохты], императора северных татар, самый короткий и безопасный, так что с послами можно пройти его за пять-шесть месяцев, а то и того менее. Все другие пути гораздо длиннее и опаснее, и на них два морских перехода, из коих первый равен расстоянию от Акки до провансальской земли, второй же по длине таков, как путь от Акки до Англии, и может случиться, что и за два года его не преодолеешь»¹¹⁸.

Монтекорвино и Мененцилий из Сполето. История индийского письма Монтекорвино. Выше мы уже отмечали, что описание Индии, содержащееся в письме Монтекорвино, представляет собой лишь сильно искаженное извлечение из утраченного оригинального текста. О личности копииста Мененцилия (или Менентильо) из Сполето до нас решительно никаких сведений не дошло. Во всяком случае, в Индии он не был, и оригинал письма Монтекорвино, попавший, вероятно, через Тебриз в Италию, переписал где-то в самой Италии, причем, снимая с оригинала копию, Мененцилий даже не упомянул имени автора; можно, однако, не сомневаться, что письмо из Индии написано было Монтекорвино. Об этом свидетельствует ссылка на то, что автором письма был «один брат минорит», спутник Николо из Пистойи, умершего на пути «к господину всея Индии», причем «господин всея Индии» это отнюдь не индийский государь, а великий хан Хубилай.

Мененцилий свои выписки подготовил для тосканского богослова, историка и правоведа, уроженца Пизы, доминиканца Бартоломео да Санто Конкордио (умер в 1347 г.). Санто Конкордио не очень яркий, но типич-

¹¹⁷ Pegolotti, *La pratica della mercatura*.

¹¹⁸ Р. Хенниг, *Неведомые земли*, т. III, стр. 140. Монтекорвино имеет в виду морские переходы от Ормуза к гаваням Индии и в Китай.

ный деятель эпохи итальянского гуманизма, вращался в кругу лиц, тесно связанных с Данте, Боккаччо, Петраркой; через него вести об индийской земле несомненно могли дойти до сведения величайших корифеев раннего Возрождения.

Во всяком случае, индийское письмо Монтекорвино было известно итальянскому ученому-гуманисту Пьетро д'Альбано, который около 1303 г. в своем трактате «*Conciliator differentiarum philosophorum*» писал: «Совсем недавно брат Иоанн, кордельер [францисканец] написал письмо об обитателях стран этого климата, т. е. о Моабаре в Индии, о берегу, на котором покоится прах апостола Фомы». И далее Пьетро д'Альбано передал содержание письма Монтекорвино¹¹⁹.

Дата письма неясна: в копии Мененцилия проставлены цифры МСС...Х... Пропуски между этими знаками исследователи индийского письма Монтекорвино восстанавливают по своему усмотрению: Голубович считает, что истинная дата — МСССХ (1310 г.), Юл и Кордые склоняются к варианту МССХСII (1292 г.)¹²⁰, что, на наш взгляд, в большей степени соответствует истине, если учесть, что уже около 1303 г. письмо Монтекорвино было известно Пьетро д'Альбано.

На каком языке написано было письмо, установить трудно. Скорее всего, Монтекорвино пользовался латынью, языком, которым Мененцилий, вероятно, владел слабо. Копия Мененцилия написана на очень скверном итальянском языке: это, по всей вероятности, плохой перевод с латыни. В извлечении Мененцилия множество грамматических и синтаксических сбоев, пунктуация отсутствует, порой текст едва поддается прочтению.

О письме Монтекорвино известно было некоторым авторам XVI—XVIII вв., в частности, о нем в 1719 г. упоминали историографы доминиканского ордена Кетиф и Эшар¹²¹. Впервые письмо Монтекорвино было опубликовано немецким историком Ф. Кунстманном в 1855 г.¹²² В дальнейшем оно не раз воспроизводилось

¹¹⁹ «Cathay...», vol. III, p. 6.

¹²⁰ G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. I, p. 305; «Cathay...», vol. III, p. 5.

¹²¹ J. Quetif, J. Echard, *Scriptores...*, t. I, p. 541.

¹²² В журналах «*Münchener gelehrte Anzeiger*», 22—25.XII.1855, S. 164 ff. и «*Historisch-politische Blätter*», Bd 43, 1859.

различными авторами, в частности историками-францисканцами М. Чивецкой и Дж. Голубовичем и итальянским географом А. Губернатисом. В основу нашего перевода положен итальянский текст Мененцилия по изданию Дж. Голубовича. Отличный английский перевод этого письма дан Г. Юлом.

От Монтекорвино до Северака

Братья Вивальди и Гийом Адам. За три десятилетия, которые миновали после того как Монтекорвино отправился из Рieti в Ханбалык, пути к «тонким специям» были основательно проведены миссионерами и купцами, причем не только генуэзскими. Хотя у Курцолы, в водах Адриатики, генуэзцы в 1298 г. разгромили морские силы венецианцев, но подорвать мощь города-соперника им все же не удалось. Более того, в начале XIV в. венецианцы перешли в решительное наступление и вскоре стали основательно теснить генуэзцев на главных торговых дорогах Средиземноморья и Ближнего Востока.

С утратой последних клочков «Святой земли» Запад лишился каких бы то ни было надежд на одоление Египта. Египетские султаны по-прежнему контролировали морской путь из Индии к берегам Красного моря, по которому шла в Европу большая часть пряностей.

Естественно, что индо-иранский путь стал главной трассой европейского торгового проникновения в Индию. Преемники Аргуна, особенно его сыновья Газан (1295—1304) и Ульдзейту (Ольджейту) (1304—1316), поддерживали довольно тесные сношения с Западом, в первую очередь с Филиппом IV французским, и оказывали всемерное покровительство итальянским купцам¹²³.

Все больше и больше купцов, преимущественно генуэзского происхождения, проникает в Индию. В генуэз-

---

¹²³ Имеется несколько писем Газана и Ульдзейту, причем только в 1921 г. в ватиканском архиве в Риме было обнаружено очень интересное послание Газана папе Бонифацию VIII. В плане военного союза против Египта (а именно к этому стремились иль-ханы Ирана) все переговоры с Европой оказались бесплодными. Филиппа IV интересовали не Акка и Триполи, а богатые города Фландрии, французские феодальные владения, еще не ставшие достоянием короны, и сокровища ордена тамплиеров.

ских архивах сохранились нотариальные акты, в которых речь идет о сделках, связанных с индийской торговлей и коммендами, в которых участвуют видные представители купеческой олигархии. В бумагах нотариуса Джованни Галло имеется серия актов, в которых отражена деятельность в Индии генуэзских купцов Бенедетто Вивальди и Перчивале Станконе в 1315—1322 гг. Вивальди в 1315 г. отправился в Индию в качестве тректатора небольшой комменды. Оставшиеся в Генуе вкладчики внесли на это индийское предприятие 303 лиры. Истинные цели торговой экспедиции Вивальди были тщательно замаскированы в акте, как место назначения экспедиции упоминалась не Индия, а Византия. В Индии Вивальди вступил в деловые сношения с купцом Перчивале Станконе. Когда в 1322 г. Вивальди умер, Станконе стал его наследником по комменде. Любопытно, что в актах, связанных с делом Вивальди — Станконе, упоминаются имена генуэзских купцов из «династий» Гизольфо и Анфуссо, укоренившихся в Иране и в Крыму¹²⁴.

Мы встретим имена генуэзских купцов в индийских письмах Журдена де Северака и в материалах миссий, которые в 10—20-х годах XIV в. посылались из Ирана в Индию. Однако, хотя в начале XIV в. и установились прямые связи между Италией и Индией, индо-иранский путь, тяжелый и долгий, не удовлетворял европейских купцов¹²⁵. Поэтому и в Генуе и в орденских кругах возникла проблема поисков новых морских путей в Индию. Точнее говоря, не только новых, — старый путь, ведущий из Красного моря в гавани Малабара, вызывал весьма большой интерес, и с ним связывались большие надежды.

Начнем с нового пути. Как известно, путь этот был открыт португальцами в самом конце XV в., после того как Бартоломеу Диаш обогнул мыс Доброй Надежды. Но за 200 лет до Диаша и Васко да Гамы попытку прой-

---

¹²⁴ R. Lopez, *European Merchants in Medieval Indies*, pp. 171—172.

¹²⁵ «Известно, что братья францисканцы и доминиканцы и другие монахи, а также купцы, желая пройти в Индию, следуют через Персидское царство путем весьма долгим, утомительным и трудным». Так писал в XIV в. неизвестный францисканец из Германии в трактате «О деяниях трех святых волхвов» (G. Golubovich, *Biblioteca...*, т. II, p. 151).

ти в Индию вокруг Африки предприняли братья Уголино и Вадино Вивальди, генуэзцы.

Вряд ли об этом удивительном путешествии узнал бы мир, если бы генуэзский хронист Джакомо Дориа не вспомнил, что его родич Теодизио Дориа на правах комменды вложил свои кровные деньги в предприятие братьев Вивальди (родственников Бенедетто Вивальди). Поскольку эти деньги были вкладчиком потеряны, Джакомо Дориа счел необходимым упомянуть в своих «Генуэзских анналах» и о неудачной экспедиции братьев Вивальди, которая на двух кораблях, взяв с собой много разных товаров, отправилась в 1291 г. в Индию западным путем. Дориа отмечает при этом, что братьев сопровождали два монаха-францисканца — еще один факт, свидетельствующий о тесных связях между генуэзцами и орденовыми миссионерами. Братьев Вивальди, говорит далее хронист, последний раз видели у Газоры (Джубы — на атлантическом берегу Марокко), после чего экспедиция бесследно исчезла¹²⁶.

Отдавая должное отваге и предприимчивости братьев Вивальди, отметим, что в условиях XIII в. шансы на успех их экспедиции были совершенно ничтожными. И не только потому, что европейским мореплавателям в ту пору неизвестны были пути, ведущие в Индию в обход

---

¹²⁶ Р. Хенниг, *Неведомые земли*, стр. 123—136; R. Lopez, *Storia delle colonie genovesi nel Mediterraneo*, pp. 312—313; R. Lopez, *European Merchants in Medieval Indies*, p. 169. О маршруте экспедиции братьев Вивальди ведутся большие споры. Известный итальянский историк и географ А. Маньяги полагает, что они хотели пройти в Индию тем же путем, что и Колумб. Соотечественник А. Маньяги Р. Каддео считает, что Вивальди обогнули мыс Доброй Надежды и, выйдя в Индийский океан, достигли Индии. Каддео ссылается при этом на то обстоятельство, что с 1300 г. контуры Африки стали воспроизводить с большей точностью; в частности, это относится к карте, которая приложена была к проекту крестового похода Марино Сануто. Но против гипотезы Каддео свидетельствуют некоторые никак с ней не согласующиеся факты; совершенно справедливо Р. Хенниг пишет: «Судить о причине, исходя из следствия, в данном случае неубедительно. Если бы Сануто с 1306 г. действительно мог пользоваться результатами удачного плавания Вивальди вокруг Африки, то Сорлеоне Вивальди не поехал бы в 1315 г. в Восточную Африку, чтобы разузнать там о местонахождении своих бесследно исчезнувших отца и дяди». Далее, та же карта Марино Сануто обнаруживает полное незнание ее автора с берегами тропической Африки; на ней даже не показан Гвинейский залив, которого не могли бы не заметить братья Вивальди. Очевидно, экспедиция погибла где-то в марокканских или сенегальских водах.

Африканского материка. Ни в XIII, ни в XIV вв. мореплаватели средиземноморских стран не могли еще совершать многомесячные плавания в неведомых водах открытого океана. Только в XV в., в ходе португальского проникновения в воды Сенегала и Гвинеи, разработаны были новые приемы навигационной практики и новые типы кораблей, приспособленных для дальних океанских плаваний. Братья Вивальди при всем желании не могли опередить на два столетия свою эпоху. Современники этих генуэзских аргонавтов, стремясь добраться до морских путей Южной Азии, выдвигали куда более скромные проекты и планы; их помыслы были направлены на индо-египетскую морскую дорогу.

«Секретная» флотилия, которую генуэзцам так и не удалось вывести в открытое море из устья Тигра, была первым предприятием такого рода. В начале XIV в. появилось множество проектов перехвата египетских торговых кораблей в морях, омывающих берега Индии и Аравии. Все они были построены на песке; их авторы смело выводили в индийские моря бумажные флотилии, не имея представления о реальной географической и политической обстановке в этой части Азии. Однако нашлся один автор, который решил, прежде чем взять в руки перо, самолично обследовать индо-египетскую дорогу на всем ее протяжении. То был доминиканец Гийом Адам, по всей вероятности француз, личность весьма любопытная и загадочная. По существу о том периоде его жизни, когда он плывал в аравийских морях, почти ничего не известно. Можно лишь проследить его жизненный путь на более позднем этапе, с 1318 по 1341 г., когда он сперва в качестве епископа Смирны, затем на посту епископа и архиепископа Султании, а напоследок в должности архиепископа Антивари в Далмации был на виду у папской курии. Но как раз в это время Гийом Адам решительно ничем себя не рекомендовал, и его биограф Ш. Кёлер обнаружил, что все эти высокие посты были, как правило, чистейшими синекурами. Гийом Адам годами отсиживался в Авиньоне при папском дворе, и папа Бенедикт XII с большим скандалом выдворил его из своей резиденции в 1337 г.¹²⁷

---

¹²⁷ «Recueil...», t. II, pp. CLXXXIV—CLXXXIX; Ch. Köhler, *Documents relatifs à Guillaume Adam*, pp. 16—56.

О путешествии Гийома Адама в Иран, Аравию и Индию можно составить представление по его проекту крестового похода против Египта, который носит название «*De modo sarracenos extripandi*» («О способе искоренения сарацин»). Проект был закончен летом или осенью 1317 г. и вручен автором кардиналу Раймону Фаржу. Впервые он был опубликован в 1906 г. Ш. Кёлером.

По весьма скудным автобиографическим данным, содержащимся в этом чрезвычайно интересном произведении, можно заключить, что в 1307 г. Гийом Адам был в Византии. Затем он посетил остров Хиос, Сирию, Палестину, проник в Египет и то ли из Египта, то ли из Ирана прошел в 1313—1314 гг. в Индию. Здесь он вел миссионерскую деятельность в Камбее, Тхане и Куилоне.

В 1314—1315 гг. Адам двадцать месяцев плывал в Индийском океане. Он около девяти месяцев прожил на острове Сокотра, обследовал южные берега Аравии, посетил Аден, возможно, побывал на Мальдивских и Лакадивских островах и через Ормуз прошел затем в Иран, где странствовал несколько месяцев. Вероятно, в 1316 г. он возвратился в Европу и в Авиньоне написал свой проект крестового похода, который папа Иоанн XXII положил под сукно, не имея никакого желания ввязываться в крестоносные авантюры.

«*De modo sarracenos extripandi*» — утопия. Времена подобного рода предприятий безвозвратно миновали в XIV в. Впрочем, это отлично сознавал Гийом Адам. Он в крайне резких тонах рисует картину разброда в христианском мире, подчеркивая, что своекорыстные интересы европейских государей практически исключают любые объединенные акции против сарацин. Главная же препона, по его мнению, — это вероломное поведение генуэзцев. Именно генуэзцы, говорит он, которые ради барышей готовы на всяческие подлости, снабжают Египет железом, лесом, тканями и всем прочим, без чего султаны не смогли бы вести войну с христианами. Более того, сетует Адам, генуэзцы поставляют в Египет массу рабов, преимущественно мальчиков, и за счет этих невольников постоянно пополняется армия мамлюков. Генуэзцы, попирая «господа и благо всего христианского мира», создали Египту на пользу особое ведомство,

действия которого лишали смысла все военно-морские акции против сарацин ¹²⁸.

Правда, в поддержке Египта и в торговле с ним материалами, которые в XX в. назвали бы «стратегическими», Адам обвиняет и каталонцев, и пизанцев, и венецианцев, и прочих купцов, но он неоднократно подчеркивает, что хуже всех ведут себя генуэзцы.

Следовательно, заключает Адам, нет смысла бороться с Египтом на Средиземном море. Со стороны дельты Нила и Александрии атаковать египтян невысказимо, а их александрийскую торговлю нельзя парализовать, пока генуэзцы и другие дурные и алчные христиане снабжают султана всем необходимым и вывозят в Европу товары с египетских рынков.

Гийом Адам выдвигает иной план: надо захватить морской путь из Индии в Красное море, и прежде всего овладеть главным узловым пунктом — Аденом. Сделать это легче легкого: необходимо до конца довести дело, начатое при Аргуне в Багдаде, — построить на Тигре боевые корабли, и через Персидский залив вывести их в Индийское и Аравийское моря.

Основав затем базы в Ормузе, на Мальдивских островах и на западных берегах Индии, в Тхане, Камбее и Куилоне и склонив на свою сторону местных моряков, можно будет захватить Аден и, перерезав путь в Египет, направить в Персидский залив и далее в Басру и Багдад индийские пряности. Боевой же флот должен быть построен за счет сумм, которые папская курия получает от продажи индульгенций; кстати, замечает Адам, христианским наемникам можно платить не только звонкой монетой, но и отпущением грехов. В этом случае такие великолепные моряки, как генуэзцы, охотно примут участие в морских авантюрах; им-то отпущение

---

¹²⁸ В 1296 г. в Генуе была учреждена специальная служба — *Officium Robaige*, которая возмещала все убытки, причиненные купцам генуэзскими пиратами, причем в уставе ее подчеркивалось, что страховые премии выплачиваются и в том случае, если торговые суда, пострадавшие от пиратских нападений, принадлежали сарацинам и иудеям. Естественно, что египетские купцы могли лишь приветствовать подобную практику. Генуя, выплачивая премии, решительно никакого материального ущерба не несла: возмещение потерпевшим составляло лишь малую часть тех барышей, которые генуэзские пираты получали от своего прибыльного промысла (R. Lopez, *Storia delle colonie genovesi nel Mediterraneo*, p. 241).

грехов необходимо в первую очередь... Ш. Кёлер совершенно справедливо замечает, что Гийом Адам силен в экономике, но слаб в политике. Действительно, надо было обладать изрядной наивностью, чтобы уповать на доброхотные даяния папской курии и рассчитывать на богобоязненность генуэзских добытчиков.

Нас, однако, в проекте Гийома Адама интересуют не его стратегические соображения и политические просчеты. Проект содержит исключительно точные и верные сведения о всем азиатском юго-западе. Его проект свидетельствует, что за короткие три-четыре десятилетия, которые миновали с начала торгового и миссионерского проникновения в Иран и Индию, в центрах его накопился большой материал о странах Среднего Востока и о главных транзитных путях, связывающих Египет и Средиземноморье с Ормузом, Камбеем и Куилоном.

И даже не только о Среднем Востоке. Автор другого проекта крестового похода против Египта, представленного в 1332 г. французскому королю Филиппу VI, так называемый Псевдо-Бурхардт¹²⁹ настолько убедительно пишет о посещении им какой-то страны, расположенной на экваторе, что не остается ни малейшего сомнения в том, что он действительно побывал «в нулевой широте».

Сам автор заходил на юг до мест, где «наш северный полюс не виден, а южный стоит под углом около 24°», и, кроме того, он упоминает о «купцах и достойных доверия людях», которые добирались на юге до места, где Южный полюс виден на высоте 54°. Речь идет, следовательно, о местностях, несомненно лежащих в южном полушарии, хотя астрономические указания автора весьма условны и ссылки на местность, где Южный полюс стоит на высоте 54°, просто невероятны. Поскольку даже самые южные острова Малайского архипелага, наиболее южной части Азии, расположены не южнее 10°

---

¹²⁹ Ш. Кёлер, издавший в том же сборнике, где помещен им трактат Гийома Адама, проект этого анонимного автора, выразил уверенность, что вопреки установившемуся мнению последний ничего не имеет общего с немецким пилигримом Бурхардтом, чье описание «Святой земли» было составлено около 1287 г.; по мнению Кёлера, анонимный проект 1332 г. написан Гийомом Адамом («Re-cueil...», CXLIII). Это предположение, если учесть прогенуэзские симпатии «Псевдо-Бурхардта» и некоторые другие особенности его трактата, представляется сомнительным.

ю. ш., можно допустить, что и автор и его информаторы побывали на восточных берегах Африки, причем «Псевдо-Бурхардт» достиг Могачишо или Занзибара, а «купцы и достойные доверия люди», возможно, видели небо Мадагаскара и Мозамбика. Если это были арабские и иранские путешественники, то подобное их сообщение никакого удивления не вызывает, поскольку с VIII или IX в. арабы и иранцы поддерживали постоянные контакты с обширными областями восточного побережья Африки.

Таким образом, примерно к 1320 г. в сферу реальных интересов европейского Запада вошли обширные территории на Ближнем и Среднем Востоке и часть Индийского океана, отделяющая полуостров Индостан от Африки.

Орденские миссии конца XIII и начала XIV в. на Востоке. Как и в прежние годы, орденские миссии шли в ногу с «миссиями» торговыми. Однако на грани XIII и XIV вв. в главном штабе миссионерской деятельности — францисканском ордене — брожение и смута зашли столь далеко, что едва не привели эту монашескую конгрегацию к распаду. Мы уже отмечали, что в лоне ордена вскоре после смерти Франциска Ассизского зародилось течение спиритуалов, направленное против орденской верхушки и ее политики полного подчинения «меньших братьев» папской курии. Конвентуалы — сторонники традиционной политики ордена — вели со спиритуалами жестокую борьбу. Ход ее описан в «Истории семи гонений» — трактате одного из наиболее крупных вождей спиритуалов, Анджемо Кларено. Кларено, чья деятельность вызывала наибольшую тревогу у конвентуалов, в силу обстоятельств оказался связанным с восточными миссиями, в результате чего во внутриорденскую смуту втянулись «меньшие братья» на францисканском Востоке.

Кларено в 70-х годах XIII в. выступил с требованием восстановить обычаи евангельского братства во францисканском ордене. Поскольку в Италии распространился слух, что лионский собор дозволил монахам нищенствующих орденов владеть имуществом, Кларено, отстаивая заветы абсолютной бедности, выступил против этого решения. Протест Кларено прозвучал как призыв к реформе ордена, он в самой своей основе подрывал

авторитет папы и церковных соборов. К Кларено примкнули многие францисканцы, которым не по душе были орденские порядки, насаждаемые по указаниям папской курии. На смутьянов обрушились суровые репрессии, и подавляющее большинство спиритуалов сочло за благо покаяться и признать свои ошибки. Однако Кларено и трое его самых ярких приверженцев — Траймундо, Томмазо Толентино и Пьетро ди Мачерата — не отступились от своих требований. В результате в 1276 или 1277 г. они были осуждены на пожизненное заключение в глухих обителях Маркии, затерянных в Апеннинских горах. Там пробыли они более двенадцати лет, и только в 1289 г. генерал францисканского ордена Раймундо Гауфреди освободил их и тут же выслал из Италии в Киликийскую Армению. Папа Николай IV был крайне недоволен полуамнистией Гауфреди, но примирился с решением генерала ордена; положение на Востоке в связи с египетским походом на Триполи и Акку было крайне напряженным, и в опытных миссионерах папская курия испытывала большую нужду.

Царь Хетум II принял этих стойких, мужественных и убежденных в правоте своего дела людей чрезвычайно радушно¹³⁰. Но в конце 1290 г. или в начале 1291 г. Паоло делле Марке, настоятель монастыря в Акке, вместе с приором провинции Святой земли францисканского ордена написал Хетуму II и в Рим доносы на миссионеров-спиритуалов¹³¹.

Несмотря на то что Кларено и Толентино приняли Хетума II во францисканский орден, всю группу миссионеров после долгого и пристрастного расследования отозвали в Италию. В июле 1294 г. папский престол занял Целестин V, который полностью разделял воззрения спиритуалов и оказал им всемерную поддержку. Но спустя несколько месяцев церковная верхушка свергла Целестина V, и новый папа, Бонифаций VIII (1294—

---

¹³⁰ «Как ангелов небесных принял нас царь Армянский», — писал Кларено (G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. I, p. 331). В Армению были посланы Кларено, Толентино, Мачерата и спиритуал Пьетро ди Марколуоне; Траймундо, по всей вероятности, умер до освобождения из маркийского узилища.

¹³¹ При взятии Акки доносчик, оставив в беде монастырскую братию, позорно сбежал, но никакого наказания не понес и в воздаяние своих «заслуг» получил теплое местечко на Кипре (G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. I, p. 326).

1303), обрушился на спиритуалов. Хотя Кларено и его единомышленники, покинув Италию, успешно вели миссионерскую деятельность в Греции, их снова подвергли унижительной следственной процедуре. Любопытно, что инквизиторы обвиняли спиритуалов из группы Кларено в связях с вождем народного восстания в Ломбардии — Дольчино. Толентино в 1302 г. с двенадцатью соратниками уехал на Восток, где находился под строгим надзором папских и орденских агентов. Кларено вел в Европе безуспешную борьбу с конвентуалами. Генералитет ордена и папская курия делали все возможное, чтобы парализовать влияние спиритуалов и очистить от них восточные миссии. Кадры миссионеров подбирались по принципу их благонадежности, и в итоге францисканский орден утратил на Востоке былое влияние. В Падуе, на орденском капитуле, созванном в 1310 г., об этом говорилось во всеуслышание, хотя вина за упадок миссий возлагалась на спиритуалов, которых продолжали травить и преследовать.

Создавшейся ситуацией не преминули воспользоваться доминиканцы. Их покровителем стал папа Иоанн XXII (1316—1334). Его родной город Кагор славился ростовщиками. Иоанн же XXII был крупнейшим ростовщиком своего времени. При нем авиньонская курия стала главным финансовым центром Европы. Никто с таким мастерством не вел денежные дела, как этот престарелый апостолический банкир. Он создал разветвленную административно-финансовую систему, которая осуществляла не только сбор многочисленных податей, но и предпринимала различные кредитные операции.

В восьми книгах папских доходов денежные поступления расписывались по всем правилам бухгалтерии по 25 статьям, тысячи агентов Камеры регулярно извещали Авиньон о ходе поступлений в папскую казну. Вакантные церковные должности продавались с аукциона, вводились новые и новые поборы. Апостолическая камера была тесно связана с крупнейшими торговыми домами Флоренции, Сиены, Милана, Генуи, Венеции, Монпелье, Барселоны, Марселя, Брюгге, Дуэ, Лондона, ганзейских городов. Адвокат курии Джованни Каттанео был одновременно авиньонским представителем ряда генуэзских компаний, с которыми связан был его патрицианский

род, и примеры подобного рода далеко не единичны ¹³². Естественно, что к спиритуалам с их проповедями отказа от собственности и с их резкой критикой, падкой на наживу авиньонской церкви, Иоанн XXII питал застарелую ненависть. Буллой «Cum inter ponnulos» от 12 ноября 1323 г. он, к сведению всего христианского мира, провозгласил, что только отъявленные еретики могут утверждать, что у Христа и его апостолов не было собственности. После такого манифеста все иные толкования евангельских заветов открывали прямую дорогу на костер...

Доминиканцы, которые никогда не испытывали склонности к учениям спиритуалов ¹³³ и которые оказывали Иоанну XXII активную помощь в его финансовой деятельности, сторицей были вознаграждены папой. Доминиканцам он выкроил как раз ту часть азиатского Востока, через которую проходили главные сквозные пути к «тонким специям». 1 апреля 1318 г. Иоанн XXII подписал буллу «Redemptor poster», в которой речь шла о разделе сфер миссионерской активности францисканского и доминиканского орденов. Доминиканцы получали вновь учреждаемое архиепископство Султании; территория этого доминиканского диоцеза намечена была следующим образом: «От Монте Аррарио [Арарата] и далее к востоку, включая всю империю... великого государства персидской Татарии... а также царство Дохи и Хайдо [Дувы и Хайду — ханов Чагатайского улуса] и все им подвластные земли. Равно Индия и Эфиопия причисляются к провинции названного архиепископства, а сидеть самому архиепископу впредь в городе Султании, ибо место это достойное и великое» ¹³⁴.

Францисканцам папа оставлял «Катай» и «Газарию», причем под Газарией имелся в виду не только

---

¹³² Y. Renouard, *Les relations des papes d'Avignon et des compagnies commerciales et bancaires de 1316 à 1378*, pp. 7—25.

¹³³ Папская булла о христовой собственности была ими встречена с энтузиазмом. «Братья доминиканцы, — говорит швейцарский хронист Иоани Винтертурский, — в насмешку и поругание миноритам и на соблазн всей церкви изображали Христа на кресте так: одна рука пригвождена к кресту, другая берет и кладет деньги в кошелек, висящий на поясе. Все это делалось, дабы видевшие разумели, что у Христа была собственность» (С. Когляревский, *Францисканский орден и папская курия...*, стр. 351).

¹³⁴ G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. II, pp. 571—572.

Крым, но и все владения Золотой орды. Таким образом, в ведение доминиканцев передан был основанный францисканцами викарнат Восточной Татарии и к нему щедро прирезана была вся Индия с Эфиопией. Архиепископом Султании папа сделал доминиканца, Франко из Перуджи. Месяц спустя папа назначил в новое архиепископство Султании шесть суфраганных (подчиненных архиепископу) епископов, в том числе Гийома Адама; этим лицам Иоанн XXII и генерал доминиканского ордена, видимо, дали ценные сведения, когда намечались границы нового доминиканского диоцеза¹³⁵.

Непосредственно в Индию Иоанн XXII епископа пока не назначил. Но индийские земли и индийские пряности весьма интересовали папу, доминиканский орден и итальянские и французские торговые дома. Поэтому в Авиньоне решили направить в Индию доминиканца Жудена де Северака.

Журден де Северак и его «Описание чудес»

Из Авиньона в Индию. Начало миссии Северака. Очевидно, в знаменательном для доминиканцев 1318 г. вместе с группой вновь назначенных епископов получил назначение на Восток миссионер Журден де Северак.

О деятельности Северака до 1320—1321 гг., когда он объявился в Индии, почти ничего не известно. Строго говоря, он вовсе не Северак. В официальных документах эпохи Иоанна XXII говорится об Иордане, или Журдене Каталани, уроженце Северака. Следовательно, есть все основания полагать, что он был выходцем из Каталонии. В Лангедоке, Гаскони, Оверни, Пуату в XIII—XIV вв. проживало очень много каталонцев. Что же касается Северака, то в Юго-Западной Франции имеется пять селений с таким названием. Французский востоковед А. Кордье, издавший в 1925 г. «Описание чудес», отдает предпочтение Севераку, расположенному близ селения Мийо в Руэрге, резиденции могущественных баронов Севераков. В конце XIX в. здесь проживало несколько семейств, члены которых носили фамилию Ка-

---

¹³⁵ Ch. Köhler, *Documents relatifs à Guillaume Adam*, pp. 21—26.

талани, причем их наследственным промыслом была торговля мулами¹³⁶.

От этого руэргского Северака рукой подать до Кагора, родины Иоанна XXII, — обстоятельство довольно существенное: папа всегда радел о своих земляках, и в его буллах 1329 г., касающихся Журдена, эти кагорские мотивы проявляются весьма заметно.

Есть основания полагать, что на Востоке Журден побывал еще до 1318 г. В 1312 г. генерал доминиканского ордена Беранже де Ландор утвердил устав особой конгрегации «братьев-странников». В эту конгрегацию привлекались молодые и здоровые монахи-доминиканцы, готовые к миссионерской деятельности среди язычников, сарацин и схизматиков¹³⁷. Очень возможно, что в качестве «брата-странника» Журден совершил в 1313—1317 гг. путешествие в Иран и там овладел персидским языком; а по-персидски он говорил свободно, чему свидетельством может служить его собственное признание в письме из Индии от 12 октября 1321 г. В таком случае следует считать, что в 1318 или 1319 г. Журден отправился из Авиньона на Восток вторично.

Маршрут этого путешествия легко прослеживается по его собственным путеводным указаниям. Журден морем прошел из одного из южнофранцузских портов в Грецию, затем переправился в Малую Азию и скорее всего из Смирны проследовал в Тебриз, по пути посетив города Великой Армении. Из Тебриза Журден отправился в Ормуз. В своих письмах из Индии 1321 и 1324 гг. Журден сообщает любопытные подробности о переходе из Ормуза в Индию. В Ормуз Журден прибыл в 1320 г. с миссионерами-францисканцами. Францисканцев было четверо: опальный спиритуал Томмазо Толентино, которому, по словам Журдена, перевалило за шестьдесят, Джакомо из Падуи, Пьетро из Сиены и Димитрий из «Тефилисия» (Тбилиси), «грузин, сведущий в языках» (по другой версии, Димитрий был мирянином армянского происхождения). Кроме того, Журдену сопутствовали двое «христиан-мирян», причем один из них служил ему толмачом, так как хорошо знал «индийский язык». Другой слутник был генуэзский ку-

¹³⁶ H. Cordier, *Les merveilles de l'Asie...*

¹³⁷ F. Balme, *Le vénérable père Jourdain Cathala de Sévérac*, pp. 1—46.

пец Ланфранкино Гатуччи, который сопровождал Журдена и в дальнейших его странствиях.

Журден и его спутники намерены были из Ормуза отправиться в Китай, по пути посетив Куилон. С этой целью они сели в Ормузе на корабль, идущий к берегам Малабара; однако буря отнесла их к северу и путешественники вынуждены были высадиться в Тхане, гавани, расположенной в низовьях реки Сальсет, к северу от современного Бомбея. Толентино и его спутники-францисканцы остались в Тхане, а Журден со своими компаньонами-мирянами на маленьком суденышке в начале 1321 г. направился в Броч, большой приморский город, лежащий севернее Тханы, в устье реки Нарбады; по дороге Журден остановился в городе Супаре, и здесь в апреле 1321 г. до него дошла весть о гибели в Тхане всех четырех миссионеров-францисканцев.

О трагических событиях в Тхане дает отчетливое представление «досье», составленное по показаниям Журдена и миссионеров, побывавших в Индии вскоре после 1321 г. Это «досье», приложенное к хронике XIV в. «*Chronica generalium ministrum ordinis fratrum minorum*», в 1928 г. было опубликовано А. Моулом, английским востоковедом и исследователем францисканских миссий XIII—XIV вв.¹³⁸.

Томмазо Толентино и трое его товарищей 9 апреля 1321 г. были публично сожжены на тханском майдане, причем по материалам «досье» можно установить, что фанатизм местных мусульман был основательно подогрет самими миссионерами. Толентино в ходе весьма небезопасной дискуссии с тханским кади (судьей) заявил, что «Магомет — это сын погибели и что он пребывает в аду, и что прокляты все, кто исповедует его ложную и нечестивую веру». Богословский спор с судьей завязался в ходе расследования деятельности четырех миссионеров, и, судя по показаниям Журдена, судья отпустил бы их с миром, если бы Толентино не высказался в столь резкой форме о пророке и его последователях.

Журден прибыл в Тхану, когда не улеглись еще страсти, вызванные расправой с Толентино и его спутниками, и сам едва избежал гибели. «С той поры, — писал Журден, — остался я один в этом городе и два

---

¹³⁸ A. C. Moule, *Brother Jordan de Severac...*

с половиной года странствовал в соседних землях, но так и не сподобился принять мученический венец... Меня томил в плену пираты, держали в темнице сарацины, меня поносили, проклинали, оскорбляли, и жил я все это время, как самый последний бродяга, и ходил в рубище, ибо не утратил я облачения моего святого ордена»¹³⁹.

Очевидно, до 1327 или 1328 г. Журден оставался в Индии. За это время он обошел все западное побережье Индостана, побывал в Малабаре, в частности в Куилоне, где пытался установить контакты с индийскими христианами-несторичанами, и, возможно, посетил Коромандельский берег. Особенно же тщательно он обследовал гуджаратские земли и район Куилона.

Около 1328 г. он отправился в Европу и через Иран и Малую Азию прошел в Италию и Францию. Вероятно, в середине 1329 г. Журден прибыл в Авиньон, где имел беседы с Иоанном XXII. Сведения, полученные из этих бесед, побудили папу основать 9 августа 1329 г. куилонскую епархию и спустя 12 дней назначить Журдена епископом Куилона¹⁴⁰. По прямому поручению Иоанна XXII Журден осенью и зимой 1329 г. написал отчет о своем путешествии в Индию, озаглавив его «*Mirabilia descripta*»¹⁴¹.

«*Mirabilia descripta*» («*Описание чудес*»). Журден де Северак был подготовлен к своей восточной миссии значительно слабее, чем Монтекорвино. Уже кругозор этого доминиканского странника, большую дань отдает он предрассудкам и мифам своего времени. И тем не менее не очень образованный и падкий на всевозможные диковинки Журден чутко отзывался на запросы нового читателя. Поэтому и чудеса, им описанные, не такие уж чудесные: это в большинстве не вымыслы, а конкретные явления диковинной для европейского наблюдателя восточной действительности — бурные течения в Мессин-

¹³⁹ Ibid., p. 362. Письмо Журдена де Северака от 20 января 1324 г.

¹⁴⁰ Буллы Иоанна XXII от 9 и 21 августа 1329 г. (H. Cordier, *Les Merveilles de l'Asie*, p. 39).

¹⁴¹ «*Mirabilia descripta*» несомненно была написана до апреля — мая 1330 г., когда Журден вторично отправился в Индию, и не ранее осени 1329 г.: в тексте упоминается о захвате византийским императором Андроником III фокейской вотчины Мартина Заккарии, а событие это произошло в первой половине 1329 г.

ском проливе, землетрясения в Фивах, кокосовые пальмы, деревья-рощи — баньяны, ручные слоны, крокодилы, непонятные обычаи обитателей Малой и Великой Индии. Разумеется, для Журдена, да и не только для него, кокосовые пальмы, баньяны и крокодилы были истинным чудом, но точные и подробные, а главное правдивые, сведения об этих реальных чудесах давали средневековым европейцам отчетливые представления о Востоке.

Любопытно, что вся небывальщина — драконы, рогатые змеи, амазонки, птица рок и грифы, стерегущие золотые горы, как правило, вынесены Журденом за пределы тех стран, которые он посетил. Всеми этими чудищами Журден очень охотно населяет «Третью Индию», или Восточную Африку, где он не был. Осязаемая, воистину существующая фауна и флора Востока вытесняет, таким образом, диковинных зверей и диковинные деревья и цветы, порожденные буйной фантазией авторов раннего средневековья. То же относится и к этнографическим данным: конечно, они не слишком точны и очень уж слитны, поскольку Журден не улавливает многих различий, характерных для Индии с ее невероятной этнической пестротой. Но и здесь отдается предпочтение всему зримому и доступному наблюдению, и не вина автора, если порой он меряет европейскими мерками чуждые и непонятные обычаи, не столько объясняя, сколько осуждая их.

Наряду с Марко Поло и Монтекорвино Журден обогатил средневековое европейское народоведение ценными сообщениями частного характера. Его рассказ о «язычниках, поклоняющихся огню», дает верное и точное представление о парсах, приверженцах древнеиранского зороастрийского культа. Действительно, этот культ основывается на двух антагонистических началах — света и тьмы, добра и зла; парсы, не желая осквернять священные элементы — землю, воздух, воду и огонь, не предадут трупы земле и не сжигают их, а бросают в «башни молчания» на съедение птицам. Журден не знал, конечно, что парсы переселились в Индию из Ирана в VII в., вскоре после вторжения в иранские земли арабов, но его сообщение о парсах-огнепоклонниках и их погребальных обычаях — первое в европейской историко-географической литературе. Как и Марко Поло,

Журден описал обычай самосожжения вдов, принятый у индуистов.

Верно отразил Журден те перемены, которые внесли в жизнь народов Индии мусульманские завоевания конца XIII — начала XIV в. Арабские вторжения в Индию начались в конце VII в., а в 712 г. арабы захватили Синд. В конце X — начале XI в. северо-западные области Индии были завоеваны газневидским султанатом, и в результате этого завоевания произошла частичная исламизация Пенджаба. После распада газневидской державы в Северной Индии возникло царство Гуридов. Мухаммед Гури в конце XII в. завоевал Канаудж, Гвалиур, Банделькханд, Бихар и Бенгалию. Таким образом, во власти мусульман оказалась значительная часть Индии. Незадолго до прибытия в Индию Журдена правитель крупнейшей мусульманской державы, Делийского султаната, Ала ад-дин (1296—1316) завоевал Гуджарат и в 1303, 1306 и 1309 гг. предпринял успешные походы в Декан. Его военачальник Малик Кафур в 1310 г. вторгся в Малабар и доставил затем в Дели огромную добычу. По словам хрониста Фиришты, Малик Кафур вывез в Дели 312 слонов, 20 тысяч лошадей и 96 тысяч манов (около тысячи тонн!) золота. Делийский султан Кутб ад-дин Мубарак Хилджи (1316—1320) завоевал в 1318 г. Тхану; в определенной степени с этим захватом связана была апрельская трагедия 1321 г., поскольку мусульманские наместники относились к христианским проповедникам с гораздо большей подозрительностью, чем правители-индуисты, хотя они в общем были довольно терпимы ко всем «неверным».

Султан Мухаммед Туглак (1325—1351) неоднократно разорял Декан и заходил далеко вглубь южноиндийской территории. Под ударами делийских султанов исчезли многие древние царства. Однако уже в 30-х годах XIV в. в самом сердце Декана возникло новое индуистское государство — Виджаянагар, которое во второй половине XIV и в XV в. овладело всей территорией Индии к югу от реки Кистны. Одновременно в Северном Декане образовалось царство Бахманиев, мусульманские правители которого в XV в. распространили свою власть почти на все области, лежащие между Виндхийскими горами и Кистной. Приморские города Малабара, несмотря на многочисленные вторжения мусульманских

завоевателей, сохранили свое былое значение и по-прежнему оставались крупными торговыми центрами, через которые шел поток товаров из внутренних областей Декана на внешние рынки.

Журдену принадлежит также справедливое наблюдение об исключительной веротерпимости индийцев, качестве, которого лишены были его единоверцы. И, пожалуй, наиболее существенная для современников особенность описания Индии Журденом—обилие информации, связанной с «тонкими специями». «Описание чудес» — прекрасное практическое пособие для торговцев этими товарами и своеобразный курс географии пряностей. При этом Журден не только сообщает, где имеются те или иные «тонкие специи», но и приводит ряд сведений о главных культурах; описания же баньянов, кокосовых и веерных пальм смело можно без существенных добавлений включить в современные справочные издания.

Второе путешествие Журдена в Индию. В 1328 и 1329 гг. Иоанн XII направил на Восток несколько миссий; в Авиньоне вновь обратили серьезное внимание на восточные дела, но к этому времени события в монгольской империи приняли неблагоприятный для католического проникновения оборот, и папская курия озабочена была поисками новых путей в Индию и Китай: Иран, эта постоянная опорная база орденских миссий, в 20-х годах XIV в. был для них наполовину потерян.

Во-первых, Авиньону пришлось окончательно распрощаться с надеждами на обращение в христианство иль-ханов Ирана. В 1310 г. иль-хан Ульдзейту перешел в ислам, мера, которая направлена была к укреплению связей с мусульманской знатью; мусульманином был и его сын и преемник Абу-Саид (1316—1335). Хотя Ульдзейту и Абу-Саид, соблюдая старые традиции, оказывали христианам покровительство, но в столице иль-ханов Султаннии и в Тебризе позиции миссионеров оказались подорванными. Венецианцы не без труда добились, заключая в декабре 1320 г. договор с Абу-Саидом, особой оговорки о неприкосновенности своих молитвенных домов. В 20—40-х годах миссионеры не раз становились жертвами антихристианских выступлений, разжигаемых фанатичным шиитским духовенством.

Во-вторых, в эти же годы держава иль-ханов всту-

пила в полосу упадка и разложения. Обострилась борьба между различными группировками кочевой и оседлой знати, и тревожные годы правления Абу-Саида были прелюдией окончательного политического распада Ирана и долгого периода феодальной раздробленности.

В 20-х годах XIV в. венецианский консул в Тебризе Марко да Молин доносил дожу Венеции, что в торговых делах наблюдается застой; он жаловался на небезопасность иранских дорог и отмечал, что столь же небезопасно стало в Тебризе, где иноземные купцы подвергались частым нападениям¹⁴².

В этой связи папская курия в конце 20-х годов принялась за разработку планов миссионерской деятельности в Золотой орде и в Чагатайском улусе. Через южно-русские степи и Среднюю Азию шел главный путь в Китай, который в случае необходимости мог стать «запасным путем» в Индию.

«Нескольких епископов из числа братьев доминиканского и францисканского орденов послал папа в том же [1328] году с многими миссионерами в новые епархии, учрежденные в Персидской империи, во Внутренней Индии, в империи Эльджигадай, в хорасанских землях, в Туркестане и в Малой Индии, вручив им рекомендательные письма к тамошним государям»¹⁴³. В этом сообщении обращает на себя внимание новый объект папских устремлений — «империя Эльджигадай». Речь идет о владениях хана Ильчигадай, сына выдающегося властителя Чагатайского улуса Тувы. Ильчигадай и его брат Дурра-Тимур правили в Семиречье и Мавераннахре в 1326—1329 гг.¹⁴⁴.

Отправке на Восток этих миссий предшествовал сованный в мае 1328 г. в Тулузе капитул приоров и министров доминиканского ордена, на котором зачитано было послание Иоанна XXII о миссионерской деятельности. В послании шла речь о пятидесяти миссионерах-доминиканцах, добровольно пожелавших направиться в «языческие страны»¹⁴⁵. К Ильчигадаю послан был доминиканец Томмазо Мангазола, назначенный Иоанном XXII епископом Семисканта (Самарканда). Манга-

¹⁴² G. Soranzo, *Il papato...*, p. 557.

¹⁴³ L. Wadding, *Annales Minorum...*, VII, p. 88.

¹⁴⁴ В. В. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 76.

¹⁴⁵ G. Soranzo, *Il papato...*, p. 522.

зола незадолго до этого побывал в Средней Азии и, видимо, сообщил папе, что Ильчигадай готов оказать покровительство христианским миссиям. Одновременно несколько десятков миссионеров папа направил в Трапезундскую империю, русские земли, Грузию, Иран, Великую Армению и другие страны Востока¹⁴⁶.

Примерно в то же время Журден был назначен епископом Куилона. Папа передал через него письма делопольному султану, властителю Куилона, несторианам Куилона и Молефаты (Майлапура) и христианам, что в горах Альборса; где именно находились эти горные христиане, установить трудно; сомнительно, чтобы это были обитатели района горы Эльбурс или даже предгорий Эльбруса, как то полагает Дж. Соранцо¹⁴⁷. Папа ведь посылал Журдена в Индию, а не в Иран и тем более не на Кавказ. В новоучрежденную епархию Куилона входили Малая и Великая Индии, и подчинялась она архиепископу Султании.

Таким образом, папская курия и доминиканский орден в 1328—1329 гг. твердо решили создать новые опорные пункты для миссионерской деятельности в Средней Азии и Индии.

Журден отправился в путь не ранее конца апреля или начала мая 1330 г., причем вместе с ним отбыл из Авиньона Томмазо Мангазола. Им обоим папа поручил доставить новому архиепископу Султании, Джованни Кора, знаки его достоинства.

Журден дошел до Куилона и пробыл в Индии несколько лет. Однако о дальнейшей его судьбе почти ничего не известно. Ф. Бальм, доминиканский автор XIX в., приводит любопытное сообщение французского миссионера XVII в. Жана Решака о гибели Журдена в 1336 г. Решак, в свою очередь, основывается на данных португальских доминиканцев Соузы и Сантуша. По словам Решака, Журден был убит в Тхане несторианами и мусульманами: «Они схватили отца Журдена, накинули ему на шею петлю и водили в таком виде по городу. Многие христиане хотели его защитить, но не сделали этого, опасаясь, как бы не началась большая резня... И Журден был обречен, таким образом, на гибель, и

---

¹⁴⁶ L. Wadding, *Annales Minorum...*, t. VII, p. 100.

¹⁴⁷ G. Soranzo, *Il papato...*, p. 559.

был он незащищен, как ягненок среди волков. И его вывели за город и там побили камнями»¹⁴⁸. Насколько верна эта житейная версия, сказать трудно. Скорее всего, Журден умер в Индии естественной смертью, так как если бы его постигла мученическая кончина, об этом не мог бы умолчать Джованни Мариньолли, побывавший в Индии несколько лет спустя.

У Журдена, как и у Монтекорвино, были спутники-коммерсанты. С ним путешествовал генуэзец Ланфранкино Гатуччи, его письма возил в Султанию и Тебриз генуэзский купец Джакобино, а в «досье» о гибели четырех миссионеров в Тхане имеются показания мирянина Уголино из Пизы. Сам Журден в письме от 12 октября 1321 г. пишет о «латинских купцах», открывших путь в Эфиопию, рекомендуя использовать их маршрутные указания¹⁴⁹.

Мы уже упоминали в связи с путешествием братьев Вивальди о торговых связях Генуи с Индией: как раз к 20-м годам XIV в. относятся довольно многочисленные нотариальные акты, в которых речь идет о сделках генуэзских купцов, скупавших в Индии «тонкие специи». Безусловно, все эти связи поддерживались через орденские миссии.

Весьма вероятно, что резкое обострение отношений между католическими миссионерами и индийскими несторианами вызвано было чрезмерной активностью «латинских купцов», в лице которых несторианские торговые люди обрели нежелательных конкурентов. Смутные указания такого рода имеются в «досье» о тханском деле.

«*Описание чудес*». *История*. «Описание чудес» Журдена де Северака было отлично известно в ближайшем окружении Иоанна XXII, но затем стало библиографической редкостью. По каким-то впоследствии утраченным копиям с этим произведением удавалось все же ознакомиться некоторым авторам XVI—XVIII вв., но ни один из них не воспроизвел в сколько-нибудь значительных извлечениях журденовское «Описание чудес».

---

¹⁴⁸ F. Balme, *Le vénérable père Jourdain Cathala de Sévérac*, p. 43.

¹⁴⁹ G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. II, pp. 69, 113; R. Lopez, *European Merchants in Medieval Indies*, p. 169.

В 1805 г. молодой французский ученый Ш. А. Валкенер, барон Кокбер де Момбер, получил в дар от своего друга отличную копию рукописи «Описание чудес». Тогда, после итальянских походов Наполеона, в Париже появилось множество уникальных древностей, изъятых из монастырских и частных собраний. Очевидно, подобным трофеем была и рукопись «Описание чудес».

В 1839 г. барон Кокбер де Момбер, год спустя ставший непрременным секретарем Академии надписей, опубликовал трактат Журдена. Перебеляя и печатая текст оригинала, барон допустил множество огрехов. После его смерти рукопись в 1853 г. приобрел Британский музей. Об этом, однако, ничего не знал английский исследователь Генри Юл, который выпустил в 1863 г. английский перевод «Описания чудес», пользуясь печатным текстом 1839 г.

Новое критическое издание «Описания чудес» — факсимиле рукописи, латинский текст, французский его перевод под редакцией друга и преемника Юла, Анри Кордье, — появилось в свет в 1925 г. По мнению Кордье, рукопись Британского музея представляет собой копию, выполненную в XIV в. итальянцем, жившим в Авиньоне, человеком сведущим и добросовестным; копиист сохранил наиболее существенные особенности оригинала. Язык в копии — ясная, хотя и грубоватая средневековая латынь. Возможно, сам Журден написал свою книгу на французском языке, и переписчик его труда был, таким образом, одновременно и переводчиком, причем справился со своей задачей он вполне удовлетворительно. Незначительные ошибки, которые вкрались в печатный латинский текст издания А. Кордье, исправлены были в 1928 г. А. Моулом.

В основу настоящего перевода положен латинский текст издания 1925 г. с учетом исправлений А. Моула.

Путешествие на Дальний Восток Одорико Порденоне

Миссия Одорико Порденоне. Францисканец Одорико Порденоне совершил путешествие в страны Востока в 1316—1330 гг., т. е. в ту пору, когда францисканский орден утратил ведущую роль в миссионерской деятель-

ности на Востоке. Быть может, именно поэтому орденская верхушка постаралась придать его миссии значение, не соразмерное с ее довольно скромными итогами. Однако по своей протяженности и по географическому диапазону путешествие Порденоне уступает (если иметь в виду европейских путешественников XIII—XIV вв.) лишь странствованиям Марко Поло.

Одорико родился в 1286 г. в селении Порденоне, близ города Фриули, одного из важнейших торговых центров во владениях Венецианской республики, но итальянцем он был лишь наполовину. Сам он называл себя богемцем; вероятно, отцом его был один из чешских колонистов¹⁵⁰.

Возможно, еще в ранней молодости Одорико вступил во францисканский орден. О его первых шагах на орденском поприще ничего не известно. Точно так же неясно, при каких обстоятельствах началась его миссионерская деятельность. Нет возможности даже сколько-нибудь точно установить, когда именно и с какой целью он отправился на Восток. Во всяком случае, в свое многолетнее путешествие он вышел не ранее 1316 г. Вряд ли Одорико сразу же решил направиться в Китай, куда он попал после долгих скитаний по странам Ближнего Востока и индийским землям. Вероятно, около 1318 г. он из Константинополя прибыл в Трабзон и из Трабзона не спеша двинулся через Великую Армению и Иран к «Индийскому морю»¹⁵¹. Его иранский маршрут весьма извилист и трудно восстановаим. Сперва он побывал в Тебризе и Султании, затем по главной транзитной дороге направился в сторону Индии и через Кашан дошел до Йезда. Но от Йезда Одорико повернул на запад и через Луристан и Курдистан добрался до Багдада. От устья

---

¹⁵⁰ Дискуссия о происхождении Одорико Порденоне развернулась в конце XIX в. Поскольку сам Одорико заявлял, что он считает себя богемцем, некоторые итальянские историки пытались доказать, что это упоминание о чешском происхождении внесли в копии рукописей Одорико злонамеренные переписчики с берегов Влтавы (V. Savi, *Della patria...*, pp. 301—325). Однако А. Кордые («Cathay...», vol. II, p. 6) справедливо замечает, что в XIV в. не было ни итальянского, ни чешского шовинизма и что ни один копиист того времени не стал бы вносить в текст какого бы то ни было документа такого рода поправки.

¹⁵¹ В одной из версий описания стран Азии Одорико указано, что свое путешествие он начал в 1318 г.

Тигра он морем прошел в Ормуз, а из Ормуза совершил переход в Тхану, куда прибыл весной 1321 г. Скорее всего, он появился в Индии в начале 1322 г. Следовательно, на северо-западном берегу Индостана Одорико был одновременно с Журденом де Севераком, но в дальнейшем пути их разошлись. Одорико, выкопав из земли кости погибших в Тхане собратьев по ордену, отправился в Малабар. Он прошел вдоль всего малабарского побережья, побывав в торговых городах Пандарани, Крангануре, Куламе, Куилоне, затем перебрался на Цейлон и из Цейлона направился в Майлапур, к гробнице апостола Фомы.

Вероятно, в 1323 г. Одорико из Майлапура за пятьдесят дней совершил переход к северо-восточной оконечности Суматры, области Аче. Эту часть огромного острова арабские путешественники называли аль-Рамни; Марко Поло и Одорико дали ей названия Ламбри и Ламори. Далее Одорико проследовал вдоль всего северного берега Суматры, посетив ряд мест на побережье Малаккского пролива. Возможно, он побывал на Андаманских и Никобарских островах, хотя, как мы в этом убедимся далее, он описал их на основании расспросов, щедро приукрасив их собственными домыслами. От Суматры Одорико прошел к Яве, а затем направился в Тьямпу и, быть может, по пути зашел на западный берег Калимантана, которому по ряду признаков соответствует страна Пантен его записок. Побывав в Тьямпе, Одорико оттуда морем прошел в Гуанчжоу. Вероятно, в Гуанчжоу Одорико прибыл в 1324 г. и оставался в Китае до 1328 г. За это время он посетил города Фучжоу, Ханчжоу, Цюаньчжоу, Нанкин, Янчжоу и около трех лет провел в Ханбалыке, где ему оказал покровительство престарелый патриарх францисканского Востока Джованни Монтекорвино. Из Ханбалыка Одорико в 1328 г. отправился в Европу, причем по непонятной причине он избрал маршрут, который привел его в Тибет через область Тяньде, откуда был родом Барсаума. Каким путем Одорико, покинув Лхасу, вышел из Тибета, сказать трудно. Можно предположить, что он в районе Черчена или Хотана выбрался на Великий шелковый путь и далее через тяньшаньские перевалы направился в Среднюю Азию и Хорасан. В начале 1330 г. он возвратился в Италию.

На различных этапах этого четырнадцатилетнего путешествия у Одорико были и различные спутники. Значительную часть пути он прошел с ирландским монахом Джоном и с ним вернулся на родину.

Долгое и утомительное путешествие подорвало здоровье Одорико. В Падуе, в монастыре св. Антония, тяжело больной Одорико в мае 1330 г. продиктовал повествование о своих странствованиях монаху Гильельмо из Саланьи. Осенью того же года Одорико все же решил отправиться в Авиньон, чтобы испросить у папы разрешение на повторное путешествие в восточные страны. Одорико желал отправиться на Восток, взяв с собой не менее пятидесяти миссионеров-францисканцев. С невероятным трудом он доехал до Пизы, но там ему стало так плохо, что он решил возвратиться в Падую. Впрочем, быть может, не только болезнь заставила его отказаться от путешествия в Авиньон. Как раз в это время при поддержке императора Людвига Баварского против Иоанна XXII выступил антипапа Пьетро Райнальди де Вико Корбаро, францисканец, первым советником которого был генерал францисканского ордена.

Естественно, что Иоанн XXII, который и прежде не слишком жаловал орден «меньших братьев», еще больше ополчился на него. В этих условиях не имело ни малейшего смысла добиваться в Авиньоне снаряжения францисканской миссии в восточные страны. Вскоре Одорико, предвидя свою близкую смерть, попросил, чтобы его перевезли на родину. В канун 1331 г. он покинул Падую и 14 января 1331 г. умер в городе Удине. Приор венецианской провинции францисканского ордена и местное духовенство решили нажить «моральный капитал» на покойном Одорико. Пущен был слух, что у праха Одорико исцеляются все недужные, и особая комиссия, в которой участвовал и нотариус, составила акт, удостоверяющий 27 случаев чудесного исцеления. Францисканцы объявили Одорико святым и возбудили перед Авиньоном ходатайство о его канонизации. Иоанн XXII эту просьбу отклонил: новые францисканские святые его совершенно не устраивали. Дело с канонизацией несколько затянулось: только в 1755 г. Рим официально признал Одорико «блаженным», или, по меткому выражению Г. Юла, «полусвятым».

Восточных земель мира описание. Свое повествование Одорико диктовал, обреченный на близкую смерть. Гильельмо из Саланьи записывал его тихую, прерывистую речь, не имея никакого представления о тех дальних землях, где побывал Одорико. Поэтому запись Гильельмо оказалась весьма сумбурным произведением. В ней нередко нарушена хронологическая последовательность событий, неизвестно искажены имена и названия различных восточных местностей, чуждые слуху падуанского монаха. До известной степени повторилась история другого «диктанта» — «Книги» Марко Поло. В сущности, генуэзский сосед Марко Поло по тюремной камере был так же мало подготовлен к миссии литературного душеприказчика, как и Гильельмо из Саланьи.

Да и сам Одорико обладал неизмеримо большим легковерием, чем все его предшественники. Не мудрено, что его описание восточных стран было весьма скептически встречено современниками и подверглось многочисленным, порой совершенно несправедливым нападкам критиков последующих эпох. Чешский монах-францисканец Генрих Глацкий, переписывая в 30-х годах XIV в. текст одориковского повествования, заметил: если бы не был я наслышан о высоких достоинствах и святости автора, то не поверил бы ему.

В XVIII в., когда ко всем деятелям «темного» средневековья относились с крайним пренебрежением, Одорико прослыл беспардонным лжецом. Высказывались даже сомнения в том, что он побывал на Востоке. Кордье приводит в этой связи мнение одного английского автора XVIII в., которое звучит как безапелляционный приговор страннику из Порденоне: «Его описание — самое поверхностное, и оно полно лживыми утверждениями... Совершенно ясно — тому свидетельство неверные географические названия и другие вещи, — что он никогда не был в этих странах [Китае и Татарии], а навязал публике скудные данные, заимствованные из разных источников или им самим измышленные»¹⁵².

И только во второй половине XIX в., когда европейские путешественники проникли во внутренние области Суматры и Калимантана и когда достоянием науки стали многочисленные и до той поры неведомые описания

---

¹⁵² «Cathay...», vol. II, p. 23.

стран Южной и Юго-Восточной Азии португальских авторов XVI в., честь Одорико была полностью восстановлена. Конечно, домыслов, и при этом нелепых, у Одорико много, куда больше, чем у Монтекорвино и Журдена. Но как раз те его сообщения, которые в XIV—XVIII вв. вызывали наибольшее сомнение, получили полное подтверждение в XIX и XX вв. и ныне расцениваются как свидетельства его незаурядной наблюдательности.

Высмеивались, например, его описания страны Ламбри, где «вся земля в общем владении и нет никого, кто по праву мог бы сказать: эта или та земля моя». Ложью считалось утверждение Одорико, что в Ламбри «все женщины общие». А между тем Одорико совершенно верно описал особенности родового строя батаков и минагкабау — племен Западной и Центральной Суматры. Соответствуют истине сведения Одорико о людях с клейменными лицами в Самудре (Сумольтре), области, расположенной в северо-западной части Суматры. Сто лет спустя участник китайских экспедиций Чжэн Хэ, Фей Синь, описал эту землю как царство пестролицых (Хуамяньго)¹⁵³, а еще через пятьсот лет было установлено, что у батаков в ходу татуировка, причем особенно охотно они украшают ею свои лица. Сведения Одорико о Суматре чрезвычайно важны и ценны еще и потому, что они отражают один из наиболее темных периодов в истории этого острова. В XII—XIII вв. пришло в упадок могущественное государство Шривиджая, центр которого находился в районе современного Палембанга. Зато возросло значение городов и селений, расположенных в устьях крупных суматранских рек. Эти города (Аче, Ламбри, Самудра) стали центрами транзитной торговли, а во второй половине XIV в. здесь осели гуджаратские, малабарские, бенгальские купцы-колонисты и началась быстрая исламизация местного населения.

Одорико побывал в этих суматранских торговых городах в ту пору, когда они еще только набирали силу. Сопоставление его данных со свидетельствами китайских мореплавателей начала XV в. позволяет составить представление о развитии этих центров транзитной торговли, расположенных на пути из Индии в Китай. Правдивы сообщения Одорико (касающиеся Китая) о ловле

---

¹⁵³ Я. М. Свет, *За кормой сто тысяч ли*, стр. 108—110.

рыбы с помощью бакланов, о мучительной процедуре, которой подвергаются китайянки, уродуя свои ноги, и о странном обычае отращивать на мизинце ноготь чудовищной длины. Подвергались сомнению не менее правдивые сведения о страшных пиявках в озере на Цейлоне. Даже птица «о двух головах», встречающаяся, по словам Одорико, на этом острове, оказалась вполне реальным созданием. Разумеется, у цейлонских калао одна голова, но клюв их увенчан гигантским наростом, который при некотором воображении может сойти за вторую голову.

И что очень существенно: большинство этих сведений вошло в европейскую географическую литературу только благодаря Одорико — до него об этих реальных чудесах Востока не упоминали ни Марко Поло, ни Монтекорвино, ни Журден. До Одорико ни один европеец не был в Тибете, и, как отмечает Р. Хенниг, «то, что он рассказывает о посещении Тибета и Лхасы, столицы страны, доступ в которую европейцам был запрещен вплоть до 1904 г., имеет огромное культурно-историческое значение»¹⁵⁴.

В целом, однако, описания восточных стран Одорико уступают географическим повествованиям его предшественников. Диктуя свои воспоминания о долгом путешествии, Одорико, видимо, был настолько болен и слаб, что ему с трудом удавалось сосредоточиться на отборе наиболее ценных наблюдений, отсеивать малозначительные детали и критически оценивать все то, что ему запомнилось. Поэтому и проникли в его повествование ручные трабзонские куропатки, несоглавцы с острова Никоверан, черспахи величиной с соборный купол; поэтому появились во дворце яванских царей золотые лестницы и крыши; поэтому так много места он отвел чудесам, сотворенным останками четырех монахов-францисканцев, погибших в Тхане.

История повествования Одорико. Собратья Одорико по ордену приложили немало стараний, чтобы сделать повествование о восточных странах достоянием широких кругов читателей. Благодаря этому записки Одорико приобрели в XIV—XV вв. небывалую популярность, пожалуй не меньшую, чем «Книга» Марко Поло.

---

¹⁵⁴ Р. Хенниг, *Неведомые земли*, т. III, стр. 193.

Бесчисленное множество списков ходило по всей Европе, причем наряду с латинскими версиями большое распространение получили итальянские и французские переводы. Кордые, долгие годы изучавший литературное наследие Одорико, описал 76 рукописей XIV—XV вв., хранящихся в библиотеках и музеях Италии, Франции, Англии и Германии. Его перечень (далеко не полный) включает 50 латинских, 18 итальянских, 6 французских и 2 немецкие копии повествования Одорико¹⁵⁵. Кописты и переводчики тех времен, естественно, не имели ни малейшего представления о законах текстологии, в силу чего в различных вариантах повествования появились добавления и вставки, в происхождении которых нелегко разобраться.

Помимо копий, явно восходящих к оригиналу, писанному рукой Гильельмо из Саланьи, имеются рукописи, в которых о Гильельмо не упоминается ни словом; зато в них появляются имена редактора текста, продиктованного Одорико, монаха Маркезино из Бассано и переписчика, которому в 1331 г. в Авиньоне попала в руки эта версия повествования, чешского францисканца Генриха Глацкого.

Кроме того, есть несколько латинских и итальянских копий, в которых содержатся подробности, отсутствующие во всех прочих рукописях. Кордые считает, что эта группа рукописей восходит к какому-то первоначальному тексту, который предшествует записи Гильельмо из Саланьи.

В XVI в. появились первые печатные издания повествования Одорико, но они внесли еще большую путаницу, поскольку издатели без ссылки на рукописный источник воспроизводили различные тексты. Так, венецианец Томмазо Джунти, преемник прославленного составителя собрания материалов средневековых путешествий Жан-Батисты Рамузио (1485—1557), включил во второй том географической хрестоматии (1582 г.) две версии повествования Одорико — полную, отвечающую тексту Гильельмо из Саланьи, и «малую», которая, видимо, соответствует самому раннему варианту повествования.

---

¹⁵⁵ «Cathay...», vol. II, pp. 39—75.

Английский путешественник и издатель Ричард Хаклюйт опубликовал в конце XVI в. текст повествования Одорико, в общем довольно близкий к версии Гильельмо из Саланьи, но отнюдь ей не идентичный.

В 1529 г. Жан Сен Дени издал французский перевод повествования, выполненный в 1351 г. монахом Жаном Ле Лонгом из Ипра, причем текст Ле Лонга значительно отличается от всех прочих версий и содержит ряд добавлений неизвестного происхождения.

Наилучшие издания XIX—XX вв. основываются на версиях Гильельмо из Саланьи и Генриха Глацкого. Самым надежным следует считать издание Г. Юла и А. Кордые, составляющее том II собрания «Cathay and the Way Thither» (1913 г.). В основу его положена латинская рукопись парижской Национальной библиотеки — одна из лучших копий текста Гильельмо из Саланьи; кроме того, Кордые дал самые важные варианты всех основных версий.

Очень интересно и издание Кордые, в котором воспроизведен французский перевод Жана Ле Лонга (H. Cordier, *Les voyages en Asie*, 1891).

В основу настоящего русского перевода положен текст издания «Cathay and the Way Thither». В переводе в фигурных скобках даны основные разночтения¹⁵⁶.

Повествование Одорико оказало большое влияние на европейскую географическую литературу позднего средневековья. В значительной степени на нем основывались в XIV—XV вв. составители карт мира; знаменитая Каталонская карта 1375 г. и карты венецианца Фра Мауро впитали в себя топонимику Одорико. На материалы повествования Одорико опирался плагиатор и мистификатор Жан де Бургонь, который, прикрывшись именем английского кавалера сэра Джона Мандевилля, пустил в оборот записки о своем мнимом путешествии в страны Востока.

¹⁵⁶ Символы в скобках:

BN — латинская рукопись парижской Национальной библиотеки (lat. 2584).

Boll. — латинская рукопись Генриха Глацкогд.

Far. — латинская рукопись Маркьянцевой библиотеки в Венеции.

F — французский перевод Жана Ле Лонга.

Pal. — итальянская рукопись из Лаврентьевской библиотеки во Флоренции.

Min. Rat. — «Малая» версия издания Рамузо.

Джованни Мариньолли и его миссия в страны Востока

Сарай и Алмалык. Миссия в Золотую орду и Чагатайский улус. Пятнадцатилетнее путешествие Джованни Мариньолли на Дальний Восток (1338—1353) — последнее географическое предприятие века торгово-миссионерской деятельности европейцев в странах Востока. Он покинул Европу в пору наибольшего расцвета системы транзитных связей между Западом и Востоком и возвратился туда в годы ее окончательного распада.

Как раз тогда, когда Мариньолли начинал свое путешествие, его земляк Пеголотти завершал свою «Практику торговли» — торговое евангелие XIV в. Подытожив опыт генуэзских, венецианских, пизанских, флорентийских купцов и орденских миссионеров, Пеголотти дал путеводные указания на будущие времена. При этом, как мы отмечали выше, он особое внимание уделил торговой дороге Тана — Сарай — Ургенч — Ханбалык, сквозной магистрали, которая вела в Китай через земли Золотой орды и Чагатайского улуса.

Обстановка на этой трансасиатской магистрали сложилась в 20—30-х годах XIV в. чрезвычайно благоприятно для международной торговли. В значительной мере это было вызвано быстрым, хотя и весьма кратковременным подъемом Золотой орды. С XIV в. там начался подъем производительных сил. Ко времени правления хана Узбека (1312—1340) государственные и общественные порядки оформились в стройную военно-феодалную систему. Сарай Бату и Сарай Берке стали крупными и богатыми ремесленно-торговыми центрами¹⁵⁷.

Хан Узбек, которому на короткий срок удалось преодолеть центробежные тенденции оседлой и кочевой знати золотоордынского улуса, всемерно поощрял местную и транзитную торговлю. Будучи мусульманином, хан Узбек тем не менее покровительствовал христианским купцам и их неизменным компаньонам в коричневых и белых одеждах францисканского и доминиканского орденов.

Иоанн XXII недаром писал в 1318 г., что хан Узбек «не без наития, внушенного ему господом, и отдавая дань

---

¹⁵⁷ Б. Греков, А. Якубовский, *Золотая орда*, стр. 66—67.

уважения Христу Спасителю, предоставил привилегии христианам»¹⁵⁸. Надо полагать, что это было совместное наитие Аллаха и христианского бога-отца, случай редкий, но отнюдь не невозможный, коль скоро дело касалось приумножения ханских барышей.

Для генуэзских купцов и орденских миссионеров Золотая орда стала обетованной землей. В 1336 г. францисканец Элемозина писал, что в Золотой орде «насаждена истинная церковь и здесь братья минориты учредили свои убежища в десяти местах: пять из них в городах, пять в боевых станах и в пастушеских таборах татарских... И среди татар, которые пасут свои стада, эти пять убежищ помещаются в войлочных юртах и передвигаются с места на место, по мере того как перекочевывают татары со стоянки на стоянку»¹⁵⁹. Опорные базы францисканцев возникли во всех узловых пунктах караванных дорог золотоордынского улуса — в Матреге (Тамани), Темрюке, Тане, Увеке, Новом Сарае, Астрахани, Ургенче. В Старом Сарае у францисканцев кроме монастыря и подворья в самом городе было еще убежище в его окрестностях.

В 20-х годах XIV в. епископ Кафы Джироламо и дипломатический агент Авиньона, францисканец Илья Венгерез, постоянно ездили в столицу хана Узбека Новый Сарай, выполняя различные поручения курии.

Несколько сложнее обстояло дело в Чагатайском улусе. Обстановка там была менее устойчивой, различные феодальные группировки Мавераннахра и Семиречья постоянно враждовали друг с другом, и в Алмалыке, «почти столице» улуса, то и дело происходили дворцовые перевороты. Однако после успешной миссии Томмазо Мангазолы и здесь орденские миссии постепенно укоренялись.

При хане Дженкиши (1334—1338) Алмалык стал центром миссионерской деятельности в Средней Азии. «Возможно, Карасмон и Юханан, видимо несториане, пожертвовали в пользу назначенного папой епископа большое имение около Алмалыка, где была выстроена прекрасная церковь. Скоро после этого мы видим в Алмалыке епископа Ришара из Бургундии, монахов Фран-

---

¹⁵⁸ Цит. по кн.: G. Soranzo, *Il papato...*, p. 549.

¹⁵⁹ G. Golubovich, *Biblioteca...*, t. II, p. 125.

циска и Раймунда Руфа из Александрии, священника Пасхалия из Испании, братьев-мирян Петра из Прованса и Лоренцо из Александрии. Им удалось вылечить хана, за что он позволил крестить его семилетнего сына, который наречен был Иоанном. Пасхалий в 1338 г. за пять месяцев проехал из Куя Ургенча в Алмалык»¹⁶⁰.

Однако Алмалык лежал в самом центре внутренних смут и в 1339 г. последствия одного из таких потрясений миссионеры испытали на себе. Один из претендентов на чагатайский престол, потомок Угедая, Али-Султан, сверг и убил хана Дженкиши. Во время резни, которой сопровождался этот переворот, погибла вся алмалыкская миссия во главе с епископом Ришаром. Пасхалий незадолго до своей гибели отправил в Европу письмо, в котором содержались очень интересные сведения о Поволжье, Кавказе, закаспийских землях, Мавераннахре и Семиречье¹⁶¹. Катастрофа 1339 г. сколько-нибудь длительных последствий, однако, не имела. Али-Султан вскоре был устранен, и Мариньолли, который посетил Алмалык год спустя, восстановил здесь христианскую колонию.

К 30-м годам XIV в. относятся и попытки наладить постоянные связи между Ханбалыком и Авиньоном, предпринятые папской курией и двором великих ханов. После смерти Монтекорвино Иоанн XXII направил в Ханбалык нового архиепископа, Николая. Николай, однако, до Китая не добрался, хотя и побывал в Чагатайском улусе, где был хорошо принят ханом Дженкиши.

В 1336 г. из Ханбалыка отправлено было большое посольство к папе во главе с неким Андреем «франком»¹⁶². Посольство везло в Европу письма от великого хана и от аланских вождей-христиан. Аланы, народ род-

---

¹⁶⁰ В. В. Бартольд, *Очерк истории народов Семиречья*, стр. 62—63.

¹⁶¹ Пасхалий более года пробыл в Сарае (вероятно, Новом), спустился по Волге до ее устья, морем прошел в гавань Сараджик, откуда на верблюдах добрался до Ургенча.

¹⁶² Г. Юл («Cathay...», vol. III, pp. 28, 180) предположил, что Андрей «франк» тождествен зайтонскому епископу Андрею из Перуджи. Однако в 30-х годах XX в. в Цюаньчжоу обнаружена была могила Андрея из Перуджи с эпитафией, в которой указан был год его смерти (1332). Эта дата, разумеется, исключает всякую возможность отождествления Андрея из Перуджи с Андреем «франком» (Ch. Dawson, *The Mongol Mission...*, p. 222).

ственный осетинам, в XIII в. жили в Закаспийских степях. Монгольское завоевание переместило и рассеяло их, а в конце XIII в. аланская колония возникла в самом Ханбалыке, где воины-аланы составляли особое подразделение дворцовой гвардии Хубилая. Среди китайских аланов успешно проповедовал Монтекорвино, и аланские вожди, очевидно, были инициаторами дипломатической миссии 1336 г.

Великий хан писал папе, что цель посольства Андрея и пятнадцати его спутников, отправляемых «за семь морей, в землю франков, где заходит солнце», — установить связи с главой христианского мира и передать папе просьбу о назначении в Ханбалык постоянного представителя курии¹⁶³.

31 мая 1338 г. посольство великого хана прибыло в Авиньон и было принято папой Бенедиктом XII (1334—1342). В соответствии с пожеланиями великого хана Бенедикт XII направил в Ханбалык миссию, во главе которой поставлен был францисканец Джованни Мариньолли.

Однако папа не ограничивал задачи этой миссии визитом в Ханбалык. Мариньолли должен был по пути передать письма хану Узбеку, хану Чагатайского улуса и двум христианским советникам этого государя (Касрамону и Юханану).

Миссия Мариньолли. О Джованни Мариньолли, уроженце селения Мариньолле, расположенного близ Флоренции, сохранились весьма скудные сведения.

Можно предположить, что родился он между 1290 и 1295 гг., учился в Болонье и около 1315 г. вступил во францисканский орден. При Иоанне XXII, когда францисканцы были не в фаворе, он, видимо, находился в монастыре Санта-Кроче во Флоренции, а в Авиньоне появился лишь при Бенедикте XII. Почему именно на него пал выбор папы, когда снаряжалось посольство в Ханбалык, сказать трудно.

О самой миссии в Китай и маршруте, которым Мариньолли шел на Восток и возвратился из Ханбалыка в Европу, долгое время почти ничего не было известно. В 1768 г. чешский монах-пиар Гизеллий Добнер нашел в Праге одно произведение Мариньолли, которое,

---

¹⁶³ «Cathay...», vol. III, p. 181.

судя по названию, никакого отношения не имело к его путешествию на Восток. Это была хроника Богемии, составленная Мариньолли по поручению императора Карла IV около 1355 г. Но в различные главы своего труда автор вставил фрагменты своих путевых заметок. При этом Мариньолли свел к минимуму все маршрутные и хронологические указания, и трассу его многолетнего путешествия по странам Азии можно восстановить лишь с большим трудом. Правда, кое-какие сведения о его миссии привел Л. Ваддинг, но они отрывочны и касаются лишь первого этапа его путешествия¹⁶⁴.

Во главе миссии из пятидесяти человек Мариньолли в декабре 1338 г. отправился из Авиньона. Побывав в Неаполе, где миссия была принята королем Робертом Сицилийским, оказавшим ей материальную поддержку, Мариньолли и его спутники проследовали в Константинополь, куда прибыли 1 мая 1339 г. Из Константинополя, где миссия вела совершенно бесплодные переговоры с главой греческой церкви, Мариньолли отправился в Кафу. Через Тану он проследовал в резиденцию хана Узбека — Новый Сарай, где провел зиму 1339—1340 гг. В мае 1340 г. Мариньолли выехал из Сарая и, побывав в Ургенче, в конце 1340 г. прибыл в Алмалык, где прожил около года.

Через Джунгарию и Южную Монголию Мариньолли затем прошел в Китай, и в Ханбалык он прибыл в 1342 г.

Великий хан Токалмут (китайское его имя — Шуньди) хорошо принял миссию (по словам Мариньолли, до Ханбалыка дошли 32 его спутника), но «больших успехов в Китае папский легат не добился»¹⁶⁵. Мы не можем, однако, согласиться с мнением Хеннига, возлагающего часть вины за неудачу миссии на самого Мариньолли. «Этот легат, — пишет Хенниг, — был человеком ограниченным, малопривлекательное его тщеславие проявлялось у него неоднократно». И далее Хенниг утверждает, что Мариньолли писал преимущественно о пустяках, умалчивая о гораздо более важных вещах.

Ниже мы постараемся отвести от Мариньолли эти обвинения, которые вызваны главным образом неверным подходом Хеннига к оценке деятельности людей XIV в.

---

¹⁶⁴ L. Wadding, *Annales Minorum...*, t. VII, pp. 214, 253, 257, 258.

¹⁶⁵ Р. Хенниг, *Неведомые земли*, т. III, стр. 231.

с их наивной непосредственностью и всеядным любопытством. Отметим здесь лишь, что точно такие же обвинения можно предъявить и Марко Поло, и Журдену де Севраку, и Одорико Порденоне. Ведь то, что кажется пустяками Хеннигу, представлялось истинными чудесами европейцам XIII—XIV вв.

Очевидно, чересчур большие надежды возлагались в Авиньоне на миссию Мариньолли. Великий хан мало был заинтересован в дружбе с «господином всех христиан», чья резиденция находилась где-то «за семью морями».

В Ханбалыке Мариньолли провел около четырех лет. По-видимому, осенью 1346 г. он отправился в обратный путь по маршруту, которым возвратился из Китая в Европу Марко Поло. Покинув 26 декабря 1346 г. Зайтон, Мариньолли морем прошел в Индию и весной 1347 г. прибыл в Куилон. В сезон юго-западных муссонов он из Куилона в 1348 г. проследовал в Майлапур, а затем направился в страну Саба, о местонахождении которой уже более ста лет спорят комментаторы его записок. Астрономические указания, которые приводит, говоря о Сабе, Мариньолли, не согласуются с прочими его сведениями об этой земле. Скорее всего, Саба Мариньолли соответствует Суматре, а не Яве, и, быть может, описывая этот остров, управляемый женщиной-царицей, наш путешественник, отдав известную дань воображению, изобразил страну, населенную племенами минангкабау, лежащую на центральном участке северного берега Суматры¹⁶⁶.

Любопытно, что страна со сходным названием и близкого к Суматре географического положения встречается в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина. «А шабатская пристань Индийского моря, — пишет он, — весьма велика... Шабат же от Бидара 3 месяца, от Дабула до Шабата 2 месяца идти морем». Правда, Афанасий Никитин полагает, что за 10 месяцев до Шабата можно дойти и посуху, но ряд фактов — шелк, сахар,

---

¹⁶⁶ Правда, из описания этой страны следует, что она лежит к югу от экватора («тень... проходит в правую сторону... Северный полюс [Полярная звезда] — ниже линии горизонта на 6°»), но ведь остров Суматра заходит в южное полушарие на 8 с лишним градусов, так что к стране Саба Мариньолли мог отнести всю юго-восточную оконечность этого острова.

сандал, жемчуг, обезьяны, сообщение с Шабатом на больших кораблях — свидетельствует, что страна эта лежит где-то к юго-востоку от Индии, скорее всего на островах Малайского архипелага.

Из Сабы, вероятно в 1349 или 1350 г., Мариньолли перебрался на Цейлон, а затем через Ормуз — Багдад — Мосул — Эдессу — Алеппо — Дамаск проследовал в Иерусалим. Побывав на Кипре, Мариньолли в 1353 г. возвратился в Авиньон ко двору папы Иннокентия VI (1352—1362). Папа вознаградил Мариньолли за многолетнее путешествие, сделав его епископом Базиньяно. Вряд ли, однако, Мариньолли довелось посетить свою епархию, затерянную в горах Калабрии.

Назначение это было чистой синекурой, и Мариньолли в 1353—1354 гг. жил в Авиньоне и в Риме, где состоялась коронация папой императора Карла IV. На коронационных торжествах Карл встретился с Мариньолли и, видимо, настолько заинтересовался его рассказами о странах Востока, что взял его с собой в свою столицу — Прагу. Карл IV, просвещеннейший монарх своего века, основатель знаменитого Пражского университета, неутомимый строитель Златой Праги, усадил Мариньолли за составление богемских анналов — хроники героического прошлого чешской земли. Задача эта была явно не по силам бывшему папскому легату. Мариньолли, говорит Г. Юл, «вступил в тернистые заросли богемских хроник, в лабиринт диковинных имен, произнести которые было невозможно на родном языке флорентийца»¹⁶⁷. Естественно, что в составленную им хронику Мариньолли включил отрывки из своих воспоминаний о путешествии на Дальний Восток.

Он, вероятно, завершил хронику уже в 1355 г. Во всяком случае, в 1356 г. он побывал в Авиньоне в составе флорентийского посольства, а в 1357 г. посетил Болонью. Год смерти его неизвестен. Вероятно, он умер в 60-х годах XIV в.

«Путешествие на Восток». В отличие от всех предшественников Мариньолли не оставил связного описания стран, посещенных им за время своего путешествия. Фрагменты, которые он внес в различные, преимущественно начальные, главы богемской хрони-

---

¹⁶⁷ «Cathay...», vol. III, p. 201,

ки, в совокупности своей образуют нечто подобное отснятым, но еще не смонтированным кадрам киноленты. Эти кадры добавлены к главам, которые никакого отношения к путешествию Мариньолли и к странам Востока не имеют. Так, глава «О сотворении мира» украшена сжатым описанием миссии Мариньолли к великому хану; глава «О рае» содержит справку о четырех великих реках мира; в главу «Одежда наших прародителей» вписаны совершенно реальные сведения об индийских и китайских тканях и т. д.

Подобный способ изложения географического материала, не способствующий ни целостности, ни ясности повествования, и навлек на автора различные нападки, далеко не всегда, впрочем, справедливые и обоснованные. Спору нет, «Путешествие на Восток» Мариньолли — произведение менее интересное и менее ценное, чем «Книга» Марко Поло или «Описание чудес» Журдена де Северака. Но оно подкупает читателя ненасытной любознательностью, которую автор проявляет на каждом шагу, часто в детски наивной форме. Мариньолли — это средний человек своего века, и его заблуждения и промахи типичны для не слишком образованных и безмерно простодушных современников Боккаччо и Петrarки.

Географические рассуждения Мариньолли, которые ставят его ниже Монтекорвино или Псевдо-Бурхардта, вызвали пренебрежительные оценки географов XX в. И тем не менее как раз это произведение среднего человека середины XIV в. свидетельствует, что в сознании европейцев произошли в то время необратимые перемены. Мариньолли с раздражением опровергает своих предшественников, категорически утверждая, что нет и не может быть на свете псоглавцев и людей, «ногой своей делающих тени». При этом он опирается не на авторитеты, а на свой собственный опыт.

Мариньолли весьма часто прибегает к Библии, минутно на нее ссылается, но порой такие ссылки воспринимаются как литературный прием, нужный автору, чтобы не пугать читателя, когда речь идет о явлениях странной восточной действительности. В этом отношении особенно показательны описания Цейлона. Если отбросить ссылки на Библию, если заменить Адама Буддой, то без труда можно убедиться, что автор описывает

совершенно реальную флору этого тропического острова, реальные буддийские святилища, реальные обычаи буддийских монахов. Во многом цейлонские фрагменты Мариньолли переключаются с очерками Цейлона такого автора, как наш выдающийся соотечественник И. П. Минаев.

Богемская хроника была написана Мариньолли на латинском языке, качество которого Г. Юл охарактеризовал словами «*bad badness*» («худая худость»).

Как мы уже отмечали, богемскую хронику Мариньолли открыл в 1768 г. Гизеллий Добнер. Он напечатал ее в томе III собрания источников по истории Чехии¹⁶⁸. Любопытно, что современники Добнера не обратили внимания на восточные фрагменты хроники Мариньолли.

Открыл их в 1820 г. чешский историк Я. Мейнерт, который посвятил специальную работу разбору этих «вставных новелл» Мариньолли.

В 1882 г. в Праге вышло повторное издание богемской хроники Мариньолли, осуществленное Иосифом Эмлером.

Весьма совершенный английский перевод восточных вставок этой хроники выполнен Г. Юлом в его труде «*Cathay and the Way Thither*».

Настоящий перевод осуществлен по изданиям Добнера и Эмлера с учетом поправок Г. Юла и А. Кордые.

Заключение

Мариньолли возвратился в Европу в 1353 г., а к 1370 г. вся система сквозных трансасиатских связей, созданных в XIII в., пришла в полное расстройство в ходе окончательного распада монгольских улусов.

Еще в 40-х годах XIV в. из этой системы выпало иранское звено, которое в конце XIII в. и в первые два десятилетия XIV в. было одним из важнейших узлов в сети великих караванных дорог Востока. «Распад государства Хулагидов, — пишет И. П. Петрушевский, — был подготовлен ростом классовых противоречий и феодальной раздробленности. После смерти Абу Са'ида (1335 г.) в течение нескольких лет происходили между-

---

¹⁶⁸ «*Monumenta historica Boemiae*», t. II, pp. 68—282.

усобные войны между группировками феодалов... Все эти группировки боролись за власть, выдвигали марионеточных ханов из числа Чингизидов»¹⁶⁹.

Бесконечные распри иранских феодалов, фактический распад державы Хулагидов на множество мелких эмиратов, невиданный расцвет разбойничьего промысла на всех дорогах страны — все это привело к быстрому упадку торговли и к угасанию деловой активности в ее главных центрах — Тебризе, Султании, Исфahanе, Кашане, Йезде и Ширазе.

Деятельность католических миссий стала небезопасной. Если прежде францисканцы и доминиканцы «архиепископства Султании» свободно вели пропаганду «истинной веры», уповая на поддержку иль-ханов и их вазиров и наместников, то теперь они вынуждены были приспособляться к неустойчивой и враждебной для них обстановке, которая с каждым годом ухудшалась.

Миссии в Иране к 1350 г. фактически исчезли, и одновременно не стало на дорогах Ирана торговых агентов генуэзских комменд и венецианских коллеганц.

Не случайно около 1340 г. венецианские купцы предприняли попытку проникнуть в Индию в обход Ирана, через Чагатайский улус, Памир и горные проходы Гиндукуша¹⁷⁰. Но и в Чагатайском улусе внутренние смуты настолько усилились в 40—60-х годах, что пути в Индию и Китай через Мавераннахр и Семиречье стали столь же опасными, как и дороги Ирана.

В третьей четверти XIV в. всеобщая смута охватила и Золотую орду. «Несколько десятилетий непрерывных феодальных войн внутри Золотоордынского государства, — пишет А. Якубовский, — подорвали хозяйственную мощь страны, и в частности богатую ремесленную промышленность золотоордынских городов, настолько, что караванная торговля юго-восточной Европы лишилась одной из важнейших своих производственных баз... Едва ли... Бальдуччи Пеголотти, сказавший про рынки Сарая и Ургенча, что здесь можно получить все, что может заинтересовать европейского купца, повторил бы это снова в 60—70-х гг. того же века»¹⁷¹.

¹⁶⁹ И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране*, стр. 62.

¹⁷⁰ R. Lopez, *European Merchants in Medieval Indies*, p. 175.

¹⁷¹ А. Якубовский, *Феодальное общество Средней Азии*, стр. 54.

Вторжение турок-османов в Европу и гибель в 1375 г. Киликийского государства вызвали расстройство старой системы связей в восточном Средиземноморье.

На крайнем Востоке, в Китае, в ходе минской революции 1368 г. монгольское владычество было свергнуто и старые связи с западными монгольскими улусами оказались совершенно разорванными.

Начался новый этап в истории народов Азии, мало-благоприятный для международной торговли. Последующее вторжение турок в Европу окончательно нарушило всю систему контактов Запада и Востока в восточном Средиземноморье, где Генуя, бывшая владычица морей, утратила во второй половине XV в. все свои опорные базы, включая Перу и Кафу. В Европе возникли новые очаги заморской экспансии, откуда предприняты были в XV — начале XVI в. успешные поиски новых морских путей в Индию и Китай.

Но торговое и орденское проникновение по путям, проложенным итальянскими купцами и их компаньонами из францисканского и доминиканского орденов, было приостановлено. Лишь полтора века спустя азиатский Восток вновь стал объектом нового вторжения с Запада, несравненно более тягостного и длительного, которым открылась эра колониализма.

Вместе с тем нельзя не отметить, что неутомимые странники, которые в XIII—XIV вв. исходили весь Ближний и Средний Восток и добрались до крайних рубежей Дальнего Востока, раздвинули завесы, которые отгораживали средневековую Европу от этой части Старого Света.

Заря Возрождения занялась как раз в ту пору, когда Марко Поло и его преемники в Генуе, Авиньоне, Падуе и Праге подводили итоги своим многолетним путешествиям в восточные земли. Книги Марко Поло и Одорико Порденоне поглощались читателями XIV в. с такой же ненасытной жадностью, как стихи «Божественной комедии» и новеллы «Декамерона».

Данте и Боккаччо остались и нашими современниками. И мы полагаем, что этой чести достойны и неутомимые последователи Марко Поло, люди, которые положили начало новой науке о реальных чудесах нашей планеты.

Письмо Мененцилия из Сполето к Бартоломео да Санто Конкордио, содержащее выдержки из утраченного послания Монтекорвино об Индии

Брату во Христе, Бартоломео да Санто Конкордио здравия и мудрости желает во всем ему преданный брат Мененцилий из Сполето.

Ведаю, сколь велика ваша любовь к науке и сильно стремление знать больше обо всем, особенно о вещах еще неведомых, я кое-что для вас переписал из того, что сейчас переслал из Верхней Индии один брат минорит, который был спутником Николо из Пистойи, скончавшегося на пути к господину всея Индии.

Видел я посланца [из Индии], а на его руках преставился названный брат Николо, и говорил с этим посланцем, и он засвидетельствовал [мои выписки].

О делах индийских сообщается следующее.

Говорится, что в Индии всегда жарко и нет зимы и не бывает чрезмерного зноя, а тому причиной ветры, дующие постоянно; они умеряют жар и смягчают воздух. А зимы там не может быть вот почему: страна эта лежит под зодиаком в положении, о котором так скажу — когда солнце начинает входить [в созвездие] Девы, а происходит это 24 августа, оно, я сам сие видел, посылает лучи свои отвесно, так что не падает тень ни в какую сторону. Подобным же образом случается, когда солнце вступает в [созвездие] Овна, то есть в исходе марта; в эту пору, проходя через [созвездие] Овна, оно следует к северу, и тень падает тогда к югу до... [дня летнего солнцестояния], а затем солнце поворачивает к Деве, и, пройдя ее знак, начинает отбрасывать тень к северу. Поэтому солнце никогда здесь не удаляется настолько, чтобы стало холодно, и бывает в этой стране лишь два

времени года, и, как уже говорилось, нет в ней ни зимы, ни холодов.

Долготу дня и ночи, насколько это было возможно, пытался я измерить по знакам [зодиака]. День длится пятнадцать часов, когда лучи солнца падают отвесно, ночь же продолжается девять часов; когда же солнце в созвездии Рака, день немногим меньше четырнадцати часов, а ночь немного больше десяти часов; меньше и больше на четверть часа; когда же солнце в созвездии Козерога, то есть в декабре, день длится одиннадцать, а ночь тринадцать часов, ибо солнце дальше от земли, когда оно противостоит не Раку, а Козерогу.

Кроме того, звезда, которую мы называем Полярной, так придавлена здесь или, иными словами, стоит столь низко, что она едва заметна. И поэтому, когда я стоял на очень высоком месте, то мог наблюдать другую Полярную звезду, расположенную напротив.

Я пристально наблюдал за ней и заметил созвездия, которые вокруг нее ходили, что и позволило мне узнать эту звезду, причем мне казалось, что они проходят близ нее, но поскольку у горизонта всегда по причине ветра и зноя стоит туман, а звезды очень низки, я не мог убедиться в своей правоте. Индия, однако, страна большая, и возможно, что в некоторых местах звезды стоят выше, а в иных ниже. Наблюдения же свои я вел, насколько это было мне по силам, в Верхней Индии, которая носит название Маабар, в стране святого Фомы.

О состоянии страны Верхняя Индия

Состояние названной индийской страны таково: она изрядно и даже густо населена, и в ней есть большие города, но дома жалкие, ибо строят их из песчаной грязи и обычно кроют листьями. Гор там мало, рек в иных местах много, а в иных не слишком; источников нет совсем, или же их очень мало, колодцев много по той причине, что вода здесь на глубине двух-трех шагов, а то и еще ближе к поверхности земли; но для питья она не хороша, — слишком уж мягкая, и от нее страдают животом. Поэтому делают обычно водоемы, или хранилища, наподобие ям, и туда собирают дождевую воду и ее-то и пьют.

Скота здесь мало. Лошадей не держат, бывают они

разве что у королей и больших баронов. И очень мало мух, а блох нет совсем. И есть здесь деревья, которые во все времена дают плоды, так что на одних и тех же деревьях и кустах отменные плоды можно снимать всегда. Равным образом, здесь сеют и собирают урожай во все времена года, потому что всегда тут тепло и холодов не бывает.

А благовонных пряностей здесь много и по сходной цене, одни дороже, другие дешевле, сообразно их роду. Есть тут деревья, которые дают сахар, а другие приносят мед, а третьи сок, на вкус такой, как вино, и его пьют, и с удовольствием, жители этой страны; и все эти три вещи недороги. И есть деревья, дающие перец, а он зернистый и мелкий и очень похож на виноград, но мельче и лучше поддается пересадке.

Имбирь похож на тростник, и корни его, как и тростниковые, без труда можно выкапывать и пересаживать; однако стебли у него высокие, как у дерева, и толщиной они в пядь, ветки же тонкие и колючие, а листья мелкие¹.

Красящее дерево (bersi) тонкое, высокое и колючее, и все оно сплошь красное, а листья у него, как у папоротника. А индийские орехи величиной с дыню, и они зеленые, как огурцы, листья же и ветви у них, как у пальмы².

А коричные деревья не очень высокие, и толщина у них средняя; ствол, кора и листья, как у лавра. В изобилии они [растут] на острове близ Маабара.

Усердно и много допытывался и разузнавал я о людях чудесного вида, не схожих с обыкновенными, о зверях и земном рае, но ничего на этот счет не проведал.

А быки у них животные священные, и мяса здесь не едят из почтения [к быкам], молоко же пьют, а также пользуются быками при разных работах, поступая, как и все прочие люди.

Состояние обитателей Индии таково: люди этой страны идолопоклонники, и нет у них ни закона, ни письма, ни книг; но буквы им ведомы, и буквами пишут счета, а также молитвы своим идолам. Бумаги у них нет, и пишут они на древесных листьях, например на листьях пальмы; и понятия не имеют, что такое грех.

Есть у них идольские дома, и там почти что всегда поклоняются они идолам, и не в обычае у них приходить

всем вместе и в определенное время, а являются туда, когда им заблагорассудится, и ублажают своих идолов и днем и ночью. Часто справляют они свои праздники и посты, но не соблюдают при этом определенных дней, и нет у них ни недель, ни месяцев³.

А браки заключают только в особое время года, и если умирает муж, жена не может снова выйти замуж. Плотский грех за грех не считают и стыда не имеют, говоря об этом⁴.

В приморских землях много сарацин, и у них большая сила. В глубине же страны их мало. Очень мало христиан и иудеев; последние в сравнении с христианами мало что значат. Тех, кто носит христианское имя, сильно преследуют⁵.

Покойников не хоронят, а сжигают, и к огнищу несут тела с музыкой и пением, но родичи усопших печалются и скорбят, совсем как люди других стран⁶.

Эта Индия страна обширная, и в ней много королевств и много языков; а люди здесь довольно смирные и дружелюбные, слов понапрасну не тратят и этим похожи на наших крестьян. Не так они уж черны, а скорее оливкового цвета, и отлично сложены как мужчины, так и женщины. Ходят они босиком и нагишом; только и есть у них что повязка на срамном месте, а мальчики и девочки до восьми лет никакой одежды не носят и ходят в чем мать родила. А бороды здесь вовсе не бреют, но моются по несколько раз в день.

Хлеба и вина у них нет, а наших плодов мало или вовсе нет. Их повседневная пища — рис и молоко в небольшом количестве, едят же они грубо, как свиньи, хватают пищу всей пятерней и ложек не знают; и право же, когда едят, то больше похожи на свиней, чем на людей.

Земля же здесь совсем безопасная, воров да разбойников очень мало, но зато постоянно надо платить всяческие поборы.

Ремесленников немного, ибо за мастерство и ручную работу платят гроши, помещение у них тесное.

Как и у нас, в ходу у них мечи и кинжалы; вступая в бой, сражаются недолго, но войско собирается большое, а в бой ходят голые, ничего, кроме меча и кинжала, не имея. Среди воинов есть наемники-сарацины, вооруженные луками.

Об Индийском море, какое оно есть: море это весьма обильно рыбой, и в нем ловят жемчуг и добывают драгоценные камни. Гаваней мало, и они скверные; знайте, что море это — срединное море Океана и что с юга нет земли, а только острова, и в том море их очень много — больше двенадцати тысяч, иные из них обитаемы, иные же безлюдны.

Можете вы пройти этим морем до Ормуза, и говорят, что от него до той земли, которая называется Минабар, расстояние две тысячи миль, если идти между юго-востоком и востоком. От Минабара до Маабара еще триста миль в направлении между востоком и северо-востоком, а от Минабара до Гигименкоты еще триста миль в направлении между северо-востоком и севером. Другие берега я не видел, а поэтому и сказать о них ничего не могу⁷.

У берегов названного моря иной раз на сто и более миль тянутся мели, так что кораблям плавать здесь опасно. Ходят же здесь они только в определенное время года, ибо с начала апреля и до конца октября ветры дуют с запада, а поэтому нет возможности идти морем на запад; и все бывает наоборот с октября месяца и до марта.

С середины мая до конца июля такие сильные дуют ветры, что корабли, если не удастся им войти в гавань, подвергаются большой опасности, и счастье, коли им доведется ее избежать; в прошлом году погибло более шестидесяти кораблей, а в этом году близ наших мест затонуло семь кораблей, а что до других областей, то вестей оттуда пока нет. Корабли же у них очень непрочные и неуклюжие, без железа, швы не конопатят; сшиты они бечевою, как платье, и если где-нибудь нить порвется, тотчас корабль распадается, и что ни год приходится их чинить, иначе и в море выйти нельзя. Руль на этих кораблях ломкий и слабый, он как доска, шириною в пядь и укреплен в середине кормы; когда же надо повернуть на другой галс, то делают это с большим трудом, а при сильном ветре и вовсе поворачивать нельзя. На кораблях один парус и одна мачта, а паруса делаются либо из тростниковой плетенки, либо из скверной ткани, веревки же плетут из волокон.

Кроме того, моряки у них в малом числе и не слишком опытные; и когда корабли, минуя опасности, воз-

вращаются в целости, говорят, что так случилось потому, что ведóмы они были господней волей, сноровку же человеческую, можно сказать, ни во что не ставят.

Написано это письмо в Мабаре, городе провинции Ситта, в Верхней Индии, октября двадцать второго дня, в год Господа нашего МСС...Х...

Примечания

¹ Прославленный флорентийский товаровед Бальдуччи Пеголотти отмечал, что один из сортов имбиря родится «на острове Коломбо». Коломбо, в данном случае, не столица Цейлона, а малабарский город Куилон (Pegolotti, *La pratica della mercatura*, p. 361). Афанасий Никитин в списке пряностей Каликута имбирь помещает на второе место, сразу же вслед за перцем [Афанасий Никитин], *Хождение...*, стр. 21). Имбирь высоко ценился на европейских рынках; Хейд (W. Heid, *Histoire du commerce du Levant*, t. II, p. 622) указывает, что в 1393 г. во Франции фунт куилонского имбиря стоил 11 солей, или свыше 30 золотых франков по курсу 80-х годов XIX в.

² Красящее дерево — одна из разновидностей рода *Caesalpinia* — произрастает в различных странах тропического пояса и обладает древесной, из которой добывается стойкая красная или красновато-желтая краска. Индийская разновидность красящего дерева — невысокое колючее деревцо, широко распространенное на малабарском берегу, в районе мыса Коморин и на Цейлоне. Староитальянское название красящего дерева (*bersi, verzino*) дано было по характерному его цвету, напоминающему цвет раскаленных углей (*braise, brasa, brascia*). Хейд (*ibid.*, p. 587) отмечает, что в списки товаров, ввозимых в Европу из стран Востока, красящее дерево впервые попало в 1140 г. Пеголотти упоминал о трех сортах красящего дерева: *verzino colombino, verzino ameri, verzino seni*, подчеркивая при этом, что *verzino colombino*, или куилонское красящее дерево, с его светло-красной древесной значительно ценнее двух прочих сортов (Pegolotti, *La pratica della mercatura*, p. 361). В XVI в. португальцы по красящему дереву (*paço do brazil* на португальском языке) назвали Бразилией огромную страну, открытую ими в Новом Свете.

³ Монтекорвино или же Мененцилий возводит на индийцев напраслину: «недели и месяцы» у индийцев были, в стране сосуществовали десятки календарей — солнечных, лунных и лунно-солнечных. Точно так же обстоит дело с праздниками: индуисты, буддисты, мусульмане, парсы справляли свои праздники в строго определенных дни. В апреле 1944 г. Индия отмечала 2000-летие одного из своих календарей — самватского, причем этот календарь отнюдь не самый древний.

⁴ У индуистов вдовам запрещается снова выходить замуж. Однако в Малабаре и на Коромандельском берегу эти запреты соблюдались не так строго, как в Северной и Центральной Индии, особенно у людей низших каст. В Малабаре, издревле населенном народом

малаяли, существовали весьма своеобразные формы брачных отношений, восходящие к групповому браку и допускающие различные виды многоженства и многомужества. Монтекорвино, руководствуясь европейскими критериями, сделал неверный вывод о легкомыслии обитателей Южной Индии.

⁵ Сарацин, т. е. мусульман, в Южной Индии было довольно много. Мусульманские войны, обладавшие опытом боевой службы у делийских султанов, занимали видные посты в гвардии местных южноиндийских властителей. В Малабаре, вероятно, со второй половины V в. существовали еврейские колонии; в XIII—XIV вв. наиболее значительная колония была в пригороде Кочина, селении Матанчери. Основная масса евреев переселилась в Малабар из Ирана. Испанский еврей Вениамин Тудельский, посетивший Индию в 1166 г., писал, что «в стране перца, корицы и имбиря проживает тысяча еврейских семейств». Еврейское население Малабара делилось на две резко отличные по социальному и имущественному положению группы — «белых» и «черных». «Черные» евреи — потомки индийцев, обращенных в иудейство, и индо-еврейских метисов — считались колонистами второго сорта. Малабарские евреи, наряду с христианами-фомистами, принимали активное участие в торговле пряностями, причем, судя по арабским источникам, торговля эта процветала уже в IX в. («Cathay...», vol. II, p. 134; «The Jewish Encyclopaedia», vol. VI, 1904, p. 581).

⁶ Монтекорвино упоминает здесь о похоронных обрядах индуистов. Индуисты сжигают покойников на кострах и на месте кремации совершают поминальные обряды.

⁷ Эти путеводные указания следует толковать таким образом: из Персидского залива (Ормуз во времена Монтекорвино стоял на иранском берегу Хормузского пролива) до Малабара две тысячи миль в направлении на юго-юго-восток. Очевидно, говоря о Малабаре, Монтекорвино имеет в виду его южную оконечность, район мыса Коморин. За мысом Коморин начинается простирающийся на северо-восток Коромандельский берег (Маабар). Этот коромандельский участок тянется на триста миль на северо-северо-восток. Далее в схеме Монтекорвино явная описка: следует читать не «от Минабара до Гигименкоты», а «от Маабара до Гигименкоты». Хотя нельзя установить, какой именно пункт Монтекорвино называет Гигименкотой, несомненно, однако, что речь здесь идет о северном участке Коромандельского берега. Севернее устья реки Кавери берег этот изменяет северо-восточное направление на северо-северо-восточное и северное. Если считать, что итальянская миля в среднем равна 1,5 км, то монтекорвиновская Гигименкота окажется примерно в 900 км от мыса Коморин, т. е. в районе устья р. Кистны, близ которой расположен г. Масулипатам.

Чудеса, описанные братом Журденом из ордена проповедников, уроженцем Северака и епископом города Колумба, что в Индии Наибольшей¹

Скажу сперва, что есть диво дивное среди моря, между Сицилией и Калабрией. И вот оно какое: море там в одном месте стремительно вздымается, а в другом, поближе к острову, опускается, и течение здесь быстрее, чем в любой реке. А по причине этого в горле [пролива] всегда страшное волнение, и в пучине морской гибнут, буде в ней окажутся, даже самые большие корабли.

И говорят, будто на дне есть там ужаснейшее жерло, и из него выходит такая темная вода, что даже рыбабам боязно заплывать в эти места².

В Греции не довелось мне повидать или проведать что-либо, о чем стоило бы здесь упомянуть; вот разве только, что между Негрипонт-островом и материком море прибывает и убывает иной раз трижды, а когда и четырежды [в день], а порой и чаще, словно это не море, а быстрая река, и, право же, истинным чудом кажется все это³.

Побывал я в Фивах, а там земля так часто трясется, что любой, кто не испытал ничего подобного, ни за что мне не поверит. Случается, за день земля дрожит пять, шесть, а то и семь раз, и зачастую от такого трясения рушатся и обваливаются дома и стены даже самой накрепчайшей постройки⁴.

Об Армении

Видел я в Великой Армении нечто весьма примечательное, а именно высочайшую и преогромнейшую гору; говорят, вершина ее всегда в снегу и всегда в облаках, и изредка облаками гора бывает покрыта на три четвер-

ти высоты ее. А гора эта неприступна: никому не довелось еще дойти до вечных ее снегов⁵.

И вот какое там есть диво великое: если дикого зверя преследуют охотники, то, добежав до этих снегов, он тотчас поворачивается и стремглав кидается вниз, хоть и знает, что там ждет его гибель. А гору ту даже за три дня на коне не объехать. Слышал я от мужа достойного и правдивого, что живут здесь громаднейшие змеи и так велики они, что целиком заглатывают зайца, и муж этот такое видел воочию; а когда пронзил он стрелой змея, пожравшего зайца, тот уполз невредимый.

На горе стоит дом, который, как говорят, воздвиг сам Ной, после того как покинул он свой ковчег. Говорят также, что где-то на горе есть виноградник, посаженный Ноем, тот самый, вином коего Ной упился. А ягоды на лозах ноевых такие огромные, что просто глазам своим люди не верят. Узнал я обо всем этом от одного нашего архиепископа, католика, владыки великого и сильного. Он правит в здешних местах и во всем достоин доверия. Я же, хоть и побывал тут (поверьте мне уж на слово), но не летом, а зимою.

Эта Великая Армения много выстрадала, и в ней мученическую кончину приняли три апостола, а именно Варфоломей, Симон и Иуда.

Видел я темницу, где томились Симон и Иуда, и ключи, которые по мановению апостольского жезла выбились из живого камня.

По восемь, десять и семнадцать раз касался камня жезл, и нынче здесь как раз столько же ключей, а близ них выстроена большая и красивая церковь⁶.

В этой Великой Армении замучена была одна славная дева; звали ее Скáлой, и была она дочерью короля. Здесь же бросили в яму ко льву и дракону святого Григория, обратившего армян в католическую веру, и случилось это, когда правил Арменией король Тертат, во времена святого Сильвестра и императора Константина⁷.

В этой же Армении зарезан был блаженный Иаков-мученик.

Живут в этой провинции главным образом армяне-схизматики; братья проповедники и минориты обратили в католичество добрых четыре тысячи этих схизматиков, а быть может, даже и больше, и это чистая правда.

И воистину один великий архиепископ, владыка Захарий со всей паствой своей принял нашу веру⁸.

Уповая на благостыню господню, надеемся мы, что все прочие [схизматики] будут вскоре обращены, коли за дело возьмутся достойные братья.

Много есть славных и великих армянских государей-христиан; наибольший же из всех [кто правит в этой стороне] — император Персии⁹.

В Армении лежит горчайшее в свете мертвое море, и говорят, нет в нем никаких рыб — не могут они вынести великий смрад¹⁰. А в том море стоит остров, и на нем могилы многих императоров и королей, в древности правивших Персией, и сокрыты в этих могилах неисчислимые сокровища. Однако путь в те места заказан, а если кто сюда приходит по дозволению, то не отваживается искать сокровища.

Эта Армения в длину тянется от Себаста [Сиваса] до равнины Ороган [Мугань], а в ширину от гор Баркар до Тауриса [Тебриза]; от Баркара до Тауриса пути двадцать три дня, от Себаста до Орогана сорок дней.

Есть здесь одно озеро у подошвы высокой горы; десять тысяч мучеников нашли тут смерть и претерпели страсти, подобные господним, ибо распяли их на крестах, как самого Христа. Гора эта называется Арарат, и близ нее находится город Семур [Ван?]; некогда был он велик, но его разрушили татары¹¹.

Я прошел без малого всю эту страну.

Королевство Персия

Диво великое видел я в Персии, а именно есть там громаднейший город Таурис, в котором двести тысяч домов. В Таурисе никогда не выпадает роса небесная и летом нет дождей, как это бывает в других [странах], так что приходится людям, дабы прокормиться, орошать землю.

А в окрестностях Тауриса растет ива, на которой живут маленькие червячки; они из себя высачивают жидкость, подобную белому воску, и прилипают с ее помощью к листьям, а падая с дерева — к земле. Сок этот слаще меда и сот медовых. Здесь у нас есть церковь, и довольно красивая, и с добрую тысячу верующих, прежде они были схизматиками, а нынче все обращены в на-

шу веру; по крайней мере столько же новообращенных имеется в Уре, что в Халдее, а в Уре родился Авраам, и город этот богат и лежит в двух днях пути от Тауриса.

Точно так же, пятьсот или шестьсот [католиков] насчитывается в Солтании, и лежит она в восьми днях пути от Тауриса, и там у нас есть очень красивая церковь¹².

И есть в этой части Персии некие твари, а называются они онаграми, и они вроде маленьких ослов, а в беге резвее наших коней¹³.

Эта Персия населена сарацинами и татарами, ими совращенными (*tartaros sarracenos*), а также христианами — схизматиками разных сект — несторианами, якобитами, греками, прегорианцами, армянами, и в малом числе имеются иудеи.

В этой Персии есть в изобилии шелк и ляпис-лазурь¹⁴. А как изготовлять шелк, не знают. И у них много золота в реках, но не ведают они, как его добывать, да и недостойны знать это¹⁵.

Протяжением же эта Персия в длину пять дней, а в ширину столько же¹⁶. Народ в этой империи живет грязно, ибо сидят здесь на земле и на земле же едят и разные яства и мясо кладут в блюда, и каждым пользуются по три, по четыре и по пять едоков. Едят не на скатертях, а на круглых кусках кожи или на больших деревянных или медных столах о трех ножках. Одной посудой пользуются сразу шесть, семь или восемь человек, пищу же берут перстами. После еды, а иной раз и во время трапезы облизывают пальцы языком и губами, которые служат вместо полотенца¹⁷, а если остается на руках жир, то его обтирают о башмаки. И так поступают повсеместно татары западные и восточные, но не индийцы; те едят куда опрятнее, хотя и дозволяется им [брать пищу] руками.

В этой Персии есть ключ, из которого вытекает особая смола, и она называется *кис*. Я же называю ее *рих* или *регуа*; ею обмазывают бурдюки, в которых хранится и перевозится вино¹⁸. Между Персией и Малой Индией лежит земля, где выпадает очень много манны, и она бела, как снег, слаще всего, что сладко, и так питательна, что и поверить трудно¹⁹.

Здесь, людям на зло, множество песчаных гор, и когда дует ветер, пески текут словно вода из запруды. Названные страны, то есть Персия, Великая Армения, Хал-

дея и Каппадокия, а также и Греция изобильны прекрасными плодами, мясом и иной снедью, подобно нашей стране. Однако, если не считать Греции, обитаема разве что десятая часть этих земель.

О Малой Индии

Въезжая в Малую Индию, видишь множество пальм и сладчайших плодов, но в глубине страны и тем и другим земля скудна.

В этой Малой Индии немало есть примечательного и достойного удивления; поразительно, что нет здесь ни ключей, ни рек, ни водоемов, а дожди бывают всего лишь три месяца в году — с середины мая до середины августа. Удивительно это! Страна эта жарчайшая и очень плодородная, и за девять бездождных месяцев высачивает земля (и притом каждодневно) столько росы, что не иссушается она даже солнечными лучами к половине третьего часа²⁰.

Чудес тут без счета, великое множество; и сдается мне — именно в этой, первой Индии начинается иная свет, ибо и мужчины и женщины здесь все сплошь черные, и нет у них никакой одежды, кроме лоскута хлопчатой ткани, обернутого вокруг чресел, конец же его чуть прикрывает обнаженную спину²¹.

Местные жители не едят пшеничного хлеба, хотя пшеница растет здесь в изобилии. Их пища — рис и сорго (*sagina*), и варят то и другое только на воде²². Едят в сыром виде молоко, а также масло. Нет в этой Индии ни лошадей, ни мулов, ни верблюдов, ни слонов, и держат тут лишь быков, и их используют для всяких нужд и в седле и в упряжи²³. Ослов здесь мало, и очень уж они низкорослые и никудышные.

Между ночью и днем разница, самое большее, часа два. Всегда здесь зреют плоды и цветут цветы, а самых разных деревьев тут тьма, и дают они всяческие плоды; поистине же огромны плоды, которые называются чаки, и такой достигают они величины, что одним чаки может насытиться по крайней мере пять человек²⁴. И растет здесь дерево с плодами, похожими на чаки и столь же крупными и сладкими; называются они блоки, и порода эта иная, чем чаки²⁵. А растут они не на тонких ветках,

а на самых толстых и на стволе, от самого его корня. Есть тут дерево, дающее плоды, подобные сливам, но очень большие, и называется этот плод анибой; просто выразить невозможно, до чего анибы сладки и приятны на вкус ²⁶.

И есть здесь много иных фруктовых деревьев разных и всяких, но уж очень долго пришлось бы описывать их. Скажу только, что эта Индия в отношении плодов и всего прочего не похожа на христианские земли; разве только, что здесь есть лимоны, кое-где сладкие, как сахар, кое-где кислые, как наши. Есть также гранаты, крохотные и жалкие. Виноградников же мало, ибо вина они не делают, а лишь едят свежий виноград. Но зато есть здесь много деревьев, сок которых собирают и пьют вместо вина.

Скажу еще, что растет тут некое дерево по названию наргиль; что ни месяц выпускает оно ветви, несущие плоды, подобные финикам, но величиной с человеческую голову. Иной раз, на одной ветке висит с тридцать таких плодов, и часто и плоды и цветы бывают одновременно с первого до двенадцатого месяца, так что наряду с цветами зреют плоды одиннадцати поколений. Чудеса! ²⁷

И понять такое немыслимо тому, кто этого воочию не видел. А из ветвей и плодов собирают очень сладкую воду. Ядро молодого плода на вкус сладко и мягко-премягко; но затем оно твердеет и дает молоко, столь же доброе, как миндальное; а когда ядро совсем затвердевает, из него выжимают масло величайшей целебной силы. А если не желают снимать плоды, то в ту пору, когда ветви, на которых они завязываются, имеют всего только один-два месяца от роду, они надрезаются и подвешиваются к ним жбаны, и сок, который иначе был бы истрачен на созревание плодов, заполняет эти жбаны.

Сок же этот белый, как молоко, и сладкий, как патока, и хмельной, как вино, да и местные жители вместо вина его и пьют; а коли не хотят тратить его на питье, то кипятят, доколе останется лишь третья часть, и густеет тогда сок, подобно меду, и столь же он сладок, и хранить его можно, как хранят мед и медовые соты. И каждая ветка дает по целому жбану в день и по целому жбану в ночь во все времена года.

Листьями этих деревьев в дождливое время кроют крыши домов. Именно эти плоды мы называем индий-

скими орехами. Из кожуры же этих плодов делают веревки, которые идут на оснастку кораблей²⁸.

Есть здесь дерево иной породы, и оно подобно только что описанному, и из него получают белый, приятный на вкус сок; называется это дерево тарри. И еще есть дерево беллури, а оно дает подобный же, но гораздо лучший сок²⁹. И имеется тут множество иных деревьев, и особенно примечательны те из них, что выпускают от ветвей корни; эти корни доходят до земли и, впиваясь в нее, образуют стволы, подобные главному стволу; когда же эти корни-стволы умножаются в числе, то из одного дерева разрастается купа, в которой бывает по двадцать и тридцать стволов, смежных и меж собой связанных. Вот уж поистине диво предивное³⁰.

И право же, словами не описать все, что я видел здесь собственными глазами. Плоды этого дерева не только бесполезны, но и смертельно ядовиты.

В этой, а также в Великой Индии деревья не сбрасывают старых листьев, пока не вырастут новые.

Так много деревьев и так они разнообразны, что долго, да и утомительно было бы описывать их; к тому же и различать их невозможно. А о тварях, диких и хищных, скажу, что водятся здесь львы, леопарды, унцы [пантеры?] и зверь вроде зайца, но с черными ушами; вся шерсть на теле у него белая-пребелая, и называется этот зверь сиягойс³¹. А коли улавливают его, то уж не выпускают, пока он не околеет. Водится тут еще один зверь; называют его носорогом; величиной он с лошадь, и на голове у него длинный и кривой рог, но это вовсе не единорог³².

Есть здесь ядовитые твари, а именно крупнейшие змеи, черные, красные, белые и зеленые, а бывают они и смешанных цветов (*mediis coloribus colorati*), и попадают змеи о двух, трех и пяти головах, что удивления достойно.

Есть здесь крокодилы; на нашем родном языке они называются *colcatrux*³³. Иные так велики, что по длине превосходят изрядную лошадь. Они из рода ящериц и четвероногие, а хвост у них вытянут, как у ящерицы, и голова, совсем как у свиньи, и зубы расставлены так, что сила их велика и ужасна, и нет такого зверя, который мог бы вырваться из этих зубов, особенно в воде.

У крокодила есть нечто, подобное панцирю, и панцирь этот не берет ни меч, ни копье, ни стрела — так тверды его чешуи. На воде крокодил самый сильный и самый злой зверь. И много тут иных гадов, но, по правде говоря, не знаю я, как они называются.

О птицах скажу только, что они совсем не такие, как те, что водятся в наших землях, если не считать ворон и воробьев; ибо здесь во множестве водятся всевозможные попугаи, и часто в одной стае бывает с тысячу и более птиц. В клетке прирученные птицы говорят очень бойко, и так и кажется, что это не птицы, а люди, наделенные разумом. Есть тут также летучие мыши, и право же они величиной с коршуна. Днем они не летают и появляются только после захода солнца. Удивительно! В дневное время летучие мыши висят на деревьях, головою вниз, словно крупные плоды. Есть тут и другие птицы, а именно павлины, перепелки, индийские куры и прочие многие птичьи породы самых разных цветов; есть и совсем белые птицы, и зеленые-презеленые, и разноцветные, да такой красоты, что немислимо даже описать подобное.

В этой Индии люди, идущие на войну и охраняющие своих сеньоров, одежды не носят и вооружены круглыми щитами, жалкими и скверными, меч же держат в руках. Да и войны их, ей-же-ей, забавы детские.

В этой Индии тьма разных драгоценных камней, алмазы же здесь наилучшие в свете, и никто не обрабатывает их каким бы то ни было способом, заботится об этом сама природа. Дабы не впадать в многословие, не буду распространяться о свойствах этих камней.

В этой Индии много драгоценных камней, наделенных великими достоинствами, и всяк может собирать их, никому сие не возбраняется.

В этой Индии, когда умирает сколько-нибудь знатный муж, а также люди, чем-либо владеющие, то [тела их] сжигают; при этом жены устремляются за мужьями в пламя; ради славы мирской, любви к супругу и вечной жизни они сжигают себя вместе с мужьями и с такой радостью, как будто идут к венцу. И те, которые так поступают, сльвут здесь наидостойнейшими и наилучшими женами. Удивительно это! И не раз на моих глазах во след одного-единственного мертвеца бросались в огонь и гибли пять жен.

В этой Индии есть язычники, поклоняющиеся огню. Мертвецов своих они не хоронят и не сжигают, а кидают нагие тела в бескровельные башни на съедение птицам небесным. Верят они в два начала — добро и зло, свет и тьму, — но нет охоты мне на сей счет распространяться.

Есть и иные язычники, прозываются они думбри, и едят они мертвечину, а также трупы; у них нет никаких идолов, и делают они работу за других и переносят тяжести³⁴. В этой Индии есть имбирь, и растет он в огромном количестве, и есть также в большом изобилии сахарный тростник, а также рожковое дерево, и оно на диво толстое и величавое.

О многих чудесах этой Индии могу я еще рассказать, но, сберегая время, сокращу свое повествование.

Еще растет здесь кассия, и кое-где ее очень много³⁵.

Народ в этой Индии ест опрятно, верен слову и весьма справедлив; вольности свои исконные хранит он сообразно сословию своему (*secundum statum suum*).

Зной тут ужаснейший; просто выразить не могу какой — все равно не поймет меня, кто не бывал там.

В этой Индии нет никаких металлов, и нельзя их здесь отыскать, и сюда их завозят со стороны, кроме золота, железа и бронзы. И нет перца и других пряностей, кроме имбиря.

В этой Индии большинство людей поклоняются идолам, хотя власть здесь почти полностью в руках у турок-сарацинов; они недавно пришли из Мультана и завоевали страну, а присвоив над ней власть, разорили неисчислимое множество храмов с идолами; многие церкви, обращенные турками в мечети во славу их Магомета, лишились прежних своих прав и владений. Скорбно слышать и видеть такое.

У язычников этой Индии есть пророчество, что мы, латиняне, покорим весь мир.

В этой Индии население рассеяно, одни здесь, другие там, и некоторые утверждают, будто они христиане, а на самом деле они некрещеные и в вере ничего не смыслят. Мало того, — верят они, что великий святой Фома это и есть Христос.

Здесь, в этой Индии, я крестил и обратил в истинную веру триста душ, и многие из них были язычниками и сарацинами.

Ведомо, что среди язычников человек может без опаски проповедовать слово божье, и на всем Востоке не возбраняется где бы то ни было крестить идолопоклонников, будь то татары, индийцы или иные народы.

Эти идолопоклонники служат своим богам таким образом: есть у них некто, слывущий жрецом; носит он длинную, до самой земли доходящую рубаху, а поверх нее у него белый стихарь (planeta) наподобие нашего. За жрецом следует клирик в рубахе, со скамейкой в руках, и эту скамейку он то и дело ставит перед жрецом, и тот всякий раз опускается на колени, попирая ими скамейку. Такие преклонения жрец начинает, подходя [к идолу] и будучи еще далеко от него, а в руках он при этом держит блюдо шириной в два локтя, полное всяческой снеди, и на блюде этом горят свечи. С молитвой приближается жрец к алтарю, на котором сидит идол, и ставит перед ним сообразно с обычаем блюдо, а затем берет жертвенное яство и сует его в руки идолу, остатки же делит и съедает свою часть.

Идолам придают обличья тварей, [живущих в землях] идолопоклонников, но есть у них, сверх того, бог, сделанный по их собственному подобию. Истинно говорю, — над всеми богами ставят они бога всемогущего, творца всех прочих богов. И верят они, что мир существует уже двадцать восемь тысяч лет³⁶.

Индийцы как в этой, так и в других Индиях никогда не убивают быков и, сказать по правде, почитают быков, как родного отца, а кое-кто с великим рвением им поклоняется. И готовы здесь люди пощадить быка, умертвившего пять человек, но горе пяти человекам, убившим одного быка. Говорят, что поднять руку на быка столь же дерзновенно, как на отца родного. И повелось так потому, что всю работу у них делают быки, и от [коровьей породы] получают они молоко, масло и прочую пищу.

Знатные господа, равно как и все иные идолопоклонники, пробуждаясь и прежде чем куда-нибудь пойти, зовут наи жирнейших коров и возлагают на них руки; а затем трут руками лицо, веря, что после этого не коснется их никакое зло.

Но довольно о Малой Индии, ибо и года не хватит, чтобы описать все, что здесь есть. Истинно, что, сколько ни есть тут черных мужчин и женщин, все они красивы.

Скажу вот что о Великой Индии: схожа она с Малой тем, что люди в ней все черные. Звери также более или менее сходны, однако в Великой Индии множество слонов. Просто чудо эти слоны. Величиной, дородностью, силой, умом превосходят они всех зверей на свете. Голова у слона большая, глаза маленькие, меньше, чем у лошади, а уши, как у филина или летучей мыши. Нос свисает до земли, а начинается на лбу, и из пасти высовываются далеко вперед два огромных зуба, толстых и длинных, и коренятся они в верхней челюсти.

Этот зверь ничего не делает без приказа; стоит только хозяину сказать: «делай это», и слон делает, и так и кажется, что не скотина это, а существо, наделенное разумом. А ноги у него громадные, о шести копытах, как у быка или, скорее, как у верблюда.

Зверь этот может с помощью деревянного приспособления перетаскивать ноши, которые не под силу даже тридцати носильщикам, и это смиреннейшее животное искусно в бою, так что на войне слон стоит пятисот и более воинов, ибо к зубам его привязывают сабли или железные клинья, которыми он и наносит удары. Страшен слон в бою. Две силы есть в мире, с которыми нельзя совладать оружием: первая сила — огонь небесный, вторая — камень [метательной] машины; слон же — это третья сила, и никому не дано выдержать, да и никто на это не отважится, натиск слонов. Удивительная вещь! Он становится на колени, ложится, садится, приходит и уходит по велению своего хозяина. Слов нет, чтобы описать, к чему способен этот зверь.

В этой Индии есть перец и имбирь, корица, красящее дерево и прочие все пряности. Имбирь — это корень травы с листьями, как у камыша. Перец — плод и семя травы, которая, подобно дикому винограду, взбирается на деревья; плоды же такие, как у дикого винограда, и сперва они зеленые, а в зрелости совсем черные и морщинистые, как в этом вы сами можете убедиться. Таков длинный перец. Не думайте, что там, где растет перец, его варят или готовят на огне.

А корица — это кора большого дерева с цветами и плодами, как у гвоздики³⁷.

В этой Индии много островов; слышал я, что из них

более десяти тысяч обитаемы. И одно из чудес — это [остров] Силем [Цейлон], и там множество драгоценных камней, наилучших в свете и самых разных.

Между этим островом и материком ловят жемчуг, или маргарит, в количестве просто удивительном. Так, порой три месяца подряд на ловле бывает восемь тысяч барок или кораблей. И вылавливают здесь столько жемчуга, что и поверить этому невозможно, если сам своими глазами такое не видел ³⁸.

Скажу теперь о птицах: они отличаются от птиц Малой Индии, и цвета они иного, ибо тут есть птицы сплошь белые, как снег, и сплошь красные или багровые, как гранат, и сплошь зеленые, как трава, и пестрые, и так много их и так красивы они, что и сказать трудно.

Попугаи здесь всех цветов, вот только черных никогда не бывает, но есть совсем белые и сплошь красные или зеленые, а у некоторых перья всех этих цветов. И воистину, птицы этой Индии — райские создания.

В этой Индии, в пору, когда я жил в Колумбе, поймали двух котов с крыльями, как у летучей мыши; в Малой же Индии водятся крысы с лисицу величиной, и они ужасно ядовиты ³⁹.

В этой Великой Индии растут деревья с такими большими листьями, что в тени каждого из них свободно могут укрыться пять или шесть человек ⁴⁰.

На упомянутом острове Силем у одного могущественного короля есть драгоценные камни всех видов, какие только существуют под небесами, и в таком количестве, что и поверить этому трудно. И есть у него два рубина, причем один из них он носит на шее, а другой на руке, которой вытирает бороду и губы; и этот рубин в длину больше, чем ладонь с четырьмя сжатыми пальцами, если измерять ее в ширину, и когда рубин на руке, видно, что каждая грань его длиной с палец. Думаю я — во всем мире нет камней, подобных этим двум, а среди рубинов нет им равноценных.

Есть другой остров, где все мужчины и женщины нагие; там в ходу золотые монетки, мелкие, словно песчинки. А из тканей, которые островитяне приобретают, делают они стены в своих жилищах. И они ничем не покрывают тело и не прикрывают срам ⁴¹.

И есть другой остров, прегромаднейший, и название ему Яна [Ява], а в окружности он семь [тысяч] миль, и

слышал я, что там много великих чудес. И среди этих чудес, наряду со столь прославленными благовониями, самое большое — малорослые люди: высотой они, как дети трехлетние или четырехлетние, и тело у них сплошь покрыто шерстью, как у козлов. Их очень мало, и живут они в лесных чащах ⁴².

На этом острове водятся белые и очень красивые мыши. Есть там деревья, на которых цветет гвоздика, и когда они в цвету, то испускают столь сильный аромат, что гибнет всякий, кто в тех местах окажется, если только не зажмет нос и рот. Растут там кубеба и мускатный орех и маис [mazagos] и все прочие прославленные пряности, за исключением перца ⁴³.

В некоторой части этого острова с превеликим наслаждением едят белых и жирных людей, коли удастся их захватить.

В этой Великой Индии и на островах все люди черны и тело у них обнажено выше чресел и ниже колен, и они босы. Короли все же отличаются от простого люда: они носят на запястьях золотые и серебряные кольца и золотое ожерелье на шее, а на нем множество драгоценных камней.

В этой Индии законные сыновья великих королей, или государей, или баронов никогда не наследуют достояния отцов своих; наследство переходит только к сыновьям сестер, ибо говорят здесь так: можно ли поручиться, что сыновья рождены от своего отца, — ведь жены и наложницы могут понести от других, но дети сестры всегда своей крови, и кем бы ни был их отец, ясно, что вышло дитя из сестринского чрева ⁴⁴.

В этой Великой Индии многие поклоняются идолам таким образом: если кто захворает или попадет в беду, то дает он обет идолу и клянется нерушимо оный соблюсти, коль скоро недужному полегчает. И вот, выздоровев, эти люди год, а то и два нагуливают жир, вкушая жирную пищу и разные напитки, а затем, в час праздника, осыпают себя цветами, натирают тело благовонными маслами, украшают голову белым венцом и с песнями и плясками шествуют к идолу; идола же переносят с места на место, как у нас лик святой Марии в дни рогаций ⁴⁵, и, поклоняясь идолу, держат они в руках двуручный меч, подобный ножу, которым сдирают шкуру; и, порезвившись вдосталь, заводят меч за шею, с силою

дергают его и отсекают перед этим идолом себе голову.

В этой Великой Индии, в тех местах, где я был, дни почти всегда равны ночи и в любое время года разница между ними никак не больше одного часа.

В этой Индии солнце стоит на юге целых шесть месяцев, так что тень падает к северу. А остальные шесть месяцев тень отбрасывается к югу.

В этой Индии Трамонтана [Полярная звезда] стоит очень низко; настолько, что в одном месте, где я побывал, она над землей и морем поднималась не больше, чем на два пальца⁴⁶.

Здесь, если только я не обманываюсь, в час, когда нет луны и небо ясно, почти вчетверо светлее, чем у нас.

А между закатом и зарей я, право же, видел все планеты, а влияние их зримо воочию, и по этой причине отраднo наблюдать за ними в ночную пору.

В месте, о котором я уже упоминал, всегда видна в небе, между югом и востоком, яркая и большая звезда, а называется она Канопус; в наших землях она не видна⁴⁷. А в [индийском] цикле многое привлекательно и отраднo для доброго астролога.

В этой и Малой Индиях люди, обитающие вдали от моря, в глубине страны и в лесных местах, с виду сущие исчадия ада. Едят, пьют и одеваются они совсем не так, как приморские жители.

Здесь страх сколько змей, и притом огромнейших, и всех цветов, какие только есть на свете. Диво великое: змеи эти никому вреда не причиняют, а если такое и случается, то очень редко; первыми же никогда не нападают.

Здесь водятся осы, занятие коих состоит в том, чтобы убивать большущих пауков, где бы те ни гнездились; осы зарываются в глубокие норы, выкапывая их сами, и в них так надежно хоронятся, что никому на свете не удается раскопать эти осиные убежища.

Водятся здесь мельчайшие муравьи, белые, как шерсть, а зубы у них столь крепкие, что ими прогрызают они дерево и каменные толщи и, коротко говоря, уничтожают все сухое, что лежит на поверхности, а также шерстяные и хлопчатые ткани. Из тончайшего песка строят они корки на манер стен, и корки эти даже солнце не разрушает, а таким способом укрепляют муравьи свои убежища. И чистая правда: коль скоро корка раз-

рушается и солнце проникает внутрь, муравьи сразу же погибают⁴⁸. Червей здесь множество, и удивительных, просто не знаю, как и сказать о них.

Есть также в этой Индии птица, похожая на коршуна: у нее белая голова и белое брюшко, спинка же красная. Она смело выхватывает рыбу из рук рыбаков и грабит кого попало, так что повадкой своей подобна собаке.

Есть тут и другая большая птица; она на коршуна не похожа и летает только по ночам, причем в ночную пору голосит, словно человек, вопиющий из бездны. К слову скажу, что довелось мне слышать, будто здесь по ночам очень часто сам дьявол говорит с людьми⁴⁹.

Все чудесно в этой Индии, и, поистине, это иной мир. Есть также в этой Индии земля, которая называется Чампа [Тьямпа], и в той земле слоны служат вместо верблюдов, лошадей, мулов и ослов, и все там делают с их помощью.

Удивительно, что среди диких слонов в обычае биться войском на войско, и они вызывают друг друга на бой; и иной раз выходит на сечу сотня против сотни (когда меньше, когда больше). Впереди бьются самые что ни на есть сильные, крупные и отважные слоны, и так жестоко они дерутся, что на поле битвы остается по сорок-пятьдесят мертвых и раненых слонов. И вот что поразительно: говорят, будто побежденные слоны никогда не вступают сызнова в бой.

Этот зверь, по той причине что дорого ценится слоновая кость, в почете, будь он живой или мертвый. Ловят же только крупных и изрядно упитанных слонов, пренебрегая мелкими, и делают это удивительным образом: возводят квадратом крепчайшие стены и в них оставляют несколько ворот, преграждая эти ворота толстейшими бревнами.

Затем обученную слониху заводят в то место, где пасутся дикие слоны, и ей показывают зверя, которого хотят поймать, и внушают ей, чтобы она его завлекла [в ловушку]. Слониха, приваживая слона, трется об него, лижет его и уводит за собой; слона пропускают во внешние ворота, тотчас же закрывают их, и пока слон пытается через эти ворота пробиться, слониха выходит другими воротами, а за ней их сразу же закрывают, как это делают с первыми воротами. Слон, таким образом, ока-

зывается в плену. Затем приходит человек, одетый в черное и красное, лицо же у него закрыто. Он жестоко бьет слона и вопит во всю глотку; так кричат разве только, когда изловят вора. И бьет он слона дней пять или шесть, и зверю не дают ни есть, ни пить. Потом является другой человек, в одежде другого цвета и с открытым лицом, и он сперва бьет и гоняет слона, а затем подходит к нему, заговаривает с ним, скребет его длинной жердью, чистит его, кормит, и мало-помалу за десять или пятнадцать дней слона укрощают, а через двадцать дней его можно уже выводить и обучать.

В этой Великой Индии двенадцать и даже больше королев-идолопоклонников, а один могущественный король правит землей, где родится перец, и королевство его называется Молебар [Малабар]. И есть король в земле Сингуили [Кранганор? Каин Кулам?] и в земле Колумб; имя этого последнего короля Мингуа, а королевство его в Маабаре. И есть еще король Малепатама, королевство же его называется Малепор [Майлапур?], и там ловят жемчуг в несметном количестве. Еще один великий король правит на Силеме — острове, где тьма драгоценных камней. А на острове Яна, где добрые пряности, три или четыре короля. Сверх того, есть и другие короли, к примеру король Теленка [Теленгана?], великий и могущественный. А королевство Теленк богато хлебом, рисом, сахаром, воском, медом, плодами и овощами, яйцами, козами, буйволами, молоком и коровьим, а также иным маслом, плоды же там самые разные и вкусные, и всего этого добра в той стороне больше, чем где бы то ни было в Индии.

И есть еще королевство Маратха, поистине великое, и король в земле Батигала [Бхаткал], но он [не идолопоклонник], а сарацин. Много также королевств в Чампе [Тьямпе?]⁵⁰.

Что еще сказать? Сколь велика эта Индия, не могу и выразить. Ладно, кончаю, и так уже достаточно сказано об Индии Великой и Малой.

Об Индии Третьей

Скажу теперь об Индии Третьей. Говоря по правде, не был я в ней и не видел ее, но от тех, кто достоин доверия, немало наслышался я о многих тамошних чу-

десах. Истина, что в той стране тьма драконов, а у них на головах блестящие камни, называемые карбункулами. Драконы живут в золотых песках; растут они очень быстро, а из пасти исходит дух зловонный и тлетворный, густой, словно дым костра.

Временами собираются эти драконы вместе и, распуская крылья, пробуют взлететь ввысь, однако по воле божьей, а она безмерна, низвергаются на свою погибель в реку, вытекающую из рая.

Везде окрест выжидают, когда наступит драконов час, и, заметив, что какой-то из драконов низвергся в реку, отсчитывают семьдесят дней, а затем спускаются к берегу, отыскивают кости драконовы, с которых давно уже сошло мясо, и забирают карбункулы, что сидят в черепаках, и камни доставляют императору Эфиопии, а его вы называете пресвитером Иоанном⁵¹.

В этой Третьей Индии есть птицы, которые называются рок, и так велики они, что могут поднять на воздух даже слона. Сам я встречал человека, говорившего мне, что ему довелось видеть одну такую птицу и что крыло у нее было длиной в восемьдесят пядей⁵².

В этой Индии водятся настоящие единороги, величиной с лошадь; на лбу у них толстый, острый, но короткий рог, сплошь твердый — в сердцевине его нет мозга. И говорят, так свиреп этот зверь, что может он одолеть слона, а поймать его невозможно никому, кроме юных девственниц. Мясо этого зверя, откуда бы его ни вырезать, удивительно вкусно и обладает целебной силой⁵³.

Много там иных разных зверей; есть зверь наподобие кота, и пот у него благоуханнее любых благовоний, а собирают его так: повадка есть у этого зверя тереться о какое-нибудь дерево; на коре остается сгущенный пот, и его люди собирают и уносят⁵⁴.

Говорят, что между Индией и Эфиопией, ближе к востоку, расположен рай земной и из него вытекают четыре райские реки, а в этих реках великое множество драгоценных камней и тьма золота⁵⁵.

Здесь водятся змеи, иные рогатые, иные украшены драгоценными камнями.

Люди той страны чернейшие из черных и жирные, но малорослые, и у них толстые губы, плоский нос, выступающий вперед лоб трубой формы, а ходят они наги-

шом. Я видел много таких людей; они охотятся на самых страшных зверей — львов, пантер, леопардов и на ужаснейших змей; стало быть, свирепейшие идут на свирепых.

В этой Индии есть амбра, а она подобна древесине, и запах у нее чрезвычайно приятный; называют ее морской геммой, или сокровищем моря⁵⁶.

Здесь есть также звери, похожие на ослов, и они исполосованы поперек белым и черным, так что одна полоса белая, а другая черная; очень красивы эти звери.

Говорят, между этой и Великой Индией есть остров, где попеременно живут одни лишь мужчины или одни лишь женщины. Жить же совместно они долго не могут, разве только от силы дней десять-пятнадцать, и когда после этого рождаются мальчики, их отсылают к мужчинам, девочек же женщины оставляют у себя, на своей земле⁵⁷.

И есть много островов, на которых обитают люди с песьими головами; говорят, однако, что женщины на тех островах очень красивы.

Поражает меня, сколь разнообразны эти острова.

Ну, хватит, пожалуй, говорить о Третьей Индии и [ее] островах.

О Великой Аравии

Не много смогу я рассказать о Великой Аравии, где довелось мне побывать; вот, разве, что родится там ладан и мирра, лучшие в свете⁵⁸.

Жители этой Аравии все как один черные, худые и стройные, а говором и голосом они, как малые дети. Живут они в пещерах и ямах, едят рыбу и траву да еще разные коренья.

В этой Аравии лежит великая пустыня, бездорожная и очень сухая.

Об Эфиопии скажу, что земля эта весьма обширная и жаркая и там много разных чудовищ, таких, к примеру, как грифы, а они стерегут золотые горы. В Эфиопии водятся змеи и прочие ядовитые твари, огромные и без меры вредные. Там многое множество драгоценных камней; думаю, государь этой страны сильнейший на свете и нет ему равного в достатке: ни у кого нет столько золота, серебра и драгоценных камней, и, говорят, ему подвластны пятьдесят два короля богатых и могуще-

ственных. Он правит всеми соседними землями, лежащими к югу и к западу.

В этой Эфиопии есть две огненные горы, а промеж них — золотая гора. Все эфиопы — христиане, хоть они и еретики. Довелось мне повидать многих людей из этих земель, и вел я с ними беседы.

Говорят, султан Вавилонии ежегодно платит императору Эфиопии пятьсот тысяч дукатов дани. Другого ничего сказать об Эфиопии не могу, ибо в ней я не был.

О Великой Татарии

О Великой Татарии расскажу то, что слышал от людей, достойных доверия, а именно, что она очень богата, очень справедлива [justissimus] и очень обширна. В ней четыре царства, столь же великие, как французское королевство, и густонаселенные. В государстве этом всякий, кто не может добыть себе на жизнь, вправе, если он того пожелает, до конца дней своих получать пищу и одежду от царя. В этом государстве имеет хождение бумага, припечатанная черными чернилами [papirus signata cum incaustro nigra]; с ее помощью можно получить золото, серебро, шелк, драгоценные камни и все, что только душе угодно⁵⁹.

В этой империи есть храмы с идолами и мужские и женские монастыри, подобные нашим, и там постятся и молятся совсем на наш манер, а главные жрецы этих идолов ходят в красных одеждах и красных шляпах, как наши кардиналы. Просто невероятно, сколь роскошна, пышна и величава служба идолам и сколь изрядно при этом пляшут.

Покойников там не сжигают и не хоронят в земле лет по десять; кое-кто так поступает, не имея на что оплатить погребение и нужные церемонии; поэтому держат они покойников у себя, в своем доме, и кормят их, как живых.

Знатных господ хоронят вместе с конем и с одним или двумя слугами из числа самых любимых, а слуг этих в час похорон убивают⁶⁰.

В этой империи, как довелось мне узнать от очевидцев, много огромных городов. Один такой город называется Гиемо, и говорят, что и за день его не пересечь по прямой, даже едучи верхом.

Слышал я, что у этого императора есть двести городов, больших, чем Тулуза, и я убежден, что и жителей в них поболее.

Народ в этой империи на диво покорный, опрятный, вежливый и щедрый.

В этой империи есть ремень и мускус. А мускус — это пуповина некоторых диких зверей козьей породы; и получают мускус так: изловив зверя живьем, разрезают шкуру вокруг пупка и собирают кровь, вытекающую из раны, в ту же шкуру, сушат ее, и сушеная кровь и есть лучший в свете мускус⁶¹.

Пожалуй, об этой империи больше ничего не могу достойного внимания сказать, отмечу лишь, что там есть глазурированные чаши, прекрасные, знатные и отменные.

Когда умирает император, тело его, а также бесценные сокровища, назначенные на то, люди уносят в некое место, оставляют его там и затем убегают во всю прыть, как будто за ними гонится сам дьявол.

Потом туда приходят другие люди, и они тотчас же хватают тело и переносят его в другое место таким же образом; затем являются новые люди, и все начинается сызнова, и так ведется до тех пор, пока не доставят тело в то место, где его должно похоронить. А делается все это потому, что место, где похоронен император, и все достояние его сокровенны и никто не должен знать про них.

О кончине императора не сообщают до тех пор, пока не утвердится на престоле новый властитель, а его родичи и князья [выдвигают] втайне.

В раздаче милостыни этот император щедрее всех государей, какие только есть на свете. Люди, подвластные императору, по большей части идолопоклонники.

О Халдее

Не много скажу я о Халдее — только упомяну о самом великом чуде, а чудо это вот какое: есть там одна земля (в ней некогда стоял Вавилон, ныне разрушенный и опустелый), где водятся волосатые змеи и звери-чудища. В этой же стране по ночам слышатся такие вопли, такие завывания и такой свист, что мнится, будто исходят они из ада. Ни один человек, будь с ним даже

большое войско, не осмелится провести здесь ночь из-за привидений и ужасов неисчислимых.

Здесь, когда я был в этой земле, видели черепаху, которая на спине несла пять человек⁶².

Есть тут страховиднейший двуглавый зверь; однажды он переплыл Евфрат и преследовал жителей по ту сторону реки. Водятся здесь скорпионы такие громадные, что о них боязно слышать; думаю я, эта земля — обиталище демонов.

О земле Аран

Ничего не скажу об Аране — нет там ничего примечательного.

О земле Моган

Из земли Моган пришли на поклон к господу три волхва. И там в одном месте, а называется оно Баку, копают колодцы, из которых извлекают и вычерпывают масло; называется оно нефть, и горячее это масло, и целебное, и хорошо горит.

О горах Каспийских

Скажу о Каспийских горах, что там на кресте приносят в жертву овец, и делают это люди, называющие себя христианами, хотя вовсе они не христиане. Ничего не смыслят они в вере. В этих горах живет более пятнадцати разных народов⁶³.

О земле Георгии [Грузия]

О Георгии [скажу]: во всем она сходна с нашей страной; все там христиане и люди воинственные.

О расстояниях земных

Вкратце скажу о земных расстояниях. Знайте, что отсюда до Константинополя примерно три тысячи миль или больше.

От Константинополя до Таны, или Татарии, тысяча миль, и все морем, если идти к востоку⁶⁴.

Персидская империя начинается в Трапезунде, городе греков, лежащем в последнем заливе Великого моря. Протяжением эта империя велика, ибо она владеет Малой Азией, Киликией, Мидией, Каппадокией, Великой Арменией, Ликией, Халдеей, Георгией и частью Каспийских гор и Могана, откуда пришли на поклон к Христу три волхва, и доходит до Железных ворот и [в нее входит] вся Персия с частью Малой Индии. Так что эта империя в ширину простирается от Черного моря до моря Индийского, и столь велико это расстояние, что на лошади преодолеть его можно только за девяносто, а то и более дней⁶⁵.

А Малая Индия в каждую сторону тянется на шестьдесят дней пути; она поистине почти вся ровная.

Корабли же в этих Индиях просто одно диво, ибо даже самые что ни на есть крупные не скрепляются железом, а связываются нитью, изготовленной из особой травы. На кораблях никогда не бывает палубного настила, они открытые; внутрь набирается столько воды, что по большей части, а порой и всегда люди вынуждены стоять в слякоти и вычерпывать воду.

Катай—это громаднейшая империя, протяженность ее более чем сто десять дней пути, и там правит лишь один государь; совсем наоборот дело обстоит в Индии, где множество королей и князей, и нет ни одного из них, кто не считал бы себя зависимым от какого-либо государя⁶⁶.

А Эфиопия чрезвычайно велика, и, не кривя душой, скажу, что народу там по крайней мере втрое больше, чем во всем нашем христианском мире⁶⁷.

Слышал я, что между двумя татарскими империями, а именно между той, что прежде называлась Катаем, а теперь называется Обсет, и Гатсарией лежит империя Дувы и Кайды, некогда [царя] Капака, ныне Эчигадея, и она тянется на двести и более дней пути⁶⁸.

Корабли, которые ходят в Катай, опромны и вверху у них более ста камер, а при попутных ветрах несут они по десять парусов. И эти корабли весьма прочные, ибо у них тройная дощатая обшивка: первая—как на наших кораблях, какие побольше, вторая—поперечная, третья—снова продольная и сработана крепко. Однако далеко в море индийские корабли никогда не заходят.

Это Индийское море очень тихое, бури на нем бывают редко, и, когда оно неспокойно, наши корабли дожи-

даются доброго часу; по правде скажу, один из наших латинян плавал в [этом] море по сто и более дней ⁶⁹.

Греция также очень пространна, но не знаю, за сколько дней ее можно проехать.

В завершение же скажу: нет земель лучших и столь прекраснейших, населенных столь честным людом, чем в нашем, христианском мире; у нас и пища приятнее и вкуснее, одежда добротнее, и нравы благороднее, и обычаи лучше. Превыше же всего наша вера, хотя она и плохо соблюдается; бог свидетель — живущих у нас [христиан] вдесятеро достойнее те, кого обратили в нашу веру братья проповедники и минориты, и это я говорю по собственному опыту и в том убежден совершенно твердо.

А касаясь обращения [в католичество] этих индийских людей, скажу, что буде нашлось двести или триста добрых братьев, ревностных в проповеди нашей веры и делу преданных, то и года не прошло бы, как десять тысяч, а то и более индийцев обратились бы в истинную веру. По тому сужу, что я, живя среди этих схизматиков и неверных, обратил в нашу веру, как полагаю, тысяч десять душ или около того. Но, будучи в малом числе, мы не можем посетить многие страны и удержать их в вере, а по этой причине (о горе!) гибнут многие души. Сверх того, немало душ обречено на погибель, ибо плохо проповедуется слово божье. Скорбь и печаль одолевают сердце, когда слышишь, что каждодневно проповедники коварнейших и богом проклятых сарацин везде на Востоке совращают в свою ложную веру разные языческие секты. А нас они преследуют и на нас возводят хулу, и нас бросают в узилища, и побивают камнями; сам я все это испытал, ибо четырежды заключали меня в темницу и рвали мне волосы, и бичевали меня, и побивали камнями; богу все это ведомо, а также и мне, испытавшему за грехи свои такое поношение. Но не дано мне было закончить дни мои, приняв мученический венец, сподобились его четверо моих спутников.

Уповаю во всем на волю господню. Скажу также, что пятеро братьев проповедников и четверо миноритов, в мое время бывших там, за католическую веру приняли жестокую смерть.

Горе мне, ибо не был я с ними! ⁷⁰.

Превыше всего верю, что король Франции может для себя и на благо веры христианской покорить весь мир без какой бы то ни было помощи со стороны⁷¹.

Об острове Хиос

Был я на острове, который называется Хиос; там родится мастика в большом изобилии, и нигде в другом месте ее не дают мастичные деревья. А мастика — это сок весьма благородного дерева.

Владел этим островом могущественный генуэзец, добрый моряк по имени Мартин Заккария, и он перебил и взял в плен более десяти тысяч турок.

Увы, о горе! Вероломный император Константинополя, грек, изменой захватил остров; прискорбно это, тем более что он схватил самого Заккарию и держит его в неволе⁷².

О Турции

Был я также в Турции, в одном замке, который стоит на берегу моря, на материке, а владеет им знатный генуэзец Андреоло Катани.

У него семьдесят всадников и четыреста пеших воинов, и много вреда причинил он туркам. Здесь добывают квасцы, без которых нельзя как следует окрасить какую бы то ни было ткань, и делают это удивительным образом; просто ума не приложу, человеческий ли разум или дух святой такое могли придумать. А способ этот вот какой: собирают камни, но не обычные, а пригодные для дела, таких же камней очень мало. Их обжигают, как кирпичи или глиняные горшки, несколько дней на сильном огне, а затем раскладывают на просторной площадке и сверху поливают трижды или дважды в день, и так делают на протяжении целого месяца непрерывно. И камни становятся как известь, а тогда кладут их в большие котлы с водой и огромными железными ложками достают со дна осадок. Потом делают из гипса большие квадратные плоски и в эти плоски сливают из котлов воду; сгущаясь, она дает нечто вроде кристаллов, и так образуются квасцы.

В этой Турции есть семь церквей, о которых писал в Апокалипсисе блаженный Иоанн. Он велел похоронить

себя в Эфесе, куда пришел и откуда бесследно исчез. В этой Турции, которая называется Малой Азией, живут турки и в малом числе греки-схизматики и армяне. Турки — наивероломнейшие сарацины, и они хорошие лучники, а среди прочих народов слынут забияками и предателями. Земля же эта очень плодородна, но не обработана, ибо турки о ней не заботятся.

Примечания

¹ Индия Наибольшая см. «Топографический указатель».

² Здесь Журден описывает Мессинский пролив с его чрезвычайно сильными приливо-отливными течениями (скорость их достигает 9 км в час). В древнегреческой мифологии с этим бурным проливом связывалось предание о Сцилле и Харибде.

³ Негропонт, или Эвбея, — крупнейший греческий остров в Эгейском море. Отделен от материка узким проливом Эврипу, в котором, так же как в Мессинском проливе, бывают постоянные и быстрые приливо-отливные течения. В то время когда Эвбею посетил Журден, там правили венецианцы, которые в первой половине XIV в. господствовали в западной части архипелага.

⁴ Фивы действительно очень «неустойчивый» город. В год здесь в среднем регистрируется 300 толчков, причем порой землетрясения достигают большой силы (7—8 баллов).

⁵ Журден здесь описывает гору Арарат, с которой связано множество легенд, в частности легенда о ноевом ковчеге. Марко Поло в версии его повествования, воспроизведенной в издании Рамузио, также отмечает, что гора эта неприступна и что ее и в «два дня не обойти кругом». Покрытая вечными снегами вершина Арарата (5156 м) действительно труднодоступна.

⁶ Журден говорит здесь об апостолах Варфоломее, Симоне и Фаддее-Иуде, тезке Иуды Искарюта. В произведениях житийной литературы с местами мученической кончины этих мифических личностей дело обстоит весьма неблагоприятно. Персия, Армения, Палестина и Малая Азия указываются в различных житиях как страны, где Варфоломей и Симон сподобились мученического венца. Журден передает армянские версии страстей апостольских; в одной из армянских легенд армянскому царю Санатруку (I в.) приписывается умерщвление апостолов Варфоломея и Фаддея и собственной своей дочери Сантух (Скала у Журдена). «Блаженный Иаков-мученик», о котором ниже говорит Журден, по мнению Кордые, апостол Иаков Старший. Думается, однако, что Журден имел в виду другого Иакова — Иакова великомученика, перса родом, которого, по преданию, зарубили мечом при сасанидском царе Йездигерде I.

⁷ Армения приняла христианство в самом начале IV в., причем инициатором этой акции был армянский царь Тиридат III (287—330), который в первые годы своего правления был жестоким гонителем христиан. Апостольскую миссию Тиридат III принял на себя, чтобы подорвать позиции армянского жречества, опиравшегося на поддержку главных врагов Тиридата — правителей сасанидского Ирана. Папа Сильвестр (314—335) и римский император Кон-

стантин (306—337) пришли к власти спустя несколько лет после крещения Армении. Святой Григорий (Григорий Просветитель) считается основателем армянской церкви. По преданию, Тиридат III, который свое царствование начал гонениями на христиан, бросил Григория в ров, желая уморить его голодом. Одна благочестивая женщина тринадцать лет тайно кормила узника и спасла его от смерти. Между тем Тиридат впал в безумие, и, когда попытки исцелить его не увенчались успехом, ко двору был призван Григорий, который сперва излечил царя, а затем крестил его. Эта житийная версия не соответствует фактам. Несомненно, однако, что Григорий был личностью выдающейся и сыграл большую роль в истории принятия христианства Арменией. Он был первым епископом ее, и после смерти Григория его кафедра долгое время переходила по наследству потомкам этого энергичного церковного и государственного деятеля.

⁸ Армянская церковь в V—VI вв. отделилась от «вселенской». По имени Григория Просветителя, ее обычно называют грегорианской. В XII в., в пору беспрестанных вторжений турок-сельджуков, общие интересы связали армянских светских и духовных феодалов с крестоносцами, обосновавшимися близ южных границ армянских земель. В результате в Армении усилилось влияние западной, католической церкви. Часть армянских клериков и многие миряне приняли католичество, сохранив, однако, некоторые грегорианские обряды. Этих армян-униатов Журден и противопоставляет «армянам-схизматикам», сохранившим верность своей старой церкви. Захарий — архиепископ диоцеза «святого Фаддея»; некоторое время его резиденция была на одном из островов озера Ван. По преданию, на этом острове покоятся останки апостола Фаддея. Захарий, перейдя в католичество, стал наиболее рьяным проводником папской политики в Великой Армении, о чем свидетельствуют сообщения армянского хрониста XIV в., францисканца Даниила Тавризского («Recueil...», t. II, p. 561).

⁹ «Император Персии». Журден имеет в виду монгольских ильханов, правивших в то время в Иране. Армения (точнее, две Армении: Великая и Киликийская) находилась тогда в вассальной зависимости от ильханов.

¹⁰ «Горчайшее мертвое море» — это бессточное озеро Урмия (Резайе) в горах Северо-Западного Ирана. По степени солености оно может сравниться с палестинским Мертвым морем; воды его содержат в пять-шесть раз больше солей, чем обычная морская вода. По местным преданиям, на одном из островов Урмии зарыты сокровища хана Хулары (d'Ohsson, *Histoire des Mongols...*, t. III, 1834, p. 257).

¹¹ Монголы впервые проникли на Кавказ в 1220 г. В 1230—1231 гг. монголы потревожили Великую Армению, но страна эта особенно пострадала в 1236 г., когда они завоевали ее в ходе опустошительного вторжения. Монголы сожгли почти все армянские города и уничтожили столицу Великой Армении, город Ани, которому уже не суждено было оправиться после этого разгрома. ([А. Г. Галстян], *Армянские источники о монголах*).

¹² В Иране в 1321 г. насчитывалось 12 францисканских и 1 доминиканский монастырь. Думается поэтому, что Журден несколько приуменьшил данные о численности христиан в Тебризе и Султании.

¹³ Онагры из семейства лошадиных — родичи куланов, или диких ослов Центральной Азии. Незадолго до путешествия Журдена, в 1291 г., иль-хан Аргун послал Филиппу IV онагра, и об этом до той поры не виданном в Европе звере сохранилась полная изумления запись в анналах Пармы, через которую камер-лакей Филиппа IV Робер де Санлис проследовал с длинноухим иранским гостем («*Monumenta Germaniae SS...*», t. XVIII, p. 709). Онагры обитают на полупустынных нагорьях и держатся стадами. Они отличные бегуны и могут развить скорость порядка 75 км в час. В Иране травля онагров была излюбленным видом охоты.

¹⁴ Ляпис-лазурь — лазурит, полудрагоценный камень темно-голубого цвета. С незапамятных пор лазурит добывается в Бадахшане (Памир). Через Иран и города Средней Азии лазурит в античные времена и в средние века шел в различные страны Средиземноморья.

¹⁵ Журден напрасно обижает иранцев: в искусстве изготовления шелковых тканей они ни в чем не уступали мастерам Сиены, Флоренции и Сицилии, где шелкоткацкое ремесло развилось на много столетий позже, чем в Иране. В Ширазе и Йезде изготовлялись прекрасные шелковые ткани (И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране...*). Золота в иранских реках было немного, но иранцы добывали этот драгоценный металл из россыпей еще в глубокой древности.

¹⁶ Конечно, цифры эти совершенно неприемлемы; их следует удесятерить.

¹⁷ Речь идет в этом месте не об иранцах, а о монголах. Примерно так же описывает трапезы монголов Плато Карпини.

¹⁸ Кич — по-персидски смола, деготь. Г. Юл не мог объяснить значения слова *regua*. Однако в словаре средневековой латыни Дюканжа термин этот приводится со значением *смола, деготь* и со ссылкой на одну марсельскую хартию 1247 г., написанную на вульгарной латыни. Кордые отмечает, что в том же значении слово *regua* встречается у Данте.

¹⁹ Здесь идет речь о манне — отвердевшем соке некоторых растений. В Иране манну чаще всего собирают с молодых побегов тamarиска и с верблюжьей колючки. Местные жители используют манну как лакомство и как лекарство. Юл приводит интересную выдержку из географического описания Персии английского путешественника Макдональда Киннейра, который отмечал, что выделения, подобные манне, дают некоторые насекомые, живущие в листве низкорослых кустарников. Однако персидское название манны — гз (тамариск) свидетельствует, что продукт этот имеет в основном растительное происхождение. Манну обычно собирают в августе и сентябре.

²⁰ По средневековому счету, половина третьего часа соответствует 9 час. 30 мин. утра.

²¹ В оригинале: «*pec habent pro indumento nisi panum unum bombacinum*». Перевод Кордые: *ils n'ont pour vêtement qu'un lambeau de soie*. Однако *bombacinum* — это не шелк, а хлопчатая ткань, папирус, бумага (см. словарь Дюканжа). Да и вряд ли нищие и обездоленные обитатели «Малой Индии» прикрывали свои чресла шелком. Дешевыми же хлопчатыми тканями Гуджарат в XIII—XIV вв. снабжал почти всю Южную Азию.

²² Юл в поправках к своему переводу Журдена указывал, что «сагиной в Индии называют азиатское просо или сорго, которое мы в Индии называем джовар». Сорго — злак, издревле культивируемый в тропиках и субтропиках. Отличается крепким стеблем, высотой до 4—5 м и дает круглые, твердые и гладкие буровато-красные семена. Сорго легко переносит засуху, и поэтому его охотно сеют на неорошаемых землях.

²³ Лошади, мулы и верблюды в «Малой Индии», т. е. в современном Западном Пакистане и Гуджарате, были, но в гораздо меньшем количестве, чем в Иране.

²⁴ Чаки — плоды, которые дают произрастающие в Индии разновидности хлебного дерева. Индийцы называют этот плод джаком. Юл и Барнелл в словаре разговорных англо-индийских терминов указывают, что название джак происходит от слова чакка: так плод хлебного дерева называется на языке малаялам, на котором говорят в Малабаре (Hobson Jobson, p. 440). Журден, таким образом, приводит местное название этого плода. Описание Журдена очень точно: действительно, плоды хлебного дерева достигают огромной величины (до 20—25 кг весит каждый плод). В Индонезии урожаем с одного дерева кормится обычно семья из двух-трех человек в течение всего года. Мариньолли и Порденоне называли этот плод чакабаруа и шабасси.

²⁵ Блоки — по-видимому, плоды одной из разновидностей того же хлебного дерева. Арабский путешественник XIV в. Ибн Батута упоминал о плодах барки, более сладких, чем шаки (джаки) («Voyages d'Ibn Batuta», t. III, p. 127). Мариньолли говорит об обоих этих плодах как об одной и той же разновидности.

²⁶ Аниба, или манго, — плод мангового дерева. Считается одним из вкуснейших плодов тропических стран. Название аниба, видимо, происходит от названий ам, амба, которые в ходу в северной части западного берега Индостана, в районе Гоа и Бомбея. Мариньолли называет плоды манго амбураи.

²⁷ Наргиль — персидское название кокосовых орехов. Описание кокосовой пальмы, которое приводится у Журдена, поразительно точно и дает наглядное представление об этом универсальном дереве тропиков.

²⁸ Этот «древесный мед» называется в Индии «джаггери». Юл и Барнелл описывают его следующим образом: «Джаггери — грубый бурый или почти черный сахар, получаемый из сока различных пальм... Сахар этот добывают также из... кокосовой пальмы, и последний в западных районах Индии называется тодди» (Hobson Jobson, p. 446).

²⁹ Тарри — веерная пальма. Беллури, по мнению Юла, соответствует малабарскому названию бирала (одна из разновидностей пальм).

³⁰ Здесь описаны знаменитые индийские баньяны — родные братья наших комнатных фикусов. Советский биолог М. С. Дунин так характеризует это удивительное дерево: «Нельзя достаточно надивиться необычайному строению баньянов. Такое дерево имеет не один, а сотни, да, сотни стволов. На нем выросли и протянулись во все стороны толстые сучья. Из них отвесно вниз вырастают особые отростки „жгуты“ толщиной примерно в палец. Достигнув почвы, они укрепляются, начинают расти в толщину и вскоре превра-

щают в толстые вторичные стволы, составляющие единое целое с первичным стволом и корнями. От вторичных стволов, в свою очередь, отрастают новые ветви, продолжают расти и сучья от центрального ствола. Со временем из этих ветвей вырастают многочисленные новые „жгуты“, превращающиеся в новые стволы, и так, теоретически, до бесконечности... Как велик самый большой из всех известных баньянов? Насколько известно, такое дерево, богатый среди богатейших, имело до 4300 стволов, в числе которых было 13.0 крупных... в тени его, случалось, отдыхали отряды по 6000—7000 человек одновременно» (М. С. Дунин, *По Афганистану, Пакистану и Индии*, стр. 189—190).

³¹ Сиагойс, точнее сиягуш, — персидское название рыси. Эти черноухие рыси водятся в Индии, и они гораздо больше зайцев; длина их (с хвостом) достигает 1 м. Белая шерсть у этих рысей только на брюхе.

³² Речь идет об азиатском однорогом носороге. У азиатских носорогов рог короткий и тупой, толстая кожа разделяется на крупные пластины; в длину он достигает 3—3,2 м при высоте 1,75 м. В наши дни носороги сохранились только на южных склонах Гималаев, но в 1863 г. Юл писал, что эти животные часто встречались в лесистых местностях к югу от Ганга. В XIV в. ареал распространения носорогов был еще шире и захватывал джунгли Декана. Ибн Батута отмечал, что носороги были известны в Синде и Пенджабе; о носорогах в этих областях упоминает в своих записках основатель династии Великих Моголов Бабур (1483—1530).

³³ Colcatrix или cocotrix — названия крокодила на старофранцузском языке.

³⁴ Трудно установить, какую именно из низших каст Индии имеет здесь в виду Журден. Кордье отождествляет этих думбри с людьми касты дом, или домра, одной из самых низших кастовых групп Бенгалии, но это предположение кажется нам сомнительным.

³⁵ Сахарный тростник культивировался в средние века в Индии в значительных масштабах. Барбоза и Пириш, португальские авторы начала XVI в., отмечали, что сахар был существенной статьей торговли на рынках Камбея, Каликута, Гоа и Чаула и вывозился из Индии в Ормуз и Аден, откуда шел в страны Ближнего Востока и Средиземноморья. Рожковое дерево — вечнозеленое растение семейства бобовых, дающее сладкие плоды (рожки). Произрастает в Индии, Передней Азии и в странах Средиземноморья. Кассия — растение семейства бобовых. Плоды кассии использовались как лакомство и как слабительное средство. Пириш писал, что кассии было очень много в горах Малабара и вывозили ее через гавань Кранганур (T. Pires, *Suma Oriental*, t. II, p. 512).

³⁶ Журден уловил различие между христианским и индуистским счетом времени, но привел крайне приуменьшенную цифру, определяющую, по воззрениям индуистов, длительность существования земного мира. В индийской хронологии существует система четырех юг, или эр. Первая эра, или «рита-юга», длилась 17 280 000 лет, вторая эра, или трета-юга, — 12 960 000 лет, третья эра, или двапара-юга, — 864 000 лет и четвертая, или кали-юга, — 432 000 лет. Это «земные» юги, но существуют куда более протяженные единицы времени для измерения возраста вселенной. В основе «вселенского» сче-

та лежит так называемая махаюга, или манвантара, равная 43 200 000 годам. 2000 махаюг соответствуют одной калпе, или одним суткам, Брахмы-творца. Цифры эти, несмотря на их кажущуюся точность, свидетельствуют, что индийские мыслители субстанцию времени оценивали совсем не библейскими масштабами.

³⁷ Корица — кора вечнозеленого коричневого дерева. На Востоке лучшую корицу издавна поставлял Цейлон, но немало ее вывозилось из Малабара. Современник Журдена Ибн Батута писал, что плантации коричных деревьев часто встречаются между Каликутом и Куилоном, однако малабарская корица ценилась куда ниже цейлонской (в XVI в. — в четыре раза, см. W. Heid, *Histoire du commerce du Levant*, t. II, p. 599).

³⁸ Юл указывает, что в Индостане единственное место, известное своими жемчужными ловлями, находилось на Коромандельском берегу, у селения Тутикорин, в 90 милях к северу от мыса Коморин.

³⁹ Вероятно, «коты с крыльями» — это тагоуаны, или летающие белки, животные довольно крупные (в длину они достигают, с хвостом включительно, 90—95 см). В Индии водится множество крыс всевозможных разновидностей, но, очевидно, Журден имел в виду малабарских крыс, гулливеров крысиного царства. В длину они достигают 50 см, не считая хвоста, который ненамного короче туловища (см. также у Порденоне).

⁴⁰ Здесь Журден упоминает о дереве, пожалуй столь же примечательном, как баньян, — пальме корифе. Это стройное дерево, высотой до 20 м, несет на вершине зонтоподобный пучок гигантских листьев. «Зонтики» эти порой достигают в окружности 20—25 м, так что в тени одной пальмы могут укрыться несколько десятков человек. Листья корифы — великолепный материал для кровли хижин, и, кроме того, они с успехом заменяли древним индийцам бумагу. Писали на них острой палочкой, и «книжки», сшитые из этих листьев, сохраняются куда лучше бумажных на многие столетия.

⁴¹ Об острове голых людей говорят также Марко Поло ([Марко Поло], *Книга...*, гл. 171) и Порденоне. Марко Поло имел в виду Никобарские острова, но неясно, какие острова упоминает Журден.

⁴² О Яве гораздо подробнее пишут Марко Поло и Порденоне ([Марко Поло], *Книга...*, гл. 163). Несомненно, яванские сведения Журдена переслоены суматранскими: низкорослые, волосатые люди — вероятно, люди племени кубу на Суматре.

⁴³ Кубеба — плоды растения, родственного перцу. Кубеба ценилась ниже перца и использовалась больше как лекарственное средство, чем как пряность. Мускатный орех — плод мускатника, вечнозеленого растения высотой от 5 до 15—20 м. Плоды мускатника очень похожи на персики и содержат по одному крупному семени, которое, собственно, и называется мускатным орехом. Оно облечено в плотную темно-бурую кожуру, снаружи которой находится мясистый красный присеменник, так называемый мускатный цвет. И мускатный орех и мускатный цвет были в средние века ценнейшими видами пряностей. Гвоздика — сушеные цветковые почки гвоздичного дерева, вечнозеленого растения высотой до 15 м с кожистыми листьями и пурпурными цветами. В средние века гвоздика была одним из наиболее важных видов пряностей. Журден, разумеется, без всяких оснований наделил «убийственными» свойствами цветущие гвоздичные деревья.

⁴⁴ Счет родства по материнской линии ведется у многих народов Индии и Индонезии. В Малабаре непривычный для европейцев порядок наследования сразу же бросился в глаза португальцам, и замечания по этому поводу содержатся в трудах Барбозы, Пириша, Каштаньеды и других авторов XVI в. Впрочем, в данном случае Журден мог описывать не собственно индийские земли, а Суматру, где подобный обычай сохранился у некоторых племен до наших дней.

⁴⁵ Рогации — трехдневные молебствия в канун праздника вознесения. Примерно такой же жертвенный обычай описывает Марко Поло в Малабаре ([Марко Поло], *Книга...*, стр. 185).

⁴⁶ «Палец» (лат. *digitus*, араб. *исба*) — мера угловой высоты стояния небесных тел, равная $1^{\circ} 37'$. Французский востоковед Г. Ферран, сравнивая эти данные и данные высоты Полярной звезды, приводимые для широты Куилона арабским мореплавателем XVI в. Сулейманом ал-Макри, приходит к выводу, что Журден именно в Куилоне определял положение Полярной звезды (G. Ferrand, *Introduction à l'astronomie nautique arabe*, p. 156).

⁴⁷ Канопус (α Киля) — очень яркая звезда Южного полушария. В Европе Канопус можно наблюдать лишь на полуострове Пелопоннесе и на крайнем юге Сицилии. В Индии, в районе Куилона, Канопус прекрасно виден, и в XVI в. высота его над горизонтом была $10-15^{\circ}$.

⁴⁸ Журден упоминает здесь индийских роющих ос и термитов. Вероятно, это первое в европейской литературе описание термитов.

⁴⁹ Птица, похожая на коршуна, — королевский коршун. Эта крупная хищная птица с белой головой водится в различных местностях Индии. Птица, «вопиющая из бедны», — пепельный журавль; она действительно по ночам издает пронзительные крики (H. Cordier, *Les merveilles de l'Asie*, p. 82).

⁵⁰ Политическая география Великой Индии, абрис которой здесь дает Журден, не слишком ясна. Журден называет некоторые государства на Малабарском и Коромандельском берегах, правильно отмечая при этом, что короли Великой Индии — идолопоклонники, т. е. индуисты. Земля Сингули (у Порденоне Сингулир) несомненно какое-то малабарское княжество. Кордые полагает, что Сингули — это Кранганур (*Les merveilles de l'Asie*, p. 84). Хейд (*Histoire du commerce du Levant*, t. II, p. 661) склоняется к мнению Юла, который считал, что Сингули — это город Каин-Кулам. Колумб это Куилон. Никаких следов королевства Малепатам, или Малепор, комментаторы Журдена не нашли. Судя по тому, что в этой земле были богатые жемчужные ловли, Юл предположил, что речь идет о Каиле, городе-государстве на Коромандельском берегу. Земля Теленк это, вероятно, Теленгана, область в северо-восточной части Декана с центром в городе Варангале, описанная в главе 175 «Книги» Марко Поло как Царство Мосул. Королевство Маратха — обширная область Махараштра в северо-западном Декане, населенная маратхами. Это первое в европейской литературе сообщение о маратхах. Батигала — приморский город Бхаткал на западном берегу полуострова Индостан, к югу от Гоа. Пириш (T. Pires, *Suma Oriental*, t. II, p. 349) описывая Бхаткал (Батикалу) как третий по значению порт северного участка западного берега, уступающий по торговому

обороту только Гоа и Чаулу, и как центр сильного индуистского государства, владеющего обширной областью внутри страны. О Тьямпе см. «Топографический указатель».

⁵¹ Индия Третья — это Восточная Африка (у Марко Поло — Индия Средняя). Как ни смутны сведения Журдена об этой стране, все же он совершенно правильно указывает, что населена она частично христианами (в Эфиопии и в настоящее время исповедуется православная религия, обряды которой, однако, отличаются от обрядов греческой и русской церквей). Султан Вавилонии (так называли во времена Журдена Египет) не платил дани Эфиопии. С Египтом Эфиопия поддерживала постоянные торговые сношения.

⁵² Птица рок, или рук, фигурирует во многих средневековых арабских легендах; о ней, в частности, упоминает и прославленный арабский мореход, лоцман Васко да Гамы, Ахмад ибн-Маджид, описывая берега Восточной Африки (Т. А. Шумовский, *Три неизвестные лоции Ахмада ибн-Маджида...*, стр. 40). Птице рок уделил внимание и Марко Поло в главе 191, посвященной Мадагаскару. Легенды о птице рок, возможно, основывались на реальных сведениях о гигантских мадагаскарских эпиорнис, вымерших уже в исторические времена.

⁵³ Возможно, Журден имеет в виду африканских носорогов.

⁵⁴ Здесь Журден описывает виверру, или цибетту, — хищное животное величиной с кошку. Африканские виверры действительно выделяют из особых желез вещество с резким мускусным запахом (цибет). Цибет высоко ценился на европейских рынках как благовоние.

⁵⁵ В основе легенды о четырех райских реках лежит соответствующее указание Библии (Исход, II, 10). Реки эти искали многие средневековые путешественники. Колумб, открыв в 1498 г. устье Ориноко, выразил уверенность, что истоки этой реки лежат в земном раю.

⁵⁶ Амбра — серое воскообразное вещество, содержащееся в кишках кашалота; амбру нередко вылавливают в водах Индийского океана. Она обладает приятным запахом и в наши дни употребляется при изготовлении духов. В средние века использовалась как лекарство и как благовонное вещество. Арабские авторы XI—XV вв. отмечали, что амбру вывозили на рынки Ирана, Индии и Египта из гаваней Сомалийского полуострова и с острова Занзибар.

⁵⁷ Легенды об островах амазонок встречаются у многих средневековых авторов — европейских, арабских, китайских и, в частности, у Марко Поло, который мужской и женский острова поместил в 500 милях к югу от Макрана в Аравийском море (Марко Поло, *Книга...*, гл. 189).

⁵⁸ Ладан — высушенный сок дерева босвеллия, родина которого — Сомалийский полуостров и Аравия. Ладан обладает приятным смолистым запахом и издревле используется в качестве благовонного вещества. Мирра — высушенный сок дерева, растущего в Аравии. Очень ценное благовонное вещество, употребляемое преимущественно при различных религиозных церемониях, а также как лекарство при кожных заболеваниях. Ладан и мирра в средние века вывозились из Аравии в гавани Палестины, Кипра и Сирии, а также в Александрию, откуда поступали на рынки Западной Европы.

⁵⁹ Великая Татария — Юаньская империя, в первой половине XIV в. включавшая весь Китай и управлявшаяся монгольскими завоевателями, потомками Чингисхана. Бумажные деньги имели хождение в Китае задолго до монгольского завоевания, но в качестве одного из основных платежных средств они получили распространение при великом хане Хубилае (1259—1294). Во времена Журдена в Китае в ходу были бумажные и шелковые деньги различных видов. О бумажных деньгах писал также Марко Поло ([Марко Поло], *Книга...*, гл. 96).

⁶⁰ Здесь Журден описывает монгольские погребальные обычаи. Об этих обычаях более подробные сведения имеются у ПIANO Карпини. Комментатор последнего издания записок ПIANO Карпини Н. П. Шастина отмечает, что «археологические материалы, полученные в результате раскопок, произведенных за последние 30—35 лет, показывают, что подобный способ захоронения был свойствен многим народам Центральной Азии» («Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука», 1957, стр. 200—201).

⁶¹ Мускус — вещество с резким специфическим запахом, вырабатываемое семенными железами самца кабарги. Железы эти, расположенные под кожей над мышцами живота, вырезаются вместе с кожей и высушиваются; в результате получают препарат, состоящий из круглых зерен, величиной от булавочной головки до чечевичного зерна. Мускус в средние века ценился как сильное возбуждающее средство и как ароматическое вещество. Вывозился он из Китая и Тибета и через индийские гавани шел в Переднюю Азию и Европу. О торговле мускусом в Малабаре писали Косма Индикоплов и Вениамин Тудельский. О кабарге, дающей мускус, упоминал Марко Поло ([Марко Поло], *Книга...*, гл. 84, стр. 115).

⁶² Халдея — Месопотамия. С 1258 г., после завоевания Багдада иль-ханом Хулагу, Месопотамия входила в границы монгольского Ирана. Юл («*Mirabilia descripta*», р. 49), отмечая, что на берегах Тигра и Евфрата нет крупных черепах, высказывает предположение, что Журдена ввели в заблуждение большие меха, используемые местными жителями для переправы через реки.

⁶³ Аран, Моган, Каспийские горы, Грузия см. в «Топографическом указателе». Чрезвычайно интересно упоминание о нефтяных источниках Баку. О «вечных огнях» и бакинском горячем масле, сочащемся из земли, задолго до Журдена упоминали многие европейские авторы, например, в V в. византийский автор Приск Панийский. Однако непосредственный предшественник Журдена, Рубрук, посетивший Закавказье, вообще не упоминает о Баку, а Марко Поло (в версии Рамузио) приводит лишь название этого города (Абакку) и ничего не говорит о бакинских нефтяных источниках.

⁶⁴ От Константинополя до Азова (Таны) 1250 км. Таким образом, Журден, приводя расстояние в 1000 миль (1500 км), не очень грешит против истины.

⁶⁵ Во владения иль-ханов Ирана входила лишь небольшая часть Малой Азии — восточные ее области. Киликийская Армения была в вассальной зависимости от иль-ханов.

⁶⁶ Китай — северная часть Китая. У Марко Поло четко разграничиваются две составные части Юаньской империи — Китай и Манзи, южная половина Китая, завоеванная монголами более чем полвека спустя после покорения северных областей этой страны.

⁶⁷ Эти данные весьма преувеличены: население Эфиопии было гораздо меньше населения Западной Европы.

⁶⁸ Под империей Дувы Журден имеет в виду Чагатайский улус. Кайда — правнук Чингисхана; Хайду — создатель независимого Чагатайского улуса и ярый враг Хубилая (умер в 1301 г.); Дува, или Тува, военачальник хана Хайду, — фактический правитель Чагатайского улуса в 1301—1306 гг.; Капак, точнее Кебек, — сын Тувы, правивший в 1318—1326 гг.; Эчигадей, точнее Ильчигидай, — брат Кебека, царствовавший очень недолго.

⁶⁹ Неясно, говорит ли здесь Журден об индийских или о китайских кораблях. Следует предположить, что в данном случае речь идет о малабарских и коромандельских кораблях.

⁷⁰ Здесь имеются в виду события в индийском городе Тхане в 1321 г., когда погибли католические миссионеры. Возможно, что, упоминая о латинянце, который плывал в Индийском море «по сто и более дней», Журден имел в виду Гийома Адама.

⁷¹ Вряд ли Франция, которая в ту пору была на грани изнурительной Столетней войны, могла осуществить покорение стран Востока. Опыт крестовых походов продемонстрировал весьма наглядно, каково было реальное соотношение сил Запада и Востока.

⁷² Масличные деревья на Хиосе давали очень ценную благовонную смолу. — Преемник Мануэля Закаррии, Бенедетто Закаррия, в 1304 г. овладел островом Хиос, после чего византийский император Андроник II уступил ему этот остров на десять лет. Следующий представитель дома Закаррия, Мартин Закаррия, правил Хиосом с 1314 по 1329 г. и в союзе с византийцами успешно воевал с турками. Однако в 1329 г. император Андроник III захватил Хиос и увез Мартина Закаррию в Константинополь.

**Восточных земель описание, исполненное
братом Одорико, божемцем из Форо Юлио,
что в провинции св. Антония**

1. О Трапезонде и Великой Армении

Хотя о нравах и обычаях мира земного много чего рассказали разные люди, но знайте, что и я, брат Одорико из Форо Юлио, могу поведать вам о множестве чудес, а чудеса эти сподобился я увидеть и о них наслышался, когда по доброй воле прошел через море и побывал в странах неверных (*ad partes infidelium*), дабы споспешествовать спасению душ. {А в путь я отправился с дозволения моих прелатов, им же на то право дано уставом нашего ордена.— *Boll.* }*.

{Итак, решил я, не тратя лишних слов, рассказать в этом кратком повествовании о многом из того, что довелось мне повидать и о чем я услышал на Востоке, на Севере и на Юге. Всего не перескажешь, а сообщу я немало такого, о чем узнают с моих слов впервые и покажутся кое-кому мои вести ложными; да и сам я, коли не увидал бы воочию эти чудеса и своими ушами не услышал о них, вряд ли поверил, что подобное бывает взаправду.— *Far.* }

Четырнадцать с половиной лет пробыл я в тех странах в одеждах блаженного Франциска, блаженного исповедника Христова. И ныне, находясь в Падуе, написал я это краткое повествование, вняв советам преподобного брата Гидотто, приора провинции святого Антония.

А если в писаниях моих усердный читатель усмотрит что-либо, что покажется ему достойным, то пусть за это воздаст хвалу всеблагому провидению, а не моему скудному разумению. А уж когда попадется ему такое,

---

* Объяснение индексов в фигурных скобках см. на стр. 117.

чему трудно поверить и в чем я, по его мнению, уклоняюсь от истины, то, отметив подобное место с должным снисхождением и милосердием, да не попрекнет он меня всеу горьким словом.

Итак, сперва я на венецианской галере пересек Великое море и прибыл в Трапезонд, который в древности назывался Понтом. Красив этот город, да и стоит он в хорошем месте, и это для персов, мидян и всех народов по ту сторону моря торговая гавань. {И [все], что я видел в этой стране, мне очень понравилось, и я потому еще так смело об этом говорю, что такого же мнения были и те лобывавшие [в Трапезонде] люди, с которыми я на этот счет толковал в Венеции. — *Min. Ram.*}

Видел я там одного человека, за которым шли четыре тысячи куропаток. Приманил он их близ одного замка, который называется Канега [Зингана], а от замка того до Трапезонда пути три дня, и пока он туда шел, куропатки все время летели за ним вслед. У птиц же этих такая повадка: словно цыплята вокруг наседки жмутся они к людям, если те вздумали прилечь и заснуть в поле. Таким образом привлек куропаток и этот человек, а затем привел он их в Трапезонд, к самому императорскому дворцу, и император отобрал себе, сколько счел нужным взять, остальных же птиц тот, кто их завлек, отвел обратно, к месту, где их сманил¹.

В этом городе близ городских ворот покоится прах Афанасия, а на воротах надпись, которая начинается так: *Quicumque vult salvus esse...**

Покинув Трапезонд, я направился в Великую Армению, в город, который называется Арзирон [Эрзурум], некогда очень красивый, богатый; да и таким бы он и остался, если бы его изрядно не разрушили татары и сарацины. Вдоволь там хлеба и мяса и всего прочего, только вина и плодов мало. В Арзироне очень холодно, и здешние жители считают, что в целом свете нет места, которое лежало бы выше. Вода в Арзироне отменная, и не лишено вероятия, что ключи эти питаются из Евфрата, а до Евфрата отсюда день пути, никак не больше. И город стоит на полпути к Тавризу.

Из Арзирона прошел я к некоей горе, которая называется Савискало; и есть в той стороне гора, на кото-

---

Желающий спастись да спасется...

рой стоял Ноев ковчег. Пожалуй, я бы взошел на нее, согласись мои спутники обождать меня. Впрочем, местные люди говорили нам, будто никому еще не удалось подняться на эту гору, и все потому, полагают они, что на то нет воли всевышнего.

2. О Тавризе и Солдании [Султании]

Из этой страны пошел я в большой царский город Тавриз, который в древности назывался Сузис. Говорят, будто там в одной мечети (а так называются у сарацинов церкви) растет сухое дерево². Город же этот знатный, и торговля там такая, как нигде на свете. И в Тавризе в изобилии любая, какая только есть на земле, снедь, и много там всяких и разных товаров. И так удачно стоит этот город и столь богат, что вы, право же, не поверите, как много в нем всякого добра, и чуть ли не со всего мира приходят сюда за товарами. А христиане могут рассказать вам, что император [Персии] с одного этого города получает больше доходов, чем французский король со всего своего королевства.

Близ Тавриза есть соляная гора, и на ней добывается для всего города соль; ее каждый может брать, сколько пожелает, и притом даром. В Тавризе живет немало христиан всякого толка, но сарацины во всем над ними держат верх. Многое еще мог бы я рассказать об этом городе, да неуместно о нем слишком уж распространяться.

Покинув этот город Тавриз, я шел десять дней и достиг другого города, который называется Солдания, а в Солдании в летнее время пребывает император персов; зимой же он переходит в другое место {называется оно Аксам.— *Pal.*} и лежит на берегу Бакинского моря. Этот город Солдания велик, и место это холодное; вода здесь хорошая, и сюда привозят много товаров.

3. О городе Волхвов, Песчаном море и земле Гуз

Отправившись из этого города с караваном, иначе говоря в некой компании, я пошел к Верхней Индии и, странствуя много дней, достиг города Трех волхвов, который называется Кассан [Кашан], и город этот царст-

венный и многодостойный, однако сильно разрушен татарами. В Кассане очень много хлеба, вина и иного добра. А из этого города в Иерусалим (куда путь волхвам указан был уж, конечно, не по воле людской, а дивным промыслом господним, в чем убедившись, они тотчас же отправились в дорогу) добрых пятьдесят дней пути³. И в городе этом всего много, да не стоит об этом рассказывать.

Оттуда я пришел в некий город, который называется Гест (Йезд), {а он самый дальний в Персии на пути в Индию. — *Min. Ram.*}. От Геста день пути до Песчаного моря. Море же это злое и диковинное. {Никто из нас не отваживался ходить по нему, и все оно сплошной сухой песок, без капли влаги, а в бурю волнуется, как истинное море, и ходят по нему волны, подобные морским; бесчисленное множество людей поглотили эти пески, и в песках тонут они и находят себе могилу. А ветер, смотря по тому, откуда он дует, навевает то там, то тут целые горы этого песка. — *Min. Ram.*⁴}

Съестного в этом городе Гесте превеликое множество, и там есть в изобилии и иные знатные товары, о которых вам мог бы я рассказать. Особенно же много в городе фиг, ну, а изюма, зеленого, как трава, и очень мелкого, тут как нигде на свете. Это третий из славных городов, коими владеет в своем царстве император персов. Сарацины говорят, что христианам не дозволено жить там больше года. Есть здесь и иные диковинки.

Отправившись отсюда и пройдя через множество селений и городов, я добрался до некого города, который называется Кониум [Персеполь]; когда-то он был велик и в старину немало зла причинил римлянам. Стены его тянутся на добрых пятьдесят миль, а в самом городе много дворцов неповрежденных, но пустых. Однако съестным город очень богат.

Покинув этот город и [снова] пройдя через множество селений и городов, я достиг города, который называется Гуз {и в нем бывал Иов. — *Boll.*}, а город этот стоит на очень красивом месте, и в нем изобилие всего съестного⁵. Близ этого города горы, а на горах прекраснейшие пастбища. Есть здесь также манна, отменного качества, и нигде на свете не бывает ее в таком изобилии. В этой же стране вы можете меньше чем за венецианский гросс купить четырех добрых куропа-

ток. И там вы можете увидеть очень красивых старцев, и в обычае у здешних мужчин прясть и вязать, словно они женщины, а не мужчины. А на севере эта страна граничит с оконечностью Халден.

4. О нравах халдейских и об Индии Внутренней⁶

Покинув эти места, я пришел в Халдею, а Халдея — это великое царство, и, следуя туда, я миновал Вавилонскую башню, от которой по крайней мере три дня пути [до Багдада]. И в этой стране Халдее свой особый язык, а мужчины здешние красивы, женщины же безобразны до крайности. Тут мужчины носят нарядные одежды и украшения, совсем как наши женщины, а на головах у них повязка (*fasciola*), украшенная золотом и жемчугом, а женщины ходят в грубой тунике (*intergulum*) до колен и с рукавами такими длинными, что волочатся они по земле. И женщины здесь босы и носят штаны (*sogabulas*), доходящие до самых пят, а волосы не заплетены и не причесаны, так что торчат они в разные стороны. У нас в обычае мужчинам следовать впереди женщин, здесь же, наоборот, женщины держатся впереди мужчин. { Видел я здесь юношу, который брал в жены молодую красивую девушку, и ее сопровождали ее красивые подруги, и они плакали и причитали, а невеста была в ярких одеждах и с распущенными волосами. А когда жених сел верхом на осла, невеста босая последовала за ним, в жалкой одежде и тоже на осле, а ее отец шел сзади, благословляя брачующихся, и вот так они и шли до самого мужниного дома.— *Min. Ram.* } Многие другие есть в этом городе, да не стоит на сей счет распространяться.

Странствуя там, пришел я во Внутреннюю Индию, страну, сильно разоренную татарами. Здесь едят много фиников, и купил я целых сорок два фунта, а отдал за это всего лишь гросс без малого; много тут и иной всякой снеди.

Покинув эту Индию и пройдя много разных мест, дошел я до моря-океана, и первый город, в который я попал, называется Ормес [Ормуз], и он изрядно и искусно укреплен, и ценных товаров в нем великое множество⁷.

{ Город этот стоит на острове, в пяти милях от материка, и здесь не растут деревья и нет пресной воды, но хлеба, рыбы и мяса вдоволь. А место это нездоровое и для жизни неудобное, жара же тут порой невыносимая. И мужчины и женщины очень рослые. Однажды я видел, как хоронят здесь покойников: собрали всех музыкантов (*giulari*), а тело положили в доме, и две женщины скакали подле него, а музыканты в это время играли на цимбалах и других инструментах, а эти женщины лобзали мертвеца и славилы его; прочие же женщины подходили одна за другой к покойнику, и у каждой была свирель, и играли они на ней попеременно, причем та, которая кончала играть, уступала место следующей, и так шло у них всю ночь, а наутро покойника отнесли в гробницу.— *Pal.* }

5. *О кораблях без железа; на одном из них брат Одорико пришел в Тану индийскую*

В этой стране люди строят корабли, называемые *яссе* (*jasse*), и скреплены они лишь вервьями⁸. На одном из таких кораблей я плавал и не нашел в [его корпусе] ни единого гвоздя, и на нем за двадцать восемь дней я дошел до Таны, где мученическую кончину приняли во славу веры христовой четверо братьев-миноритов.

И расположен этот город очень удачно, и в нем множество вина и хлеба и разных деревьев {и великое изобилие всего съестного, особенно масла, сусуана [сезама?] и риса.— *Pal.*}. В былые дни слыла эта страна могущественной, и правил в ней царь Пор, который в столь великую битву вступил с Александром⁹.

В этой стране живут язычники, и поклоняются они огню, змеям и деревьям; правят же всем сарацины, которые покорили эту землю силой оружия, а они подчиняются Дальдилии¹⁰. Здесь водятся разные звери, особенно же много черных львов¹¹, и, кроме того, есть тут обезьяны и летучие мыши величиной с голубя, и называют их *scegrì*¹².

Кошкам с ними никак не управиться, а поэтому ловят их собаки.

[Главы 6—12, в которых описано избиение и гибель в Тхане четырех миссионеров-францисканцев, при переводе опущены].

13. Брат Одорико собрал кости четырех погибших братьев; о чуде, содеянном этими костями

И вот я, брат Одорико, пришел в эту землю, и, узнав о славной мученической кончине [четырёх братьев], я раскрыл их гробницы, принял их кости, а поскольку через своих святых господь совершает много всяких чудес, то и через эти [останки] угодно ему было проявить свое всемогущество. Я, брат Одорико, взял кости этих братьев и, обернув их в красивую ткань, повез, сопровождаемый одним братом из нашего ордена и слугой, в место, где проживают наши братья, а находится оно в Верхней Индии [Китае]. Когда же перевозил я эти кости, то случилось мне остановиться в одном доме, причем, отходя ко сну, я положил их под голову. Пока я спал, дом подожгли сарацины, и, желая гибели моей, во весь голос вопил [собравшийся] здесь люд. А между тем был от императора указ предавать смерти всякого, чей дом будет подожжен.

Когда дом загорелся, товарищ мой и слуга ушли, оставив меня с этими костями. И я взял их и вышел через угол пылающего дома, причем все прочие три угла уже сгорели и оставался только этот последний угол. И когда я проходил этим местом, пламя поднялось выше головы моей, не причиняя мне вреда, и оно надо мной висело, словно облако; а как только я покинул дом, сразу же огонь поглотил его, и сгорело много соседних домов, я же вышел из пламени невредимый.

14. Продолжение предыдущей главы

Нечто подобное случилось со мной в этом путешествии. Я шел морем с этими костями в некий город, который называется Полумб [Куилон] и где родится много перца. В пути ветер совсем покинул нас. Идолопоклонники умоляли своих богов, чтобы послали они добрые ветры, но так ничего и не добились. А затем изрядно потрудились и сарацины, вымаливая ветер, но моления их также оказались напрасными. Тогда приказали мне и, моему товарищу воззвать с молитвой к нашему богу, а вдруг [думали они] он вознаградит нас. И командир кбрабля сказал нам по-армянски, чтобы никто другой

его не понял: «Если не выпросите ветра, то бросят вас в море».

И я и мой товарищ воззвали к всевышнему, но видя, что ветра нет, мы дали обет отслужить множество месс во имя святой девы, если только подует ветер. Однако и таким способом не удалось нам вызвать ветер.

Тогда я взял одну из костей, дал ее нашему слуге и сказал ему: иди на нос и кинь эту кость в море. И как только он ее бросил в воду, сразу же подул попутный ветер, и он держался все время, пока мы не прибыли в гавань, куда заслугами [убиенных] братьев добрались мы в сохранности.

15. Продолжение предыдущей главы

Придя в Полумб, сели мы на другой корабль, который называется лонклум¹³, и, как уже о том было сказано, пришли мы в Верхнюю Индию, в некий город, название которому Зайтон, а в городе этом две обители наших братьев; явились же мы сюда, чтобы схоронить святыи останки.

А на этом корабле было добрых семьсот душ, считая всякий люд и купцов. И у здешних идолопоклонников есть такой обычай: прежде чем войдет корабль в гавань, они учиняют повсюду сыск, чтобы доведаться, кто что имеет, и коли находят кости покойников, то бросают их в море, а у кого такие кости есть, тому грозит смертельная опасность. И хотя у нас они учинили повальный поиск, а костей было много, но так и не удалось им ничего найти. И мы с помощью божьей в целости доставили кости наших братьев и здесь их похорошили с великими почестями. И многое иное совершил через этих святых братьев всевышний, а о том ведомо язычникам и сарацинам, ибо каким-бы недугом они ни захворали, стоит только прийти им в то место, где погибли братья, взять горсть земли, бросить ее в воду и ту воду испить, и все их немощи тотчас же исцеляются.

16. Как родится перец.
О царстве Минабар

А теперь поглядим, каким образом родится перец. Ведомо, что в империи, которая называется Минабар, есть перец и что ни в какой другой стране он не растет. Лес, где родится этот перец, тянется добрых восемнадцать дней пути, и в том лесу два города; один называется Фландрина, другой Цингилин. А в городе Фландрине живут и иудеи и христиане; между этими двумя народами всегда война, и всегда христиане одолевают иудеев. Перец же там получают так: сперва растет он, давая листья, подобные плющу, и сажают его у больших деревьев, как у нас виноградные лозы. Листья эта дает плоды такие, как виноградины, и в таком множестве, что кажется, что под их тяжестью вот-вот сломается дерево. А зрелый плод зелен, и собирают его, как виноград, а затем выставляют на солнце и сушат, а высушенные плоды ссыпают в горшки {и из свежего перца варят варенье, и я его ел вдосталь; перца здесь так же много, как у нас зерна.—*F.*}¹⁴.

В этом лесу есть реки, в которых много злых крокодилов, а крокодилы — это очень скверные змеи. На краю леса, ближе к югу, лежит город, который принято называть Полумб, и в Полумбе родится лучший в свете имбирь. И столько всяческих товаров в этом городе, что многие, видя подобное, все равно глазам своим не верят.

17. О нравах жителей Полумба

Все в этой стране поклоняются быку, почитая его за бога, и говорят, что бык [тварь] священная. Шесть лет они работают на быке, а на седьмой год ставят его в одно общее место (*posegunt in communi*) и там справляют и исполняют гнусный обряд: каждое утро берут два золотых или серебряных сосуда, и, когда бык вводится в стойло, ему подставляют эти сосуды и в один собирают мочу, а в другой помет. Затем моют мочой лицо, а пометом мажут сперва лоб, а потом обе щеки у скул и под конец середину груди. И когда помажут себя так в четырех местах, то говорят, что через это получили посвящение.

И так поступает и простой народ, и царь, и царица. Поклоняются они также идолу, в образе наполовину человекем, наполовину бычьем. И идол этот вещает своими устами и часто требует крови сорока дев; мужчины и женщины посвящают своих сыновей и дочерей этому идолу и приносят ему в жертву собственную кровь, и через это многие принимают смерть. И многое иное творит этот народ, о чем писать зазорно и противно, и много на этом острове родится и растет, о чем недосуг писать пространно. {В этой стране есть деревья, дающие мед, и мед этот наилучший в свете. Есть также деревья, которые приносят вино и дают шерсть, а из той шерсти вяжут веревки и канаты разных сортов; и есть деревья, у которых плоды столь велики, что сильному человеку удастся поднять разве лишь два таких плода, а плоды эти пахучи и их называют шабасси. Когда же их едят, то прежде всего смазывают жиром губы и руки.

Слышал я, растут там деревья, которые рожают мужчин и женщин, и человечки эти бывают с локоть величиной, и к дереву прикреплены они пуповиной; когда дует ветер, они свежие, а если ветра нет, то засыхают. Правда, сам я подобного не видел, но слышал от людей, говоривших, что им случалось встречать это.— *Pal.*}¹⁵.

А у идолопоклонников этого царства есть отвратительный обычай: когда кто умирает, его сжигают, а если была у него жена, то жгут и жену вместе с покойником-мужем и говорят — жена должна и на том свете сопровождать своего мужа. Впрочем, если вдова имеет детей, то она может, если того пожелает, сохранить жизнь¹⁶. Ну а если умирает жена, то закон ни к чему мужа не принуждает, и если на то будет его воля, он может взять себе другую жену. И в обычае здесь, что вино пьют и мужчины и женщины, а женщины бреют лоб, мужчины же бороду не бреют. Много здесь и иных достопримечательностей и всякого скотства, да об этом нет нужды говорить.

18. *О царстве Мобар, где покоится тело блаженного Фомы апостола, и о нравах идолопоклонников*

От этого царства десять дней пути до другого царства, название которому Мобар {Коромандельский бе-

рег], а оно очень большое и в нем много народов и провинций. В этом царстве покоится тело блаженного апостола Фомы. Церковь его полна идолами, а близ нее пятнадцать домов христиан-несториан, и они христиане лишь по имени, а по правде говоря, гнусные и зловерные еретики. Есть в этом царстве удивительнейший идол, который в чести в очень многих индийских землях. Величиной он со святого Христофора, и его часто рисуют здешние художники. Весь он из золота и стоит на золотом пьедестале, а на шее у него ожерелье из драгоценных камней, очень дорогое и красивое. И вся церковь из чистого золота, и крыша и пол также золотые. И те, кто приходят на поклон к этому идолу, являются издали, подобно христианам, идущим к святому Петру, и у некоторых, приходящих на поклон к идолу, вокруг шеи веревка, а у иных руки лежат на доске, привязанной к шее, а некоторые держат в поднятой руке нож, так что под конец рука отсыхает { и каждый терзает свою плоть по-разному: кто стучит головой о землю, не глядя вверх, считая себя недостойным смотреть на небо перед идолическим ликом, другие вонзают кинжалы и шпаги в руки и прочие части тела, а многие, бесспорно самые из всех глупые, свою набожность доказывают, принося идолу в жертву сыновей и дочерей и считая этого идола наибольшим богом, а кровью этих жертв они кропят себя, как христиане святой водой. — F. } А когда выходят из дому в паломничество, то через каждые три шага на четвертом падают на землю, растянувшись во весь рост, и так поступают на всем своем пути, так что порой немало времени проходит, прежде чем они дойдут до идола, и всякий раз припадая к земле; курят они ладаном и благовониями. Когда же кто-либо пожелает возвратиться с дороги восвояси, то замечает, до какого места дошел, а затем, снова придя на это место, продолжает путь по-старому, пока не достигнет идола ¹⁷.

19. О других обычаях идолопоклонников

Перед храмом этого идола есть рытос озерцо, и пилигримы, сюда приходящие, бросают в него золото, серебро и разные драгоценные камни, принося жертву идолу и храму. Много накопилось золота, серебра и драгоценных камней в этом озере ¹⁸, и тот, кто желает что-

либо сделать для храма, может в озеро войти и взять любое из того, что туда брошено.

Ежегодно, в день, когда создан был этот священный идол, люди выносят его из храма, ставят в красивую колесницу, а затем царь, царица, все пилигримы и весь народ { и жрецы, которые называются туинами.—*Pal.* } выносят идола из храма и поют при этом разные гимны под музыку. А перед идолом попарно шествуют девы, и их бывает много, и поют они чудесным образом. И многие пилигримы, приходящие на этот праздник, бросаются под колесницу так, чтобы попасть под колеса, и говорят, что поступают таким образом, желая принять смерть во имя бога своего. И колесница проходит по их распростертым телам, и давит и кромсает их, и несет им погибель¹⁹.

После же идола привозят в особое место, а оттуда уже несут его в постоянное его обиталище, и при этом поют и играют на разных музыкальных инструментах, совсем так, как в начале {церемонии}. И что ни год, то гибнет [в этих процессиях] более пятисот человек. Тела же погибших сжигают, и слывут они святыми, ибо считается, что умерли они за своего бога.

Есть у них и другой обычай: приходит человек и молвит: «желаю отдать себя в жертву моему богу». И тогда друзья его и родичи и все скоморохи (*histeriones*) этой местности устраивают празднество тому, кто желает принять смерть за своего бога. И вешают на шею этому человеку пять преострых ножей и ведут его к идолу, а он берет один из этих ножей и, возглашая «за бога моего режу плоть свою», отрезает в том месте, где ему угодно, кусок живого мяса и бросает его идолу в лицо, приговаривая: «умираю по обету за бога моего», и так иссекает он себя ради своего бога. А тело тотчас же уносят и сжигают, а человека того почитают святым, говоря, что порешил он себя во славу своего идола. И много иного, удивления достойного, творят эти люди, но об этом не будем рассказывать здесь.

Царь этого острова, или провинции, очень богат, и у него много золота, серебра и драгоценных камней. И на этом острове добывают доброго жемчуга больше, чем где бы то ни было на свете. А все прочее, что на этом острове есть, долго было бы описывать,

20. *О стране Ламори, где нельзя увидеть
Полярную звезду, и о Сумольтре*

Из этой страны отправился я на юг и за пятьдесят дней пришел я морем-океаном в некоторую землю, название которой Ламори, и стал я там терять из виду Полярную звезду, ибо поглотила ее земля²⁰. А жар в этой стране такой, что там все, и мужчины и женщины, ходят нагишом и никакой одежды не знают. Надо мной они изрядно потешались, говоря, что раз уж бог создал Адама голым, то плохо я поступаю, нося одежду против воли божьей. И в этой стране все женщины общие, и никто здесь не может сказать: вот моя жена или вот мой муж. Когда же женщина рождает мальчика или девочку, то дает свое дитя тому, с которым имела грех, и называет этого человека отцом дитяти. Вся земля также в общем владении, и нет никого, кто по праву мог бы сказать: эта или та земля моя. Однако дома у них отдельные (*domos tamen habent in speciali*)²¹.

Народ этот зловерден и ничтожен, и едят они человечину, как мы едим говядину. Сама же по себе эта страна хороша и обильна свежим мясом, хлебом и рисом, и в ней много золота, а также алоэ-дерева, камфары и всякого иного добра. И на этот остров приходят купцы из дальних стран и привозят они с собой детей, которых продают этим неверным, словно скотину, а те покупают детей, режут и едят их. И много водится там и добрых и злых дел, да об этом говорить нет нужды.

На этом же острове, дальше к югу, есть другое царство, и называется оно Сумольтра, и в нем живет особая порода людей: они небольшим железным клеймом метят себе лицо в двенадцати местах, и так поступают и мужчины и женщины. Этот народ вечно в войне со своими соседями, и ходят там все голые. Всего в достатке в той стране, а близ нее, еще южнее, лежит другое царство, которое называется Ротемго. Многое, о чем я упоминать не буду, родится в этой стране.

21. *О прекрасном острове Ява*

Неподалеку от этого царства лежит большой остров, название которому Ява, и в окружности имеет он доб-

рых три тысячи миль. Под царем этой Явы ходит семь коронованных государей, и остров густо населен, и он лучший из всех островов. Родится на этом острове кубеба, камфара, кардамон (*mulegalae*), мускатные орехи, и есть там много иных пряностей и всяческой снеди, вот только вина на нем нет. У царя этого острова удивительнейший дворец. Дворец этот очень велик, и в нем есть громадная лестница, широкая и высокая, со ступенями вперемежку золотыми и серебряными. А пол в том дворце выстлан золотыми и серебряными изразцами, и стены изнутри покрыты золотыми пластинами, на которых выбиты золотые всадники, а вокруг головы у них золотые же нимбы, как у наших святых. И нимбы эти сплошь усеяны драгоценными камнями. А сверх того, крыша этого дворца тоже золотая, и, коротко говоря, нет ныне на свете дворца столь богатого и красивого²².

Великий хан Китая много воевал с этим царем, но последний всегда побеждал его и одерживал над ним верх²³. О многом, что есть на этом острове, я однако не упоминаю.

22. О стране Таламасин и деревьях, дающих муку, и о многом другом

Близ этой земли лежит другая страна, которая называется Патен, некоторые же называют ее Таламасин²⁴. Царю ее подвластны многие острова.

На этом острове есть деревья, которые дают муку, и есть такие, от которых получают мед, а с иных выцеживают вино, а с иных яд, самый что ни на есть смертельный, и против него ничто не помогает. Если кто отведал этого яда, то должен взять человеческий кал и взболтать его в воде, а затем ту воду выпить, и тогда от яда приходит исцеление²⁵. { И люди в этой стране, а они почти все разбойники, выходят на битву с тростинками длиной около сажени, причем в них вставляют железную стрелку, смазанную этим ядом, и когда в тростинку дуют, то стрелка вылетает из нее и тот, в кого она попадает, обречен на неминуемую смерть.— *Pal.* }

А муку деревья дают таким образом: они большие и не очень высокие; у самой их подошвы топором насекают зарубки, из которых выходит сок, подобный клею. Этот сок собирают в сосуды из листьев и выставляют

его на пятнадцать дней на солнце. По прошествии этого времени из сока получается мука, и ее два дня держат в морской воде, а затем промывают пресной водой и получают наилучшее на свете тесто, и пекут из него все, что им заблагорассудится, и приготавливают кашу (сiбо), а то и добрый хлеб, и хлеб этот я, брат Одо-рико, ел и все это видел воочию. Хлеб же этот снару-жи белый, а внутри черный ²⁶.

У берегов этой страны, далее к югу, лежит мертвое море, воды которого всегда текут в полуденную сторо-ну. И уж коли кто попадет в эти мертвые воды, следуя берегом, то отыскать его не удастся ни за что ²⁷.

В этой стране есть тростник, или камыш, ростом с дерево, и в высоту он достигает шестидесяти шагов, ч есть еще другой тростник, а называется он кассан и сте-лется по земле, как трава, которая у нас называется гра-менья. Из каждого своего узла выпускает этот тростник кsrни и так расплзается, что в длину захватывает целую милю ²⁸. И в стеблях его находят камни, а свой-ство у этих камней такое: кто носит их, того не берет железо, и поэтому большинство здешних жителей ходит с такими камнями. По этой же причине мальчикам делают надрез на руке и в рану кладут один из таких камней, и он затем бережет [юношу] от железного ору-жия ²⁹. А маленькая ранка на руке быстро затягивает-ся, если присыпать ее порошком из рыбы определенно-го сорта. И велика сила этого камня, и люди, которые носят его, страшны в бою, и они великие морские раз-бойники. Однако те, кто, плавая в море, терпят от них урон, придумали себе хитрую защиту: они обороняются палочками из очень твердого дерева и стрелами без железных наконечников. А эти морские разбойники во-оружены плохо, и от них легко можно отбиться, пора-жая их острыми палочками и стрелами.

Из тростника кассана изготавливают паруса для ко-раблей, корзины, из него строят дома и делают мно-жество весьма полезных вещей. И немало есть в этой стране такого, что поражает зрение и слух, но ныне не считаю я нужным на этот счет распространяться,

От этого царства много дней пути до царства, название которому Кампа [Тьямпа]. Это очень красивая страна, и в ней много всего съестного и разного прочего добра. Мне говорили, когда я здесь был, что у царя этой страны не меньше двухсот детей — сыновей и дочерей, ибо у него тьма жен и наложниц. У этого царя четырнадцать тысяч прирученных слонов, и за слонами надзирают и их кормят царские слуги; {слонов держат, как у нас быков, и простые люди.— *Pal.*}³⁰.

Случается в этой стране нечто поистине удивительное: приходит в нее рыба в таком множестве, что и воды в море не видно. И плывя к берегу, рыба выбрасывается на сушу, и берут люди, сколько им ее захочется. А рыба идет к берегу дня два или три, одна за другой, беспрестанно, и бывает такое единожды в год. Когда спрашивают здешних жителей, почему сюда идет рыба, они отвечают, что является она на поклон к их императору³¹.

В этой стране видел я черепаху, которая была больше купола церкви святого Антония в Падуе³². И много подобных же [дикивинок] там есть и таких, что если их воочию не увидишь, то и поверить нельзя, что они существуют, однако об этом не буду я говорить.

Когда в этой стране умирает человек, то тело его сжигают, а с ним вместе и пережившую его вдову, ибо говорят здесь, что и на тот свет жена должна следовать за мужем³³.

24. Об острове Никоверан, где живут псоглавцы

Покинув эту страну и плывя к югу по морю-океану, посетил я много островов и стран, и побывал я на одном из островов, который называется Никоверан³⁴. Это очень большой остров — в окружности он добрых две тысячи миль, и у мужчин и у женщин здесь собачьи морды. А поклоняются они быку, считая его своим богом, и постоянно носят на лбу изображение быка, золотое или серебряное, в знак того, что бык и есть их бог. Все в этой стране, как мужчины, так и женщины, ходят нагишом, только и есть у них, что единственный лоскуток, которым они прикрывают срамное место.

Телом они сильны и в бою хитры, а сражаются голые, но заслоняются от врага щитом, который защищает их с головы до ног.

А когда берут пленников, за которых не могут получить выкуп, то тут же съедают их, но коль скоро за них получают деньги, отпускают их на волю.

А у царя этой страны на шее ожерелье из трехсот громадных жемчужин, и ежедневно, обращаясь к своему богу, он читает триста молитв. И держит он в руке некий драгоценный камень, который называется рубин, очень длинный и широкий, так что кажется, будто сжимает он пламя.

А говорят, что камень этот самый что ни на есть драгоценный на свете, и великий император татар Катая так и не сподобился поглядеть на него, и не добился он его ни за деньги, ни силой, ни хитростью³⁵. В этой стране суд правит сам царь, и везде, во всем царстве, можно ездить без опаски. Много есть в этой стране такого, что достойно внимания, да писать об этом не буду.

25. Об острове Силлан и его достопримечательностях

Есть еще такой остров Силлан [Цейлон]; в окружности он более двух тысяч миль³⁶, и на нем бесчисленное множество змей и тьма разных диких зверей, и особенно много слонов. В этой стране есть большая гора, и люди говорят, что на ней Адам сто лет оплакивал своего сына³⁷. А на середине горы есть уступ, очень красивый, и на нем не слишком полноводное озеро, и слух идет, будто начало ему дали слезы, пролитые Адамом и Евой, но этому трудно поверить, ибо питает озеро вода, которая выбивается из недр.

На дне множество драгоценных камней, а в воде полно пиявок. Царь для себя добывает эти драгоценные камни, но ради спасения души своей позволяет брать их [другим людям]; единожды, а то и дважды в год он допускает бедных искать эти камни, и им достается все, что посчастливится найти. А эти бедняки, прежде чем войти в воду, берут лимон, хорошенько его растирают и смазывают все тело этим лимонным тестом, а затем уже ныряют, и пиявки им тогда не страшны³⁸

И таким образом, они, ныряя в озеро, достают, если конечно им повезет, драгоценные камни.

Ручей, который низвергается с этой горы, берет начало в озере, и в нем много драгоценных рубинов и иных редких камней. А в том месте, где ручей впадает в море, находят прекрасный жемчуг. И говорят, что ныне ни у одного царя на земле нет такого множества драгоценных камней, как у этого владыки. Зверей и птиц всяких разных на острове без числа, и здешние люди уверяют, что эти звери причиняют немало зла чужеземцам, а тех, кто на острове родился, не трогают.

На этом острове водится много больших, с гуся величиной, двухголовых птиц³⁹. Всего съестного здесь вдоволь и немало иного разного добра, но об этом распространяться не буду.

26. Об острове Дандин и о здешних отвратных обычаях

Покинув остров Силлан и направившись к югу, я дошел до острова, который называется Дандин, а значит это слово — нечистый. И на этом острове живут скверные люди, ибо пожирают они сырое мясо и прочую стервятину. И есть у них отвратительный обычай — отцы поедают детей, а дети отцов, жены мужей и мужья жен, а делается это так: когда у кого-либо захворает отец, идет этот человек к астрологу или жрецу и говорит ему: владыка, спроси господ нашего, исцелится ли мой отец или суждено ему умереть. И жрец, а с ним и тот, у кого захворал отец, отправляются к идолу (а идола этого делают из золота или серебра), читают молитву и вопрошают его: боже, ты наш господь, и тебе поклоняемся как господину нашему; так ответь нам на наш вопрос. Такой-то сильно занемог, должен ли он умереть или исцелится от хвори? И демон устами идола отвечает: отец твой не умрет и от хвори будет избавлен, но ты для этого должен сделать то-то и то-то. И демон указывает человеку, что надлежит ему совершить для исцеления отца, и человек этот возвращается к отцу и старательно ходит за ним, пока тот совсем не оправится. Если же демон говорит, что отец должен умереть, то жрец отправляется к [больному], набрасывает ему на рот ткань и душит его до смерти.

А умертвив, они рассекают тело на куски, приглашают друзей и родичей и всех здешних плакальщиков и пожирают тело с великим ликованием и поют при этом песни. А затем собирают кости и торжественно зарывают их в землю. И родичи, не приглашенные на эту тризну, считают, что их тяжело обидели. Я крепко порицал их за такой обычай и говорил им: пошто поступаете вы противно разуму? Ведь если мертвую собаку дать собаке живой, то она не станет есть; так почему же такое творите вы, по видимости наделенные разумом?

И они мне отвечали: если не мы, то черви съедят тело, а буде такое случится, душа покойного претерпит великие муки. И мы поедаем тело, дабы не страдала душа. И хоть и дали они мне высказаться, но не захотели отступить от своих верований и оставить принятый у них обычай⁴⁰.

27. О двадцати четырех тысячах островов Индии

О многих иных диковинках тех стран я ничего не пишу, ибо все равно тот, кто не видел этого, мне не поверит. И таких чудес, как в этом царстве [Индии], нет в целом свете. А пишу я лишь о том, в чем уверен сам и в чем нет у меня никаких сомнений.

А что касается этого острова, то допытывался я у многих, сведущих в этих делах, и все в один голос заверили меня, что в этой Индии насчитывается добрых двадцать четыре тысячи островов⁴¹ и правят ими шестьдесят четыре венценосца. И бóльшая часть этих островов густо населена. Теперь кончаю я свой рассказ об этой Индии и о ней больше не желаю говорить. И намерен ныне я кое-что поведать о Верхней Индии.

[Главы 28—50, посвященные Китаю и Тибету, в переводе опущены].

51. Брат Одорико свидетельствует, что повествование его правдиво

Я, брат Одорико, бегемец из Форо Юлио и города, которому название Портус Маонис [Порденоне], из ордена братьев-миноритов провинции святого Антония,

торжественно провозглашаю, заявляю и свидетельствую достопочтенному брату Гидотто, министру названной провинции святого Антония в Тревизской марке⁴², а ему я обязан своим обетом, что все, о чем говорилось выше, я либо видел воочию, либо слышал от людей, достойных доверия, в истине же того, что не довелось мне видеть, порукой служат толки об этих странах. О многом я воздержался упоминать, ибо тем, кто подобного не видел собственными глазами, трудно поверить моим словам. Я же изо дня в день готовлюсь возвратиться в те страны, где и надеюсь умереть, если это угодно будет творцу всех благ.

И все, о чем выше шла речь, доподлинно изложил в письменном виде брат Гильельмо из Саланьи, запечатлев слова с собственных уст названного брата Одорико, божемца, в год господа нашего тысяча триста тридцатый, в месяце мае, в обители святого Антония в Падуе. И он не взял на себя труд приукрасить изощренной латынью [текст] и написал обо всем так, как ему было это рассказано, дабы все могли понять, о чем здесь говорится.

52. О смерти брата Одорико

Сей блаженный брат Одорико, возвратившись из заморских стран в свою провинцию, то есть в Тревизскую марку, пожелал посетить его Высокое Святейшество, дабы получить от него дозволение взять с собой пятьдесят братьев из какой угодно провинции⁴³. И он отправился в путь из Фриули, города, где родился, но придя в Пизу, поражен был тяжелым недугом и вынужден был вернуться в свою [провинцию]. И в Удине, городе Фриульской округи, в год воплощения господа тысяча триста тридцать первый, в канун январских ид⁴⁴, оставил он сей мир и вознесся к славе блаженной. И там, в небесах, да воссияет добродетель его и да утвердится его чудотворная сила. И да исцелятся именем его слепые, убогие, глухие и немые. Господу хвала! Аминь!

¹ Г. Юл считает этот рассказ о куропатках одним из самых необузданных вымыслов Одорико. Любопытно, однако, что о куропатках, которых пастухи пасли подобно овцам, сообщает при описании острова Хиоса французский путешественник XVII в. Жозеф Турнефор («Cathay...», vol. II, p. 100).

² Легенда о «сухом дереве» встречается у многих средневековых путешественников — европейских, арабских, китайских; наиболее обстоятельный ее разбор принадлежит П. Пеллио (P. Pellio, *Notes on Marco Polo*, vol. II, pp. 627—637). У Одорико речь идет скорее всего о каком-то совершенно конкретном дереве, вероятно (сухом платане), которое в XIV—XV вв. было одной из достопримечательностей Тебриза. Испанский путешественник Клавиho, посетивший этот город в начале XV в., писал «Растет здесь на площади... сухое дерево», имея в виду, очевидно, тот же мертвый платан.

³ Марко Поло также считал Персию родиной трех евangelьских волхвов, но выводил их в Палестину не из Кашана, а из города Савы, или Сабы, который, по мнению В. В. Бартольда ([Марко Поло], *Книга...*, стр. 258), отвечает селению Саве, расположенному к юго-западу от Тегерана. В некоторых версиях повествования Одорико Сава также указывается как родина трех волхвов.

⁴ К востоку от Йезда действительно начинается область сыпучих песков — окраина пустыни Деште-Лут. Г. Юл приводит интересное описание этой местности английского путешественника П. Сайкса: «Покинув Йезд... мы направились по песчаному тракту... вокруг нас было песчаное море, точно такое же, как в описании Одорико» («Cathay...», vol. II, p. 107).

⁵ Какой иранский город Одорико называет Гузом, установить трудно. Вряд ли это Ахвaz, город, лежащий в болотистой местности. Несомненно, однако, что Гуз Одорико расположен к северу-западу от Шираза, где-то в горах Загроса.

⁶ Под «внутренней» Индией Одорико имеет в виду побережье Персидского залива в пределах Фарса. На современных картах эта область заняла бы приморские районы от Бушира до устья Руде-Мехрана.

⁷ Мы опускаем здесь рассказ Одорико о воздействии ормузской жары на некоторые органы человеческого тела. Приводим полностью латинский текст (по версии *BN*): «In ea ita immensis calor est quod pilia et testiculi homini exeunt coram et descendunt usque ad dimidium tibiarum. Ideo que gens illius contratae si vivere volunt sibi faciunt unam unctionem qua illa urgunt. Non aliter homines penitus morerentur, et dum sis sunt uncta in quibusdam sacculis illa ponunt circumcirca cingentes».

⁸ Яссе — соответствует иранскому термину *джехаз* (корабль). Корабли этого типа подробно описал в главе 37 своей «Книги» Марко Поло, который заметил, что скрепляются доски корпуса «веревками из коры индийских орехов». Афанасий Никитин (*Хождение за три моря*, стр. 12) писал, что «из Гурмыза пошел есмн за море Индейское, по Велице дни в Фомигу неделю, в тава, с коньми». Очевидно, тава — корабль того же типа, что и яссе у Одорико. Все европейские и арабско-иранские авторы указывали, что суда эти были крайне ненадежны.

⁹ Владения царя Пора находились в Пенджабе, область Тханы в них не входила; Александр Македонский во время своего похода в Индию (326—325 гг. до н. э.) так далеко на юг не вторгался.

¹⁰ В 1322 г., когда Одорико был в Индии, Делийским султаном правил Гияс ад-дин Туглак (1320—1325). В 1326 г. его сын Мухаммед Туглак перенес столицу из Дели в Девагири (Даулатабад). Дальдилия, о которой говорит Одорико, может поэтому соответствовать и Дели и Даулатабаду, но скорее всего здесь идет речь о Делийском султанате в целом.

¹¹ Г. Юл полагает, что Одорико черными львами называет тигров («Cathay...», vol. II, p. 114).

¹² Об индийских летучих мышах см. прим. 39 к «Описанию чудес» Журдена де Северака.

¹³ Имеются в виду китайские корабли, которые в XII—XV вв. часто посещали гавани Цейлона и Индии. Было несколько типов таких кораблей, но все они, видимо, в Южной Индии назывались *джонг* или *джунг*. В передаче Одорико это слово получило форму *лонклум*, а с легкой руки португальцев, которые приняли южноазиатское название китайских судов, последние стали в европейской литературе именоваться джонками. Одорико первый ввел, хотя и в искаженном написании, это название китайских кораблей.

¹⁴ Это описание делает честь наблюдательности Одорико: перец действительно лазающее растение, цепляющееся своими воздушными корнями за древесные стволы. Плод перца — костянка красноватого, в зрелом виде желтого цвета с зеленоватым оттенком. Плоды собираются незрелыми и долго сушатся на солнце. Одно растение дает от 1 до 5—6 кг перца.

¹⁵ Одорико под названием шабасси описывает здесь плоды джака (см. прим. 24 к «Описанию чудес» Журдена де Северака). Кордье («Cathay...», vol. II, p. 139) в связи с указанием Одорико о смазывании жиром рук и губ приводит выдержку из записок основателя державы Великих Моголов Бабура, который объяснял этот обычай тем, что сок джака весьма едкий. Г. Юл (Hobson Jobson, p. 452) отмечает, что подобная практика распространена у индийцев и что существует даже поговорка: «Смажьте губы, пока джек еще на дереве». Любопытно, что легенда о деревьях, на которых растут живые человечки, встречается и у арабских географов X—XIII вв., в частности у Масуди и Идриси.

¹⁶ Одорико описывает обычай *сати*, о котором примерно то же писал Журден.

¹⁷ Подобные изуверские обряды действительно были у индуистов, хотя имели отнюдь не всеобщий характер. Г. Юл отмечает, что обычай отмеривать своим телом путь к храмам и святыням существовал не только в Тибете у паломников, направляющихся в Лхасу, но и у пилигримов-индуистов Декана («Cathay...», vol. II, p. 143).

¹⁸ Об озерах-сокровищницах в XIV в. писали и неевропейские хронисты, побывавшие в Индии. В частности, Масуди упоминал об озере сокровищ индийского государя. Г. Юл приводит свидетельство одного иранского автора, который упоминает о храме, стоявшем на острове небольшого озера. Жрецы бросали в воды озера дары жертвователей, и на дне его скопились несметные богатства. Делийский султан Мухаммед Туглак, захватив этот храм, приказал

осушить озеро, после чего обнаруженное на его дне золото было вывезено на двухстах слонах и на нескольких тысячах быков («Cathay...», vol. II, p. 144). Разумеется, хронист сильно преувеличил размеры султанского «улова», но в основе его сообщения лежат реальные факты: индусты нередко прятали от мусульманских заведателей храмовые сокровища в укромных местах, в частности на дне водоемов.

¹⁹ Г. Юл полагает, что здесь описана колесница Джуггурната (Джагернаута в неправильной транскрипции, принятой в русской литературе XIX — начала XX в.), выезд которой действительно сопровождался такими актами, отмечавшимися даже в конце XIX в. («Cathay...», vol. II, p. 145). В версии *Pal.* Одорико вводит термин *туины*. Так монголы называли буддийских священнослужителей. Этот термин встречается и у Рубрука.

²⁰ Как уже отмечалось выше, страны Ламори соответствуют крайней северо-западной части Суматры. Суматра делится экватором на две почти равные части. В той ее половине, которая лежит между экватором и 5° с. ш., Полярная звезда стоит очень низко над горизонтом и совсем исчезает к югу от экватора, в юго-восточной части острова.

²¹ Одорико в нескольких словах изложил главные особенности малайской сельской общины, подметив те черты ее устройства, которые не всегда понятны были европейским исследователям XIX—XX вв. (отсутствие частной собственности на землю — ею владела вся родовая община — и особые брачные отношения при пережитках матриархата). Даже Г. Юл, который отлично знал азиатский Восток, писал: «Не могу указать ни одной области на Суматре, где бы факты подтверждали это странное сообщение» («Cathay...», vol. II, p. 148). Одорико ничего не пишет о мусульманах на Суматре, что лишний раз подтверждает, что исламизация прибрежных областей Северной Суматры началась только во второй половине XIV в.

²² Одорико, вероятно, побывал на Яве, но в столицу могущественного яванского царства Маджапахит (она носила то же название), расположенную близ современного городка Маджакерты (в 50 км от Сурабайи), он явно не заходил и царский дворец описал с чужих слов, весьма его приукрасив. Спутник китайского мореплавателя XV в. Чжэн Хэ, Ма Хуань, отмечал, что царский дворец окружен кирпичными стенами и внутри здания много высоких залов с полами, покрытыми узорными ротанговыми циновками. Ма Хуань ни словом не обмолвился о золотых лестницах и кровлях, не зато указал, что дворцовая крыша сооружена из твердого дерева (Я. М. Свет, *За кормой сто тысяч ли*, стр. 102).

²³ Экспедиция, посланная в 1292—1293 гг. Хубилаем для завоевания Явы, не смогла покорить этого острова, монгольские войска были разбиты яванцами. О неудаче Хубилая пишет и Марко Поло в главе 163 своей «Книги».

²⁴ О местонахождении страны Патен между комментаторами Одорико до сих пор идут споры. Патен в равной мере может соответствовать малайским названиям Бантам, Бинтанг, Бандан, Патани, а Таламасин, точнее Талага Масин, по-малайски значит «соленое озеро». Г. Юл, однако, считает, что по ряду признаков Патен следует поместить на южном берегу Калимантана («Cathay...»,

vol. II, p. 156). Английский востоковед Дж. Джерини («Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London, 1905, p. 509) полагает, однако, что Патен скорее соответствует местности Бентан на северном берегу Сингапурского пролива или острову Сингапур, который в XIII—XIV вв. назывался Пентам или Пантем. Мы склоняемся все же к мнению Г. Юла, поскольку описание Одорико в большей степени отвечает прибрежным районам Калимантана, чем южной оконечности Малаккского полуострова и острову Сингапур. Китайские авторы XIII—XV вв. отмечали, что на западных берегах Калимантана много пиратских убежищ, а о морских разбойниках Патена упоминает и Одорико.

²⁵ Растительные яды известны повсеместно в Индонезии, но особенно широко на Калимантане. Г. Юл упоминает о сильнодействующих ядах, которыми пользуются даяки. Человек, пораженный в руку отравленной стрелой, умирает через четыре минуты. В версии *Pal.* Одорико описывает малайские стрелометательные трубки (сарбаканы). Это первое в европейской литературе упоминание о сарбаканах. Пальмовое вино (тодди) дают многие разновидности пальм, в частности лантаровая пальма. Из сока ее получают также пальмовый, или яванский, сахар (H. Cordier, *Les voyages en Asie...*, p. 180).

²⁶ Одорико описывает здесь саго — «древесную крупу», которая изготавливается из сердцевин саговых пальм. Это высокие и стройные пальмы до 1 м в диаметре с широкой кроной, образованной очень длинными листьями. Саго получают следующим образом: срубают молодое дерево, отсекают верхушку и комель, тщательно соскабливают кору, луб и смолистые натёки. Затем сердцевину мелко крошат и получают богатую крахмалом массу. Однако, вопреки мнению Одорико, сок этой пальмы для изготовления саго не используется.

²⁷ Сильные и опасные течения действительно имеются к югу от островов Бали и Флорес. Португальские авторы XVI в. также отмечали, что суда, которые в эти течения попадают, не могут уже возвратиться к родным берегам («Cathay...», vol. II, p. 160).

²⁸ Одорико описывает здесь ротанг — лиану, которая порой достигает длины 200 м. Из ротанга индонезийцы плетут циновки, корзины и паруса; для парусов это наилучший материал, по прочности превосходящий парусину, и при этом очень эластичный и легкий. Но у Одорико ротанг наделен некоторыми свойствами бамбука, о котором он упоминает чуть выше, говоря о тростнике «ростом с дерево».

²⁹ По свидетельству Кордые («Cathay...», vol. III, p. 162), на Калимантане в качестве амулета, предохраняющего от стрел и мечей, используют камень «безоар». Камень этот, однако, минерального происхождения, хотя в различных легендах часто упоминается о чудодейственном безоаре, который будто бы находят в змеиных головах.

³⁰ Вьетнамские авторы XIV в. отмечают, что в Тьямпе было много слонов, которых здесь использовали для перевозки грузов. Ма Туань-линь, китайский автор XIII в., также указывает, что знатные люди ездят на слонах и что слоны играют значительную роль в церемониале царского двора (H. Cordier, *Les voyages en Asie...*, pp. 193—194; см. также [Марко Поло], *Книга...*, гл. 157).

³¹ Кордые (*Les voyages en Asie...*, pp. 194—195) приводит любопытную легенду, записанную в Северном Вьетнаме. «В провинции Тхань-Нгуен есть бухта, где стоит большая скала, а в нижней ее части три ступени, подобно ступеням лестницы. По народным преданиям, сюда ежегодно в определенное время приплывает много разной рыбы, и рыба эта вступает в ожесточенную борьбу, стремясь взобраться как можно выше по ступеням в камень. И те рыбы, которым удастся добраться до наивысшей ступени, остаются здесь много времени без пищи, а затем превращаются в наземных животных». По-видимому, предание это основано на действительных наблюдениях за массовым нерестом рыбы в морских бухтах и устьях рек.

³² Г. Юл («Cathay...», vol. II, p. 166) с иронией пишет: «О монахах! Ведь самый маленький купол из многочисленных куполов собора св. Антония имеет в диаметре около 40 футов... наибольшая же черепаха, о которой я встретил сведения в современной литературе, имеет панцирь длиной в 7 футов».

³³ Кремация и обычай сати были распространены в Южном Вьетнаме, где очень сильны были индийские влияния. Г. Юл приводит многочисленные примеры самосожжения вдов в Тьямпе, относящиеся к XIX в. («Cathay...», vol. II, p. 167).

³⁴ Остров Никобаран — это Никобарские острова, в описании которых Одорико отдал щедрую дань нелепейшим вымыслам. Описание Никобарских островов у Марко Поло куда ближе к истине. Впрочем, Марко Поло поглавцами населил соседние, Андаманские, острова. Непонятно, каким образом группа мелких островков слилась в воображении Одорико в единый большой остров. Надо полагать, что Одорико никогда не был на Никобарских островах.

³⁵ Марко Поло наделяет этим драгоценнейшим рубином царя Цейлона и указывает, что именно этот владыка отверг все домогательства великого хана ([Марко Поло], *Книга...*, стр. 182).

³⁶ Размеры Цейлона неизменно преувеличивались античными и средневековыми авторами. Марко Поло полагал, что этот остров в окружности имеет 2400 миль и что в древности он был в полтора раза больше.

³⁷ Здесь имеется в виду третья по высоте гора Цейлона — Адамов пик (2243 м), расположенная на юге центрального нагорья. С Адамовым пиком, изумительно красивой горой с четкими контурами, издревле связывались у арабов, иранцев, китайцев и индийцев различные предания. Мусульмане и христиане верили, что на этой горе жил Адам.

³⁸ Ибн Батута приводит аналогичную версию о водоеме, откуда извлекают драгоценные камни. Кордые (*Les voyages en Asie...*, p. 227), комментируя рассказ Одорико о цейлонских пивяках, приводит свидетельство английского географа Дж. Теннента, который указывал, что местные жители действительно смазывают кожу маслом, табачным пеплом и лимонным соком, прежде чем войти в водоем, где водятся эти пивяки.

³⁹ По мнению А. Кордые («Cathay...», vol. II, p. 173), птица «о двух головах» — это калао, или птица-носорог, с огромным наростом на клюве.

⁴⁰ Остров Дандин — по всей вероятности, Андаманские острова, причем описания Одорико и здесь начинены всевозможными вы-

мысли. Впрочем, на Андаманских островах Одорико все же, вероятно, побывал.

⁴¹ Марко Поло в Южно-Китайском море насчитал 7448 островов, и его оценка оказалась преуменьшенной. Ближе к истине Одорико. В морях Юго-Восточной Азии около 20 тыс. островов, а с прибрежными рифами еще больше.

⁴² Тревизская марка — северная часть территории Венецианской республики.

⁴³ Речь идет о несостоявшемся путешествии Одорико из Падуи в Авиньон к папе Иоанну XXII.

⁴⁴ Канун январских ид — 14 января.

Хроника флорентинца Джованни Мариньолли, епископа Базиньянского

Из главы «О сотворении мира»

...Я, брат Иоанн [Джованни] из Флоренции из ордена миноритов, ныне недостойный епископ Базиньяно, в год господа нашего тысяча триста тридцать [восьмой] послан вместе с другими братьями святым папой Бенедиктом Двенадцатым к Каану, или верховному императору всех татар,— государю, который держит во владении половину восточного мира,— чтобы в качестве нунция и легата доставить ему письма и дары апостолического престола.

Вышли мы из Авиньона в декабре месяце [1338 г.], пришли в Неаполь в начале великого поста и здесь пробыли до пасхи (которая приходилась на конец марта) в ожидании корабля из Генуи, а на этом корабле находились послы, отправленные Кааном из Камбале-ха [Ханбалыка], большого города, к папе, чтобы спешествовать назначению папой послов и открытию пути к союзу с христианами, ибо Каан очень любит и почитает нашу веру. И важные государи его империи, которых называют аланами и которые правят всеми восточными землями империи (а их более тридцати тысяч, этих аланов),— христиане как истинные, так и только по имени, и они называют себя рабами папы и готовы жизнь отдать за франков; франками же они нас называют не по Франции, а по франкской земле.

Первым апостолом этого народа был брат Иоанн, называемый Иоанном из Монтекорвино; был он сперва солдатом, судьей и наставником (doctor) императора Фридриха, а после семидесяти двух лет стал мудрейшим и ученым братом миноритом ¹.

На майские календы мы морем дошли до Константинополя и находились в Пере до дня святого Иоанна Крестителя²; время это провели мы там не праздну (ибо у нас состоялся большой спор с патриархом греков и всем его собором во дворце святой Софии, и содейл господь великое чудо, дав нам уста и мудрость, против которых не могли устоять [греки], и они вынуждены были признать себя схизматиками и не привели никаких доводов в оправдание своей губительной скверны, кроме [ссылок] на нестерпимую заносчивость римских прелатов).

Оттуда мы прошли Мавританским морем [Mare Maugit — очевидная описка копииста — следует читать: Mare Majus — Великое море] и спустя восемь дней мы прибыли в Кафу, где живут христиане различных сект. Из Кафы мы пришли к первому императору татар Узбеку и вручили ему письма, которые мы ему везли, ткани, боевого коня, цитиак³ и подарки от папы. А когда миновала зима, мы, изрядно откормленные и одетые, с множеством отменных подарков, получив от императора лошадей и деньги на возмещение дорожных издержек, прибыли в Армалек [Алмалык], что в Срединной Империи. Здесь мы построили церковь, купили участок земли, вырыли колодец, справили мессы и многих окрестили, проповедуя невозбранно и открыто, невзирая на то что за год до этого епископ и шесть братьев приняли, во имя Христа, мученическую кончину [в Алмалыке]. То были: брат Рикардус, епископ, бургундец родом, брат Франческо из Алессандрии, брат Пасхалий, испанец (а был он пророком, и виделись ему разверстые небеса, и предсказал он свое и своих спутников мученичество и гибель от потопа татар Сарая и разорение Армалека, и смерть императора спустя три года после их мученической кончины), брат Лоренцо из Анконы, брат Петр, один индийский брат, их драгоман, и Гилоттус, купец.

На третий год после нашего отъезда от [папского двора], покинув Армалек, мы прибыли в Чилоскоган⁴, т. е. в песчаные горы, которые создает ветер, и, кроме татар, никто не считает, что дальшѐ есть обитаемая земля или что за этими горами может находиться какая-либо страна. Но татары, с божьей помощью, успешно пересекают [эти пески], а край тот философы назы-

вают жаркой зоной, считая ее непроходимой; татары же ее проходят, и я также прошел ее дважды, недаром в псалмах давидовых поется: «Он превращает пустыню в озеро...» А пройдя пустыню, мы достигли Камбалеа, главного обиталища императора Востока, о невероятном величии коего, его народах и воинской силе мы умолчим.

А Великий Каан, когда увидел боевых коней и подарки папы и письмо его и [неаполитанского] короля Роберта, скрепленные золотой печатью, и когда узрел нас, возрадовался и даже, можно сказать, возликовал, был доволен всем и встретил нас с великим почетом. И мы вошли в славный дворец Каана, и я был в торжественном облачении, и передо мной несли крест с горящими свечками и курили ладан, а я пел «верую в господа единого». И когда кончил я петь, благословил я [Каана], и он смиренно принял мое благословение. И нас препроводили в одну из императорских палат, убранную с большим вкусом. И назначены были два принца, чтобы наищедрейшим образом удовлетворять все наши нужды в пище и питье и даже в бумаге для фонарей; от двора присланы были нам разные слуги. И они нам служили на протяжении четырех лет всегда с бесконечным уважением, оказывая нам почести и сопровождая нас в дорогих одеждах. И если только я все подсчитал точно, то истратили они на нас более сорока тысяч марок, а нас было тридцать два человека.

И мы не раз выступали на диспутах против иудеев и приверженцев других сект, и великую жатву пожали мы в этой империи, спасая души.

...Император, видя, что я ни за что не желаю оставаться здесь, дозволил мне возвратиться к папе, и он возместил издержки за три года и пожаловал дары. И он [пожелал], чтобы меня или какого-нибудь кардинала послали сюда со всеми полномочиями в качестве епископа, ибо все восточные люди, будь то христиане или язычники, питают высочайшее уважение к ордену [миноритов]. И [епископ этот] должен быть из ордена миноритов — других священников они не знают и думают, что папа всегда бывает из миноритов, подобно папе Иеремии [Николаю IV], который послал сюда легатом брата Иоанна Монтекорвино, из ордена миноритов, которого татары и аланы почитают святым.

И мы пробыли в Кандалеке около четырех лет⁵. Отсюда мы направились через Манзи⁶ с охранной грамотой императора, и было у нас около двухсот лошадей. И видели мы славу мира в стольких городах, землях, селениях и такого насмотрелись, что об этом словами и сказать нельзя. И от поста святого Стефана⁷ до вербного воскресенья мы шли Индийским морем к благороднейшему городу Индии Колумбу, где родится весь перец вся земля. А растет это перец на лозах, и сажают их наподобие виноградных.

Здесьние лозы дают грозди, которые сперва подобны зеленым гроздьям дикого винограда, а затем они становятся такими, как кисти настоящего винограда, и дают крепкое вино, и я своей рукой выжимал это вино в чашу, [используя его] для приправы. Когда плоды созреют, их сушат на дереве, а после того как они от большого жара засыхают, их палкой сбивают [с ветвей] и принимают на [расстеленные] полотнища и таким образом собирают урожай.

Своими глазами я видел и своими руками трогал я здесь [многое] целых четырнадцать месяцев; и здесь не жарят перец, как о том лгут всяческие сочинители, и не родится он в пустыне, а растет в садах, и хозяева этого перца не только сарацины, но и христиане святого Фомы, которые назначают цены на перец для всего света (*qui habent stateram ponderis totius mundi*), и от них как легат папы я каждомесячно получал сто фанов золотой монетой, а при отъезде — тысячу фанов⁸. Здесь есть церковь святого Георгия для латинян, и в ней я жил⁹. И я украсил ее отличной росписью и наставлял в ней в святом законе. И наконец преступил я пределы славы великого Александра, который воздвиг здесь свой столп в этом уголке мира, против земного рая, и поставил я камень с надписью и помазал ее маслом. И камень этот мраморный, и вверху на нем крест и до скончания мира простоять бы ему; я воздвиг его при сечении можно сказать бесчисленного множества людей, и освятил и благословил и вырезал на нем герб папы и наши гербы и буквы индийские и латинские; и меня несли здешние князья на плечах, в носилках, как самого Соломона¹⁰.

И пробыв здесь год и четыре месяца, простился я с братьями и, совершив много славных дел, пришел я

затем к знаменитейшей царице Сабе. Я был ею принят с почетом, и, пожав [скудную] жатву в душах (ибо здесь мало христиан), отправился я морем на Сейллан [Цейлон], великую гору, что лежит против рая, а от Сейллана до рая, как уверяют местные жители, ссылаясь на предания отцов своих,— сорок итальянских миль. Так что, говорят они, слышен здесь шум вод, текущих из Райского ключа...

Из главы «О рае»

...Итак, рай — это место на земле, окруженное морем-океаном, и лежит он в восточной стороне за Индией Колумбийской, против горы Сейллан, и это место высочайшее из всех мест на земле, достигающее, как это доказал Иоанн Скот¹¹, до лунной сферы и удаленное от всея смуты, с воздухом мягчайшим и ясным, а посредине бьет из земли ключ и орошает рай и все деревья его, а они дают лучшие плоды на усладу взору, ароматные и нежные, и идут они в пищу людям. А ключ райский исходит из горы и питают его воды озера, которые философы называют озером Евфират. И входят эти воды в другие густые (spissa) воды, которые вытекают по другую сторону [горы] и, разделяясь, порождают четыре реки, протекающие через Сейллан. И названия им такие: Гион, который течет в эфиопской земле, где нынче живут черные люди, и о стороне той говорят, что та земля пресвитера Иоанна. И считают, что это и есть река Нил, которая спускается в Египет через щель, пересекающую страну Абастии, где живут христиане святого Матвея апостола, и султан — данник этих христиан, ибо они владеют истоками вод и могут погубить Египет.

Вторая река называется Фисон, и протекает она через всю Индию в землю Евилах, и говорят, что спускается она в Китай, где известна как река Карамора, то есть Черная Вода, и там рождается камедь и оникс; думаю я, что это самая большая пресная река на свете, и я сам ее переходил. И на берегах ее большие города, и городов этих множество, и они богаты золотом. И на этой реке в деревянных домах живут отличные мастера, особенно искусные в выделке шелка и златотканых материй, и их такое множество (тому я свидетель, ибо видел их воочию), что, на мой взгляд, превосходят они числом мастеров Италии. И у них на берегу той реки

в изобилии есть шелк и больше его, чем во всем остальном мире, и они плавают со всем своим домом, передвигаясь со своими семьями. Это я видел. А по другую сторону от Кафы река теряется в песках, но затем появляется снова и образует море, которое называют Бакук, и оно лежит за Таной¹².

Третья река называется Тигр. Она идет от Ассирии и спускается близ Ниневии, а от истоков до Ниневии самое большое три дня пути; здесь Иона был послан проповедовать, и его гробница находится в этом месте. И я был здесь и прожил четырнадцать дней в селениях, построенных из [камней] разрушенного города. Тут прекрасные плоды, особенно же гранаты, дивные на вкус и огромные, и все плоды такие, как в Италии, а на другой стороне [реки] есть город, сооруженный из руин Ниневии, который называется Монсол [Мосул]. Между этой и четвертой рекой лежит длинная земля, название которой — Месопотамия, что значит Земля меж вод. Ассирия — страна Авраама и Иова, где есть также город царя Абагара, которому Христос направил послание, писанное собственной рукой; ныне же город этот у сарацин. Здесь в великом страхе пробыл я четыре дня. Наконец, достигли мы четвертой реки, имя которой Евфрат, и она отделяет Сирию, Ассирию, Месопотамию от Святой земли¹³. Перейдя ее, мы окажемся в Святой земле, где много городов, особенно же велик Алеп [Алеппо]; в нем множество христиан, одетых на латинский манер, и говорят они на языке почти таком, как галльский, или, иными словами, почти как на Кипре¹⁴. Оттуда совершил я паломничество в Дамаск, к горам Ливанским, в Галилею, Самарию, Назарет, Иерусалим и к гробу господина нашего Иисуса Христа...

Об истории горы Сейллан

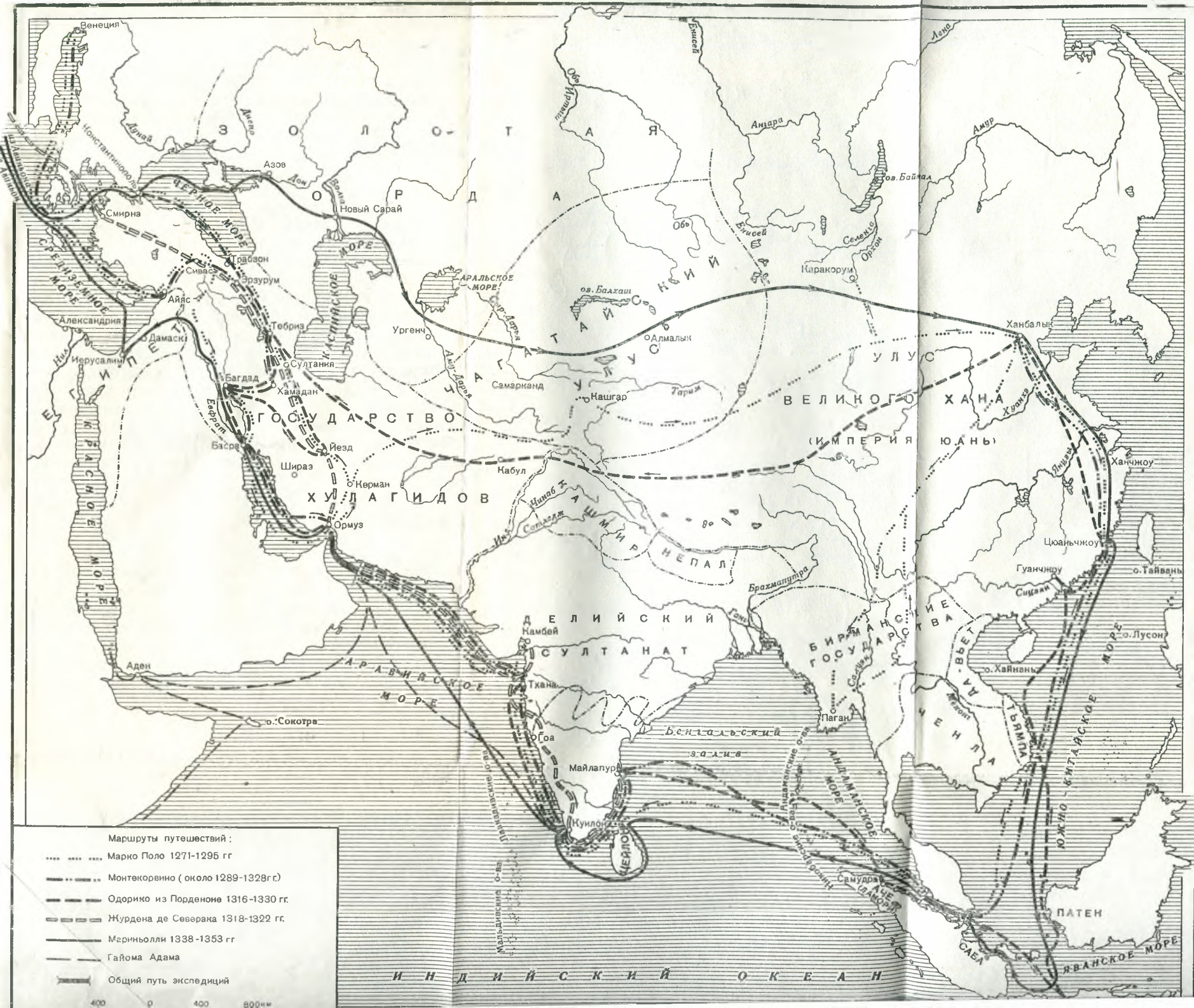
...И мы покинули Зайтон в день святого Стефана и в среду на святой неделе прибыли в Колумб. Желая затем доплыть до святого Фомы апостола, а оттуда в землю Саба, мы воспользовались джонками (junkos) из Нижней Индии, которая называется Минубаром. В канун дня святого Георгия начались такие сильные бури, что шесть или того более раз мы едва не погрузились в морскую пучину, и только чудо господне избавило нас

[от гибели]. И видели мы много чудес: пламенеющее море и летающих огненных драконов, которые поражали насмерть в полете своем людей на других джонках; наши же люди промыслом господним и силою тела Христова, которое носил я с собой, и милостью славной девы и святой Клары остались невредимы. И поскольку все христиане предались покаянию, спасая души свои, то, несмотря на то что буря продолжалась, мы смогли, уповая на волю господню, идти под парусом¹⁵.

И милосердием господним в утро дня обретения честного креста мы оказались в гавани сейлланской, имя которой Первили, а лежит она против рая¹⁶. Здесь некий тиран и евнух по имени Койя Яаан, злейший сарацин, стал у власти, одолев истинного царя, владея неисчислимыми сокровищами; он по этой причине смог захватить большую часть царства.

И сперва он принял нас с мнимой лаской, а потом мало-помалу, под видом займа и весьма учтиво он взял у нас шестьдесят марок в золоте, серебре, шелке, златотканых материях, драгоценных камнях, мирре и благовониях из даров Великого Каана и других государей, в подарок посланных папе. И пробыли мы в этом невольном плену четыре месяца¹⁷. Некоторые считают, что на этой высочайшей горе, быть может самой высокой после горы рая из всех, что есть на земле, и находится рай. Но это заблуждение, — само название противоречит [такой догадке]. Ибо местные жители называют [свою землю] Зиндабаба, баба же значит отец (как мама — мать) на всех языках мира; а Зиндан означает ад, так что Зиндабаба — это «отчий ад», и название это указывает, что наш прародитель обосновался здесь после изгнания из рая, попав как бы в ад.

И эта высочайшая гора венчается пиком, который лишь изредка видим из-за облаков. Но господь, вняв молениям нашим, в одно утро, на восходе солнца осветил [небо], и увидели мы ярчайшее пламя, озаряющее гору. На спуске с этой горы есть уступ на большой высоте и очень красивый, и там, перечисляю по порядку, находятся: во-первых, след стопы Адама, во-вторых, сидящая статуя, левая рука которой покоится на колене, правая же поднята и простерта к западу; затем дом, построенный Адамом, подобный четырехугольной, вытянутой в длину гробнице; посредине дома дверь, и он

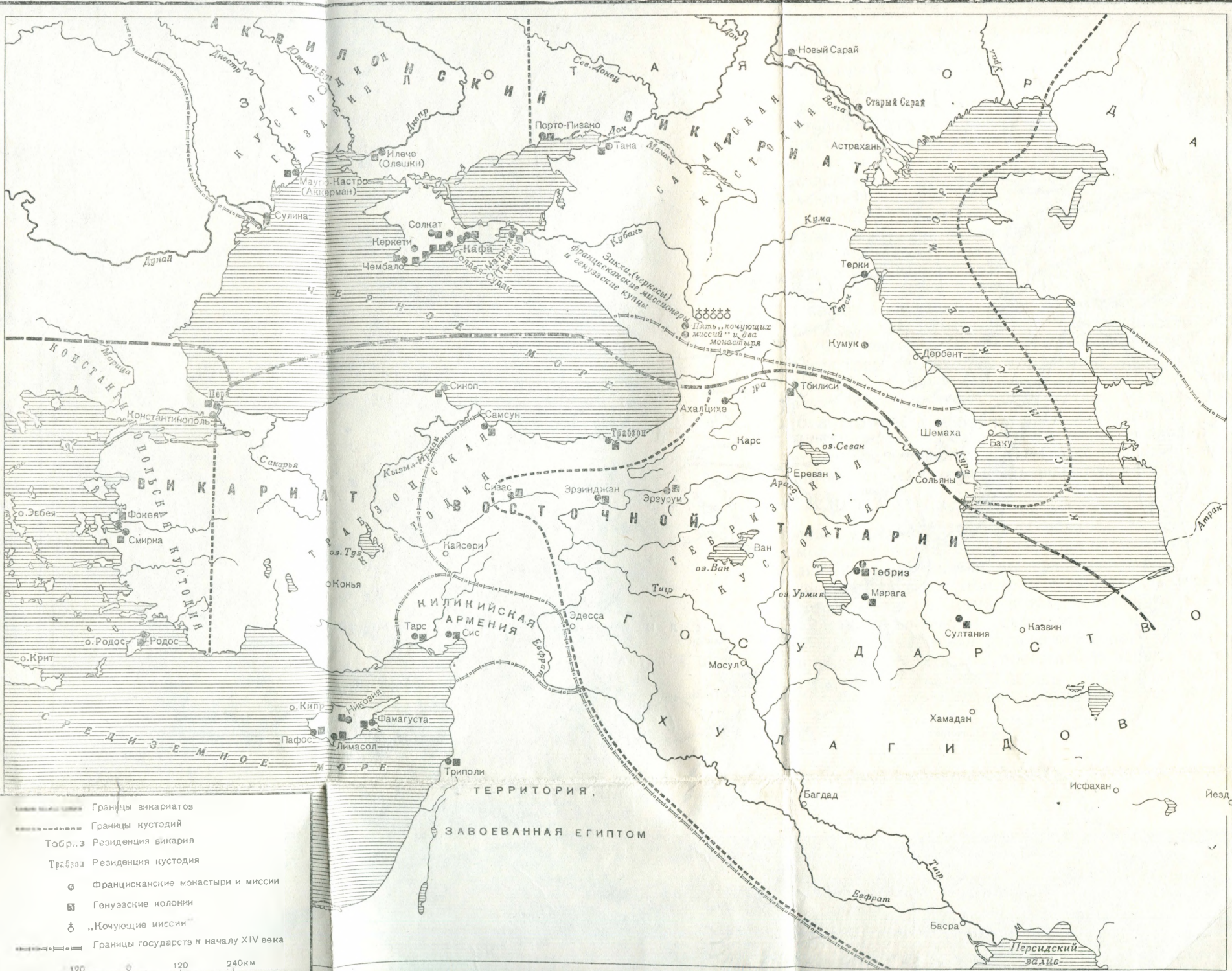

Маршруты путешествий :

- ..... Марко Поло 1271-1295 гг
- · — · — · — Монтекорвино (около 1289-1328гг)
- — — — — Одорико из Порденоне 1316-1330 гг.
- — — — — Журдена де Северака 1318-1322 гг.
- — — — — Мариньолли 1338-1353 гг
- — — — — Гайома Адама
- — — — — Общий путь экспедиций

400 0 400 800 км

И Н Д И Й С К И Й О К Е А Н

- Границы викарриатов
  - Границы кустодий
  - ТоГр.з Резиденция викаррия
  - Трзбзод Резиденция кустодия
  - Францисканские монастыри и миссии
  - Генуэзские колонии
  - „Кочующие миссии“
  - Границы государств к началу XIV века
- 120 120 240 км

сложен из больших мраморных плит, ничем не скрепленных меж собой, а попросту положенных одна на другую¹⁸.

Местные жители, и особенно монахи, которые живут у подошвы этой горы, а они люди наисвятейшей жизни, хотя и без веры, говорят, что потоп не достиг этого места и что дом сей стоял всегда, но речи эти противны Священному писанию и слову святых отцов. Все же есть у них крепкие доводы, ибо они говорят, что происходят не от Каина и не от Сета, а от других сыновей Адама, которые [своим чередом] породили сыновей и дочерей. Но так как сие противно Священному писанию, то умолчу [об их доводах].

Они никогда не едят мяса, потому что Адам и потомки его, жившие до потопа, также не потребляли мяса. И они обнажены выше бедер, и бесспорно нравы у них достойные. Есть у них дома из пальмовых листьев, которые можно сокрушить одним пальцем, и дома эти рассеяны в лесах, и в них много есть ценного, а воров здесь совсем не боятся, разве что [берегутся от] чужедальних бродяг.

И на этой горе, в направлении рая, есть большой ключ, воды которого видны за добрых десять итальянских миль; и хотя выходит он именно здесь, говорят, что воды его вытекают из Райского ключа. И в доказательство ссылаются на то, что порой со дна извергаются листья неведомого вида и в большом количестве, а также алоэ-дерево и драгоценные камни — карбункулы и сапфиры, и плоды с целебными свойствами. И говорят, будто камни эти образовались из адамовых слез, но мне это кажется чистым вымыслом. О многом ином считаю я за благо пока промолчать...

Об Адамовом саде и плодах его

...В саду Адама в Сейлланде главным образом растет банановое дерево муса, которое жители называют фикусом. Банановое дерево больше похоже на садовое растение, чем на дерево. Толщиной оно и взаправду с деревом, такое, как дуо, но древесина у него столь мягкая, что человек легко может проткнуть ствол пальцем, и из дыры будет без конца сочиться вода. Листья у

этой мусы очень красивые, весьма длинные и широкие и зеленые, словно смарагд; из этих листьев делают скатерти (tabalias), но только на одну трапезу. И когда рождаются мальчики, их после омовения завертывают в эти листья без свивальника и кладут алоэ и розы, а затем кладут [новорожденных] на песок.

Листья эти длиною в десять ульнов¹⁹, когда более, когда менее, и ума не приложу, с чем бы сравнить их, разве что с девясилем (eminule samrape). А плоды дает только самая верхушка дерева, но с одного ствола можно собрать добрых три сотни плодов, и сперва на вкус они нехороши, но затем, когда полежат они в доме и созреют, то становятся очень душистыми и вкус у них тогда отличный. А величиной они с самый длинный палец руки. И видел я воочию, что коли разрезать их поперек, то в рассеченном месте является фигура распятого человека, как бы наколотая острием иглы²⁰.

И из этих листьев Адам и Ева сделали себе пояски, чтобы прикрыть срамные места.

Здесь есть также другие деревья, многочисленные и с чудесными плодами, которые мы никогда не видим в наших местах: например, наргиль, который также называется индийским орехом. У этого дерева нежнейшая кора, очень красивые листья, почти такие, как у пальмы, из них делают корзины и меры для зерна; а стволы и ветви используют как стропила и поперечные брусья при кровельных работах, из луба же или коры вяжут веревки, а из скорлупы делают чаши и кубки, а также ложки, которые предохраняют от яда. А под скорлупой есть мякоть толщиной в два пальца, и она столь же приятна на вкус, как миндаль. Плоды также калят и так получают отличное масло и сахар.

И внутри [плода] заключен сок, подобный кипяченому молоку, и из сока этого делают вино.

Есть здесь другое дерево, которое называют амбураи, [плоды] превосходны на вкус и ароматны и очень похожи на персики.

Есть и другое чудесное дерево, которое называется чакабаруэ, и оно толщиной с дуб, а плоды растут у него не на ветвях, а на стволе, и они на диво велики, некоторые величиной с ягненка или трехлетнего мальчика. И скорлупа у них твердая, как сосновые шишки, и мы раскалывали ее топором. Внутри плода очень вкусная и

нежнейшая мякоть, подосбная меду и лучшим итальянским дыням. И добрых пятьсот каштанов такого же вкуса содержатся [здесь], и в печеном виде это отличная еда²¹.

Не могу припомнить, видел ли я другие плодовые деревья — груши, яблони, фиги, виноград, но есть там такие деревья, которые дают только листву, плодов у них нет. Но заметил я в прекрасной церкви святого Фомы апостола, где был я епископом, маленькие виноградные лозы, из которых получали немного вина. Говорят также, что когда пришел сюда [Фома], то принес он с собой вина для мессы, и я, пробыв здесь почти два года, поступал таким же образом.

Когда же вино у него иссякло, то отправился он в рай, а туда дорогу ему указали ангелы, и принес оттуда виноград, и посеял семена его и взрастил лозы, которые я здесь видел, и приготовил вино. В других местах тут также есть виноградники, но я убедился, что ягод они не дают. То же можно сказать и об огурцах и дынях, не видел я здесь съестных трав и овощей, если не считать базилики в зарослях...

Об одежде наших прародителей

...И господь дал Адаму и жене его кожаные туники и одел их. Но если спрашивают, откуда была эта кожа, то обычно отвечают либо, что создал [бог] кожу впервые (так говорят те, кто об этом ничего не знает), либо, что он заколол какое-то [животное], а так отвечать не гоже, ибо созданы были животные парами и не могли еще размножиться за одно поколение. А мы, настаивая на своем утверждении, скажем, что читать [в писании] должно лубяные туники, а не кожаные. Ибо среди листьев наргиля, о которых выше уже говорилось, рождаются нити, подобные тем, из которых ткут грубую и редкую ткань, и ныне у здешних [сейлланских] людей и индийцев в обычае из этой пряжи делать плащи (vestes pro pluvia) для тех сельских жителей, которых называют камалли²², а занятие этих камалли — таскать тяжести, а также носить на своих плечах в носилках мужчин и женщин; а о таких носилках говорится в гимне: «Сделал себе Соломон носилки из дерева ливанского», и это переносный паланкин, в чем я убедился в Зай-

тоне и в Индии. Одежду из такой камальей пряжи (говорю камальей, а не верблюжьей!) носил и я, пока не попал во Флоренцию, и ее я оставил в ризнице братьев миноритов в этом городе. Так же одет был и Иоанн Креститель.

А что до верблюжьего волоса, то это тончайшая шерсть, которая во всем мире ценится почти так же, как шелк. Я сам некогда с бесчисленными верблюдами и с верблюжьим волосом через пустыню шел от [места] Вавилонского столпотворения к Египту через Дамаск, и со мной было арабов без числа. В Сейллане же верблюдов нет, а есть несчетное множество слонов, и хотя это свирепейшие звери, но редко причиняют они зло страннику. На одном из них, принадлежащем царице Сабе, я даже ездил. И надо следовать разуму, если только сие не противно вере.

Из главы «О пище наших прародителей»

...Здесь [у «дома Адама», о котором шла речь в главе «Об истории горы Сейллан»] живут мужчины монахи, люди опрятные из опрятных, столь чистоплотны они, что бросают дом, где кто-нибудь плюнул; если же кто-либо плюет в доме, то они из него удаляются надолго и поступают так и в других случаях.

Едят они единожды в день и никогда не дважды, и ничего кроме молока и воды не пьют. А молятся очень достойно; детей же учат писать буквы сперва на песке пальцем, а затем железным пером на листах бумаги или на листьях некоторых деревьев...

...В обители у них растут два дерева, листвою отличные от всех прочих. Они окружены золотыми венцами с драгоценными камнями, и перед ним горят светильники, и деревьям этим поклоняются здесь. И [жрецы] говорят, и им мнится это, что обряд этот по традиции идет от Адама и что от упомянутых деревьев Адам ожидал грядущего спасения²³.

И сие отвечает стиху Давида: «Dicite in gentibus, quia Dominus regnabit in ligno», хотя вернее, следуя еврейскому тексту, говорить не «regnabit in ligno», а «surgabit in ligno»²⁴.

Они никогда не оставляют в своих домах пищу на

завтрашний день, спят на песке, ходят босые с посохом в руках и довольствуются они туникой почти такой же, как облачение братьев миноритов, но без капюшона и с покрывалом (mantello), складки которого перекинуты через плечо, как у апостолов. И они выходят каждое утро в процессии и просят подавание — рис для дневной трапезы. А государи и прочий люд встречают их с великим почтением и дают им рис сообразно числу [монахов]. И они едят рис, вываренный в воде с молоком из наргиля и банана.

Это видел я воочию, и они устроили для меня празднество, как будто я был из их ордена ²⁵...

*Из главы «О приумножении
людей доброго нрава»*

...[Сету] наследовал сын его Енох, который стал называть имя господне, а сие значит, что ввел он новый обычай изустной молитвы богу и религиозные обряды и правила жизни, которым, как говорят, следуют как брагманы, так и монахи в Сейллане, хотя они и обратились в идолопоклонство и почитают дерево, о чем говорилось выше...

...А сыны Адама в Сейллане приводят многие доводы, доказывая, что потоп не достиг до них. А важнейший тот, что в восточной части [Сейллана] есть много беглецов и бродяг (я их видел), о которых говорят, что они сыновья Каина. И лик у них столь ужасный и косматый, что на любого они наводят страх. И они никогда не стоят больше двух дней на одном месте и так смердят, что никто не может вытерпеть это ²⁶.

Редко они показываются, но среди них есть ведущие торговлю...

*Из главы «О потопе
и установлении Ноева ковчега»*

...И ковчег установился на седьмом месяце на горе, что стоит близ Железных ворот в империи Узбека, и гора эта называется Арарат в Малой Армении ²⁷...

...Третья провинция Индии называется Маабар, и там есть церковь святого Фомы, им самим воздвигнутая, а кроме того и другие церкви, которые он построил с помощью работников (cum oregariis)...

.. Царь дал блаженному Фоме весы, чтобы взвешивать перец и все благовонные пряности, и никто не может под страхом смерти отнять теперь у [его приверженцев] эту [привилегию]. Я пробыл здесь четыре дня. В этих местах есть отличные жемчужные ловли...

...Я с великой любознательностью обошел все индийские провинции, желая познать скорее диковинное, чем достойное (хотел я, поелику сие возможно, узнать обо всем), и полагаю, что больше сделал, чтобы познать чудеса мира, чем некто иной, кого все читают и о ком все наслышаны²⁸. Я прошел через все главнейшие провинции мира, и был я в местах, куда сходятся купцы со всех концов света, таких, как названный остров Ормес, и еще никогда не доводилось мне сколько-нибудь достоверно подтвердить, что существуют на земле такие люди (двухголовые и многоногие чудища); а вот меня об этом спрашивали многие, доведываясь, не видел ли я где-нибудь подобное. И истина в том, что нет целого народа, состоящего из [чудищ]. И нет народа одноногих, который как будто бы ногой делает для себя тень (upo pede sibi umbrum facere); просто все индийцы ходят нагишом, и есть у них обычай носить в руках маленький шатер (papilionem), который они называют хатир. И они защищаются им от дождя и солнца; поэты же ложно обратили этот предмет в ногу. Такой хатир я привез с собой во Флоренцию²⁹...

*Случай, который произошел
с одним окрещенным индийцем*

...Когда жил я в Колумбе с христианами, которых называют здесь «модилалами»³⁰, хозяевами перца, то случилось, что однажды утром пришел в церковь человек огромного роста и седобородый; и тело его было обнажено выше бедер и прикрыто лишь паллием, который [на плечах поддерживался] узловатой веревкой по-

добно диаконской столе. И он из почтения распростерся во весь рост на песке и трижды стукнулся о землю головой.

А затем он обнял мои обнаженные ноги и пожелал облобызать их, а когда я запретил ему это, то он поднялся, а затем сел на песок и через толмача рассказал мне, что [этот толмач] его сын, который был похищен пиратами, продан одному гемуэзскому купцу и окрещен и случайно попал к нам; здесь он [встретил] и узнал своего отца. [Отец его] рассказал нам все о своей жизни; он никогда не ел мяса, не пил хмельного, один лишь раз познал, как порождать потомство, четыре месяца в году он строжайшим образом постился, питаясь лишь рисом, сваренным в воде, плодами и травами, и принимал эту пищу только в вечерний час; ночь проводил он в молитве, и перед тем как начать молитву, совершал омовение всего тела своего и вытирал его чистой льняной тканью, которая только для этого и предназначалась.

И он поклонялся дьяволу и чтил его в идольском образе с чистейшим рвением, был жрецом всего острова, расположенного в крайних пределах Индии.

Господь, видя, сколь чист он, сперва просветил его мудростью, а затем заставил дьявола устами идола изречь такие слова: «Ты не стоишь на пути к спасению; а потому велит тебе бог отправиться в Колумб, до которого пути морем два года; там найдешь ты посланца господнего, который укажет тебе путь к спасению». И вот, сказал этот человек, пришел я к стопам твоим и готов во всем быть тебе покорным, и паче того, узнал я лицо твое, которое грезилось мне во сне. И тогда, свершив со слезами молитву и вияв его желаниям, назначили мы ему толмачом и наставником его крещеного сына.

И спустя три месяца я крестил его и дал ему имя Михаил, и он дал обет проповедовать веру, которую принял...

Мы спрашивали у этого человека, который два года плывал в море среди индийских островов, доселе неведомых, видел ли он этих чудовищ или слышал ли что-нибудь о них, и сказал он, что ничего об этом не знает. И я не узнал большего, когда был у царицы Саба, где солнце всходит противоположно тому, как это [водит-

ся] у нас, и где в полдень человеческая тень проходит в правую сторону, тогда как у нас она следует влево, и где наш северный полюс скрыт в шести градусах, а южный совсем поднят, как то нам внушил господин Лемон из Генуи, благородный астролог; и помимо этого там много чудес в звездах.

Что до гигантов, то они действительно существуют, и я видел одного человека, безобразного и изрядно смердящего, и был он так высок, что голова моя не доходила ему до пояса. А в лесах живут с детьми и женами дикие люди, нагие и волосатые; они не показываются на свет, и мне редко удавалось их видеть; они сразу же прячутся в лесу, когда узнают, что к ним кто-нибудь приближается.

И они много трудятся, и сеют, и собирают хлеб (blada) и разные другие [злаки]; когда же к ним приходят купцы, то, завидя последних, они выставляют свои товары, а затем убегают и прячутся. А покупатели подходят и назначают цену и забирают то, что было оставлено.

И правда, что есть чудовищные змеи, подобные тем, которых держит в своем пражском замке государь император Карл ³¹...

...Полагаем (и так говорит и блаженный Августин), что не существуют антиподы, то есть люди, чьи подошвы обращены в противоположную сторону от наших. Не должно быть антиподов никоим образом, ибо под водой есть твердь земная. И опираясь на некоторый опыт, скажем мы, что коли разделить океан крестообразно, то две четверти будут проходимы для кораблей, а две же другие непроходимы вовсе, ибо господу неугодно, чтобы человек мог морем обойти весь мир...

Из главы «О разделении языков»

...Иудеи, татары и сарацины считают нас наихудшими идолопоклонниками, и так думают не только язычники, но и некоторые христиане.

И хотя тамошние христиане почитают картины, им противны иконы, лики [святых] и всякие страховидные фигуры на манер тех, которые имеются во многих наших церквах, к примеру в гробнице святого Адалберта в Праге...

...Жена Нина — Семирамида, слава женского рода, узнав, что муж ее убит, не решилась вверить бразды правления сыну своему, который был еще младенцем, и сокрыла его тщательным образом.

И она ввела одежду по татарскому образцу... Она вступила в Индию и завоевала ее... И в Индии родила дочь, и дочь эта, когда выросла, стала царицей прекраснейшего в мире острова; имя же этой царицы — Саба. На этом острове женщины всегда или по большей части в делах управления держат верх над мужчинами. И я видел во дворце царицы изображение женщины, сидящей на троне, а перед ней стоял на коленях поклоняющийся ей мужчина. И я видел также собственными глазами женщин, восседающих в колесницах и [стоящих] на кафедрах, тогда как мужчины [обречены там] водить быков или слонов...

Из главы «О жреце Иоаде»

...Евреи и сабеи, а они люди царства царицы Сабы, утверждают, что [пророк Илья] обосновался на высочайшей горе в их земле, которая называется гора Гибейт, а это значит «блаженная гора»...

...И люди царицы Сабы говорят, что он иногда называется им; у подошвы этой горы есть ключи, где, как говорят они, он обычно пьет воду, и я сам пил из этого ключа. Но я не мог взойти на блаженную гору, ибо был слаб из-за сильнейшего яда, который испил я в Колумбе, яд же этот изготовили те, кто намерен был ограбить меня. И я изверг из себя собственную плоть и множество крови и почти одиннадцать месяцев страдал от неизлечимой дизентерии третьего рода (et passus fuerim tercie speciei incurabilem dissenteriam mensibus quasi undecim), а говорят, что от этой болезни никто не спасается.

Господь был, однако, милосерден и допустил, чтобы поведал я обо всем, что видел, и я выздоровел с помощью лекарки царицы Сабы, а она лечила меня только травами и воздержанием от пищи.

Я часто видел царицу и торжественно благословил ее, и ездил на ее слоне, и был на славном ее празднест-

ве. Она же меня в присутствии всего города, восседая на царском троне, почтила щедрыми дарами; и вручила она мне золотой пояс, а такой пояс дается царицей князьям при пожаловании [им титула]. А пояс этот у меня затем украли сейлланские воры.

Дала она мне также одежды, ценные и тонкие, сче- том сто пятьдесят штук, и девять из них взял я для господина папы, пять для себя, по три роздал главным, по две другим моим спутникам, а остальные подарил в присутствии царицы слугам ее, которые стояли вокруг [трона], чтобы знали все, что нет во мне скупости. И со- чли мой поступок весьма похвальным и благородным. Да не досадит рассказ об этом [Вашему величеству]...

Примечания

¹ Конечно, Монтекорвино, родившийся в 1247 г., не мог быть «солдатом, судьей и наставником» императора Фридриха II, умер- шего в 1250 г. Если считать, что Монтекорвино вступил в орден около 1265 г., то окажется, по Мариньолли, что он родился в 1193 г. и прожил 133 года.

² Мариньолли прибыл в Константинополь (Перу) 1 мая 1339 г и отбыл оттуда 24 июня.

³ Цитиак — хмельной сладкий напиток («Cathay...», vol. III, p. 212).

⁴ Очевидно, Мариньолли так называет южную окраину пусты- ни Гоби, через которую он прошел по пути из Семиречья в Хан- балык.

⁵ «Мы пробыли в Канбалеке около четырех лет». Вероятно, Мариньолли и его спутники находились в Ханбалыке с мая 1342 до осени 1346 г.

⁶ Манзи — Южный Китай.

⁷ «От поста св. Стефана до вербного воскресенья», т. е. от 26 декабря 1346 г. до апреля 1347 г.

⁸ Фан (точнее фанам) — мелкая монета, имевшая хождение в Малабаре. Ибн Батута («Voyage d'Ibn Batuta...», t. IV, p. 174) от- мечал, что 100 фан соответствовали 6 динарам, и Юл («Cathay...», vol. III, p. 218) полагает, что, исходя из этого расчета, фан при- мерно равен 8 пенсам. Следовательно, по Юлу, Мариньолли полу- чал в месяц около 3 фунтов 6 шиллингов. Расчет этот весьма ус- ловный, и сам Юл признает, что в XIV в. на эту сумму можно бы- ло приобрести вдвое больше, чем в XIX в.

⁹ Видимо, эта церковь была построена Журденом де Севера- ком, о котором Мариньолли не упоминает ни единым словом. Она существовала в начале XVI в. (хотя называлась церковью св. Ма- рии), когда португальцы впервые появились в Куилоне («Cathay...», vol. III, p. 218).

¹⁰ Античные авторы писали, что Александр Македонский воз- двиг столп на дальних рубежах Индии. Камень, поставленный Ма-

риньолли в Куилоне, до наших дней не сохранился, хотя, возможно, он еще существовал в XVII в.; памятник такого рода в 1662 г. описал голландский священник Бальдеус; Бальдеусу жители Куилона разъяснили, однако, что этот камень установил «сам апостол Фома» («Cathay...», vol. III, p. 219).

¹¹ Иоанн (Джон) Скот (1265—1308) — шотландский богослов и философ, в своих произведениях подверг резкой критике схоластические системы средневековья.

¹² Этот более чем странный гидрографический экскурс основывается на библейском предании о четырех райских реках. Несмотря на чудовищные нелепости, в описании рек Гион и Фисон есть и рациональное зерно. Разумеется, реки эти не берут начало на Цейлоне, но, прослеживая их течение, Мариньолли использует и реальные географические сведения. Гион соответствует Голубому Нилу и протекает через земли Восточной Африки и страну Абасты (Абиссинию). С. Фисоном дело обстоит сложнее. Это одновременно и Ганг, и Янцзы (а может быть, даже и Хуанхэ, которую монголы называли Кара-Мурен — Черной рекой), и среднеазиатские реки, и Волга. Однако попытка Мариньолли связать индийские и китайские реки не лишена интереса. Великие реки Индии и Китая зарождаются в горных узлах Гималаев и Куэнь-Луня, истоки их лежат в одной и той же области в Центральной Азии.

Говоря о больших городах с многочисленными мастерами, Мариньолли имеет в виду города на Янцзы, которую он действительно переходил на пути из Ханбалыка в Зайтон. Но нельзя сколько-нибудь убедительно истолковать его указания на реку, которая «по другую сторону Кафы» теряется в песках, а затем появляется снова образуя Каспийское (Баку) море. Этот «отрезок» Фисона — гибрид Волги и Узбоя — один из географических вымыслов Мариньолли.

¹³ Тигр и Евфрат описаны весьма толково. Развалины древней Ниневии действительно лежат близ Мосула, на левом берегу Тигра. Их раскопали в 40-х годах XIX в. французский археолог П. Э. Ботта и английский исследователь О. Г. Лейард.

¹⁴ На Кипре в XIV в. весьма распространен был французский язык, на котором говорила вся местная знать в подавляющем большинстве представленная потомками крестоносцев.

¹⁵ Корабль, на котором плыл Мариньолли, испытал на себе действие страшных бурь, которые часто бывают в начале сезона юго-западных муссонов.

¹⁶ День обретения честного креста — 3 мая. Первили — вероятно, небольшая цейлонская гавань Берувала в устье р. Калуганга, неподалеку от Коломбо.

¹⁷ «Тиран Койя Яаан» — вероятно, правитель Коломбо Джаласти, которого за год или за два до того посетил Ибн Батута. Койя Яаан, по всей видимости, не имя, а титул: многие наместники дельийских султанов носили титул хваджа-джехан, и возможно, так себя рекомендовал и цейлонский учтивый тиран.

¹⁸ Речь идет здесь об Адамовом пике. Мариньолли описывает какое-то буддийское святилище на склонах этой горы. «Сидящая статуя» — изваяние Будды; «следы стоп» — очень распространенная на Цейлоне реликвия, никакого, однако, отношения к Адаму не имеющая: согласно местным преданиям. Будда исходил весь остров,

оставив в особо достопамятных местах свои следы. Совершенно непонятно происхождение приводимого Мариньолли названия Зиндабаба. Зиндан — по-персидски башня, но, даже вводя эту поправку, нельзя объяснить, почему Мариньолли так назвал район Адамова пика.

¹⁹ Ульн — средневековая итальянская мера длины. Юл приравнивает ее к английской мере элю, равному 1,14 м.

²⁰ Мариньолли в общем верно описывает банановые деревья, хотя и несколько переоценивает мягкость банановой древесины и преувеличивает длину листьев этого дерева.

²¹ Амбураи и чакабаруз — аниба и джак, о которых упоминает в своем «Описании чудес» Журден де Северак (см. прим. 24, 26).

²² Камалли, араб. *хамал* — носильщики, грузчики. «До сих пор еще, — отмечает Г. Юл, — так называют в Западной Индии носильщиков паланкинов» («Cathay...», vol. III, p. 241).

²³ Мариньолли здесь описывает священное дерево буддистов. И. П. Минаев пишет: «На дворе храма есть непременно... дерево Боди (*Ficus religiosa*)... Дерево Боди непременно происходит от того дерева, что до сих пор стоит в Гае и сидя под которым мудрец из рода Сакьев (Будда) прозрел и уразумел «четыре святые истины» (И. П. Минаев, *Очерки Цейлона и Индии*, стр. 70—71). Как и прежде, Мариньолли путает Будду с Адамом.

²⁴ Мариньолли цитирует псалом 95 по «Старой Вульгате» — латинскому переводу Библии II—III вв. В русском синодальном переводе (Псал. ХСV, 10) текст этот звучит так: «Скажите народам, Господь царствует, потому тверда вселенная, не поколеблется. Он будет судить по правде».

²⁵ «Эта характеристика образа жизни буддийских монахов, — пишет Г. Юл, — действительна и на сей день» («Cathay...», vol. II, p. 244). См. также описание быта буддийских монахов на Цейлоне И. П. Минаева, который побывал в тех же местах, что и Мариньолли, спустя 530 лет.

²⁶ Мариньолли говорит здесь о лесных племенах (веддах) Юго-Восточного Цейлона, блестящее описание которых дал И. П. Минаев.

²⁷ Здесь у Мариньолли географическая путаница: Арарат стоит не у Железных ворот (Дербента) и не в Малой, а в Великой Армении. Ни одна пядь армянской земли никогда не принадлежала «империи Узбека», т. е. Золотой орде.

²⁸ Очевидно, Мариньолли намекает здесь на Одорико Порденоне, хотя не исключено, что он имеет в виду Марко Поло.

²⁹ Здесь Мариньолли описывает зонтики (хатир — искаженное перс. хатр — зонтик) для защиты от солнца, которые в те времена применялись в жарких странах Востока.

³⁰ Модилал, точнее мудиляр (тамильск.), — старшина, начальник.

³¹ Имеется в виду император Священной Римской империи Карл IV Люксембургский, покровитель Мариньолли.

АЛМАЛЫК

Мариньолли: *Armalesc*

Город в Восточном Семиречье, к северо-западу от современной Кульджи, важный торговый центр на караванной дороге, которая вела из Золотой орды и Мавераннахра в Монголию и Китай. Резиденция ханов Чагатайского улуса. Значение А. как крупного узла на пути из Таны в Ханбалык отметил Пеголотти, указав, в частности, что А. лежит в 85-дневных переходах от Ургенча и в 70 переходах от Катая. В 30-х годах XIV в. папская курия учредила особую епархию Армалека, назначив первым епископом Ришара из Бургундии. Об идентификации А. шли споры, но общепризнано, что этот город находился в долине р. Или. На каталонской карте 1375 г. А. (под названием *Emalech*) показан в центре «*Impregium Medium*» — Срединной империи, или Чагатайского улуса.

АРАРАТ, гора

Ж. де Северак: *Ararat, Arca Noe*

Порденоне: *BN — Arca Noe; F — Mont Harach*

Мариньолли: *Ararat*

См. прим. 5 к «Описанию чудес» Ж. де Северака.

АРЗИРОН см. Эрзурум

АРРАН

Ж. де Северак: *Aran*

Область в Закавказье, охватывающая междуречье Куры и Аракса. В. В. Бартольд (*Арран*, — Сочинения, т. III, стр. 334—335) отмечает, что А. — арабское название древней Албании, и указывает, что арабские авторы, в частности Якут, в граници А. включали только область между Ширваном и Азербайджаном. А. входил во владения Хулагидов и часто подвергался вторжениям ханов Золотой орды.

БАКИНСКОЕ МОРЕ

Марко Поло: *Mare Abacou, Mare Abacisc*

Мариньолли: *Mare Vatic*

Принятое европейскими авторами XIII—XIV вв. название Каспийского моря.

БАКУ

Ж. де Северак: *Vacu*

Порденоне: *BN — Vacisc, F — Bascon, Vatic*

Мариньолли: *Vacisc*

«Баку, у арабских географов Бәкух, Бәкүх и Бәкуйа — город с самой лучшей гаванью на берегу Каспийского моря. Истолкование названия, принятого сейчас в самом Б. и основанно:

го, вероятно, на народной этимологии (Бадкубе — «место, где ударяет ветер»), относится, видимо, к гораздо более позднему времени, равно как и предание об основании города Хосроем Ануширваном... В монгольское время и позже Б., очевидно, приобрел как портовый город большое значение; с этого времени Каспийское море часто называют «морем Баку» (В. В. Бартольд, *Баку*, — Сочинения, т. III, стр. 350). Бартольд, ссылаясь на Хамдуллаха Казвини, указывает, что в первой половине XIV в. Б. был небольшим поселением. Из города и его пустынных окрестностей в те времена вывозились нефть и соль. О первых сведениях в европейских источниках, касающихся бакинской нефти, см. прим. 63 к «Описанию чудес» Ж. де Северака. Бартольд (там же, стр. 351) отмечает, что арабские географы IX в. описывали два бакинских нефтяных источника; один из них давал нефти на 200 вьюков в день.

БАРКАР, горы

Ж. де Северак: *Mons Barcario*

Вероятно, горами Б. Северак называл горные цепи, расположенные к западу от Эрзурума между Внутренним Тавром и Понтийскими горами. Именно эти хребты образуют естественный рубеж Великой Армении вдоль ее западной окранны.

БАТИГАЛА

Ж. де Северак: *Batigala*

Современное название — Бхаткал. Горы на западном берегу п-ва Индостан. См. прим. 50 к «Описанию чудес» Северака.

БАВИЛОНИЯ

Вавилонией, или Вавилонским султанатом, европейские авторы XIII—XIV вв. называли Египет, Месопотамия, в которой располагался древний Вавилон, называлась в те времена Халдеей.

ВЕЛИКАЯ АРАВИЯ

Великой или Счастливой Аравией в соответствии с античной традицией назывался Аравийский полуостров без областей, лежащих на границах Синайского полуострова, Палестины и Ирака, которые относились к Аравии Каменистой и Аравии Пустынной. Ж. де Северак, вероятно, еще до своего первого путешествия в Индию посетил В. А., но только ее восточные прибрежные области (Маскат или Оман).

ВЕЛИКАЯ АРМЕНИЯ

Подразделение армянских земель на Великую и Малую Армению установлено было в античные времена, но в средние века эти термины приобрели несколько иное географическое содержание. В XIII—XIV вв. В. А. называлась территория современной Армянской ССР и северо-восточные области Малой Азии к северу от верховьев Евфрата и оз. Ван и к востоку от р. Ешиль-Ирмак. В границы В. А., таким образом, входили города Эрзинджан, Эрзурум, Ани, Карс и Ван. В. А., северная часть которой в XII — начале XIII в. входила в Грузинское царство, в 30-х годах XIII в. была разорена и завоевана монголами и после походов Хулагу стала частью улуса Хулагидов. Малой Арменией в XIII—XIV вв. называлась Киликийское армянское государство.

ВЕЛИКАЯ ИНДИЯ см. Индия

ВЕЛИКАЯ ТАТАРИЯ

Tartaria Magna — термин географов позднего средневековья. В. Т. в Европе XIII—XIV вв. называлась Юаньская империя — улус великих ханов дома Чингисхана. В границы В. Т. входили «коренной юрт» великих ханов — Монголия, Китай и Манзи — северная и южная части Китая. Впрочем, в отношении Манзи, территории к югу от Янцзы, завоеванной монголами только в 1279—1280 гг., авторы XIV в. испытывали колебания и относили ее и к В. Т. и к Индии. Термин В. Т. надолго пережил Юаньскую империю и удержался в европейской географической литературе до конца XVIII в.

ВЕЛИКОЕ МОРЕ

Марко Поло: *Mare Magnum, Mare Maggiore*

Порденоне: *BN — Mare Majus; Min. Ram. — Mare Maggiore*

Так авторы XIII—XIV вв. называли Черное море, одновременно применяя и название *Mare Nigrum*.

ГАЗАРИЯ

Gazaria, Gatsaria

В XIII—XIV вв. Г. назывался Крым и прилегающие к Крыму территории в низовьях Днестра, Днепра и в Западном Приазовье. Генуэзцы это название применяли в официальных документах и присвоили наименование *Officium Gazariae* ведомству, которое с 1314 г. управляло их колониями в Северном Черноморье. Своим происхождением название Г. обязано хазарам, населявшим в VIII—X вв. обширные степные пространства между Волгой и Днестром и крымские земли. Термин Г. вошел также и в лексикон папской курии: в пределы кустодии Г. францисканского викариата Татарики Аквилонской входили все земли дунайского, днестровского и днепровского понизовья и часть Приазовья к западу от Таны.

ГЕОРГИЯ

Грузинское царство, разоренное в первой половине XIII в. монголами, находилось в вассальной зависимости от державы Хулагидов.

ГИЕМО

Ж. де Северак: *Hiemo*

Г. Юл полагает, что Гиемо — город Омиль, или Эмиль, в районе оз. Балхаш (точнее, в районе оз. Алаколь, в долине впадающей в него р. Эмиль). Возможно, однако, что Северак имел в виду какой-то китайский город; какой именно — установить трудно. На картах XIV—XV вв. (каталонской, Медичи, Фра-Мауро) имеется множество пунктов с названиями *Apo, Apol, Aти*, сходных с *Hiemo*.

ГУЗ

Порденоне: *Boll — Hus; F — Hus*

О возможной идентификации этого иранского города см. прим. 5 к «Восточных земель описанию» Порденоне.

ДАНДИН

Марко Поло: *Agaman, Angaman, Angamanain;*

Порденоне: *BN — Dandin; Boll. — Dadyn; F — Dandün; Pal. — Dodin; Min. Ram. — Diddi*

Андаманские острова (?). И Марко Поло и Порденоне описывают страну Агамац, или Дандин, как большой остров. Любопытно, что так же характеризовали архипелаги Андаманских и Никобарских островов арабские и иранские географы VIII—XIII вв. В Андаманском архипелаге свыше двух десятков островов, разделенных сравнительно узкими проливами, и, быть может, поэтому он и описывался как единый большой остров. Впрочем, у Порденоне в версии *F* речь идет о 24 островах, на которых правят 54 царя. См. также прим. 40 к «Восточных земель описанию» Порденоне.

ЗИГАНА

Марко Поло: *Ganeza, Geneza*

Порденоне: *BN — Canega; F — Zanega; Pal. — Zavengha; Min. Ram. — Zanizzo*

Замок на перевале Зигана в 50 км к ю.ю.з. от Трабзона, на дороге Трабзон — Сивас.

ИНДИЯ

В представлении европейцев XIII—XIV вв. Индия была страной с весьма неопределенными границами, к ней причислялись не только собственно индийские земли, но и Индокитай, южная часть Китая (Манзи) и Эфиопия. Объясняется это устойчивой традицией, начало которой было положено античными географами. Греческие авторы V—III вв. до н. э. называли страной индийцев (ἡ Ἰνδία) области, непосредственно прилегающие к долине Инда. Однако на рубеже н. э. этот же термин стал применяться для обозначения обширного круга стран, расположенных к востоку от границ Парфянской империи и включающих в себя все моря и земли Южной и Юго-Восточной Азии. Птолемей подразделял эту сферу на две области: Индию догангскую и Индию загангскую, причем к последней Птолемей отнес Индокитай и все острова к югу от него. Около IV в. н. э. эти области стали соответственно называться Малой и Великой Индией. Позже, у арабских, иранских и среднеазиатских географов утвердился схема трехчленного деления Индии. Выдающийся арабский географ Абу-л-Фида (1273—1331) писал, что Первая Индия граничит с Синдом и Керманом и называется Джазарат (Гуджарат), Вторая Индия, лежащая к востоку от Первой, называется Малабаром, а Третья Индия включает в себя Малабар (Коромандельский берег) ([Reinaud], *Geographie d'Abulfeda*, II, Paris, 1848, 115). Таким образом, у Абу-л-Фиды были совершенно реальные представления о действительных пределах Индии. Однако его современники-европейцы, приняв трехчленную схему деления Индии, растянули, в соответствии с античными канонами, ее границы.

Марко Поло Малой Индией считал Индокитай, Великой Индией — Индостан и Средней Индией — Эфиопию. Ж. де Севрак называл Малой Индией территорию современного Западного Пакистана и Гуджарат. Малабар, Декан, Коромандельский берег он относил к Великой Индии, а Эфиопию причислял к Третьей Индии. Порденоне в еще большей степени запутал «индийскую» номенклатуру: у него появляется «Внутренняя Индия», охватывающая прибрежные области

Фарса, и Верхняя Индия, соответствующая Южному Китаю. Монтекорвину же Верхней Индией считал собственно индийские земли.

ЙЕЗД

Марко Поло: *Iasdi, Iasdy, Zasdi*

Порденоне: *BN — Gest; Far. — Iese, Iest*

Город в Иране, в прошлом важный узел караванных путей. Через Йезд проходили дорога из Тебриза в Ормуз и путь, соединявший центральные и южные районы Фарса с Хорасаном. В XIII—XIV вв. Й. был крупным центром ремесленного производства. «Жители Й., — пишет В. Хейд, — были в своем подавляющем большинстве ткачами и славились умением вырабатывать наиболее тонкие сорта шелковых тканей, пользовавшихся неизменным спросом везде на Востоке от Китая до Малой Азии; эти тонкие шелка носили название йезди» (W. Heid, *Histoire du commerce du Levant*, t. II, 1936, p. 109). Й. и его окрестности известны были своими садами, и далеко за пределами города находили спрос местные гранаты, фиги и виноград. Й. был также одним из важнейших центров хлопководства (И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков*, 1960, стр. 230).

КАМПА см. Тьямпа

КАНЕГА см. Зигана

КАППАДОКИЯ

Историческая область в юго-восточной части Малой Азии между Киликийским Тавром, Евфратом и Галисом (Кызыл-Ирмаком).

КАСПИЙСКИЕ ГОРЫ

Обычное у европейских авторов XIII—XIV вв. обозначение Кавказских гор, точнее Главного Кавказского хребта.

КАТАИ

Северная часть Китая (к северу от р. Янцзы).

КАШАН

Порденоне: *BN — Cassan; Far. — Casim; Pal. — Saba; Min. Ram. — Saba*

Афанасий Никитин: Кашень

Город на иранском нагорье, важный узел караванных путей в скрещении дорог, идущих из Тебриза в Ормуз и из Хамадана в Хорасан. К. при монголах был одним из важнейших центров производства художественной керамики — глазурированных плиток *каши*, широко использовавшихся для облицовки зданий. Итальянец Джозофато Барбаро писал во второй половине XV в., что большая часть жителей К. занята выработкой бумазей и шелковых тканей («*Travels to Tana and Persia by Josofato Barbaro and Ambrogio Contarini*», Hakluyt Society, I series, vol. 49. 1873, p. 72).

КОЛУМБ см. Куилон

КОНИУМ

Порденоне: *BN — Conium; Far. — Comerum*

По всей вероятности, развалины Персеполя, древней столицы Персидского царства, разрушенной Александром Македонским. На месте Персеполя стоит город Истахр, расположенный в 40 км к с. в. от Шираза.

КУИЛОН

Марко Поло: *Coilon, Coilun, Coulam, Coylum, Coillon*

Монтекорвино: *Columbum*

Ж. де Северак: *Columb, Columbi*

Порденоне: *BN — Polumpum; F — Polombir*; большинство других версий — *Polumbum*

Мариньолли: *Columbum*

Город и порт в южной части Малабарского берега в штате Керала. В XIII—XIV вв. крупный торговый центр; до XIV в. конечный пункт для китайских кораблей, на которых совершались плавания из Китая в Индию. Из К. помимо транзитных товаров, главным образом пряностей суматранского, яванского, цейлонского происхождения, вывозились местные «тонкие специи», причем особенно славились куилонский имбирь и красящее дерево.

ЛАМОРИ

Марко Поло: *Lambri, Lambry, Labrin, Lamuri*

Порденоне: *Lamori*

Северо-восточная оконечность Суматры. Арабские и иранские географы называли всю северную Суматру о-вом аль-Рамни или аль-Рамин, противопоставляя ее южной части — «острову» Забаг, где в VII—XIII вв. процветала сильная морская держава Шривиджайя. Вероятно, Марко Поло и Одорико Порденоне под названием Ламбри и Ламори выделяли не какой-либо определенный пункт на северном берегу Суматры, а довольно обширную территорию, в ее наиболее северной части населенную ачехцами. У Пириша, первого европейского автора, давшего подробное и точное описание Суматры (1514 г.), область Ламбри составляет часть «королевства» Ачин (Ачей) (Т. Pires, *Suma Oriental*, t. II, 1944, p. 394). В «Нагаракертагаме», яванской эпической поэме, написанной около 1365 г., земля Ламури упоминается в числе 24 островов земли Малайю (Суматры) как одно из владений яванского царства Маджапахит. Однако в начале XIV в. эта часть Суматры, точнее суматранского побережья, была одним из наиболее диких уголков огромного острова.

ЛИКИЯ — историческая область на юго-западе Малой Азии.

МААБАР

Марко Поло: *Maabar, Manibar, Mabar*

Монтекорвино: *Moebar*

Ж. де Северак: *Mohabar*

Порденоне: *BN — Mobar; F — Mobarum; Far. — Bobarum; Pal. — Mobar*

Современное название — Коромандельский берег. Старое название Маабар — арабского происхождения (мабар по-арабски — перевоз, транзитный пункт, переправа). Восточное побережье Индостана от устья р. Кистны до мысы Коморин; впрочем, граница средневекового М. весьма условна. На севере к М. нередко причислялась прибрежная полоса до устья Годавари. Вассаф в начале XIV в. северной границей Маабара считал Неллур, расположенный в 200 км к северу от современного Мадраса в устье р. Пешнер. «Богатство островов Персидского залива и отчасти роскошь и прелесть других

стран, от Ирака и Хорасана до Рума и до земель франков, происходят из Маабара, который подобен ключу от Хинда». Это свидетельство Вассафа (H. Elliot, *The History of India, as Told by its Own Historians*, vol. IV, 1877, p. 19) полностью подтверждается описанием М. в главе 174 «Книги» Марко Поло, который отмечал, что М. — «это лучшая часть Индии на твердой земле» и «страна самая славная и самая богатая на свете». Небольшие независимые города-княжества М. вели торговлю с Китаем, Явой, Бирмой, Цейлоном, Ираном и Египтом. Помимо транзитных товаров эти приморские города вывозили местные товары: слоновую кость, жемчуг, прозрачное и матовое стекло, хлопчатые ткани с шелковой ниткой, рис, кокосовые орехи, перец, кардамон, имбирь, красящее дерево.

МАЛАБАР

Марко Поло: *Melibar*

Монтекорвино: *Minabar*

Ж. де Северак: *Molebar*

Порденоне: *BN — Mimbar; Boll. — Ezaminibar; F — Minibar; Pal. — Minabar, Pirabar*

Мариньолли: *Minnubar, Nimbar*

Название Малабар произошло от *малаи* — холм на яз. малайлам и *бар* — по-арабски берег, страна. Южный участок западного побережья Индостана от Гоа до мыса Коморин. Мелкие приморские города М., ставшие в первой половине XIV в. объектом неоднократных завоевательных походов дельийских султанов, фактически сохраняли независимость и так же как города Коромандельского берега были центрами транзитной и местной торговли, причем одним из главных ее объектов был перец, о вывозе которого из «страны Мале» упоминает еще Косма Индикоплов, побывавший в М. за восемь веков до Ж. де Северака и Порденоне. Гавани М. вели торговлю китайским и иранским шелком, местной и цейлонской корицей, кардамоном, имбирем, мускатным орехом, кассией, красящим и сандаловым деревом, тонкими хлопчатными тканями местного производства, в частности коленкором, тканью, которая своим названием обязана малабарскому городу Каликуту (англичане назвали ее *calico* по этому городу). Куилон, который оказался в центре внимания орденских миссионеров, поскольку был одним из очагов индийского христианства, по своему значению уступал Каликуту и Кочину, главным торговым городам М.

МУГАНЬ

Рубрук: *Moan*

Ж. де Северак: *Orogan*

Современное название — Муганская степь. Равнинная область к югу от Куры, на участке ниже впадения в нее Аракса. Муганская, Мильская и Ширванская степи занимают юго-восточную часть современной Азербайджанской ССР. Все это пространство в средние века называлось Муганью. До монгольского завоевания одна из наиболее цветущих областей Закавказья с густой сетью оросительных каналов. При монголах М. пришла в упадок, и некогда богатые ее города превратились в небольшие селения (А. Али-заде, Со-

МУЛТАН

Ж. де Северак: *Multan*

Город в Пенджабе (Западный Пакистан) на левом берегу р. Ченаб, в XIII в. центр небольшого княжества, завоеванного затем Делийским султанатом.

НИКОВЕРАН

Марко Поло: *Necaran, Necouran, Necuveran*

Порденоне: *BN — Sacimeram; F — Vacimeran, Nuchone-ran; Far.* — *Nichoveran*

Никобарские острова (?). У Марко Поло и у Одорико Порденоне (особенно у последнего) описание этой страны настолько сбивчиво, что лишь условно можно ее идентифицировать с Никобарскими островами. И. П. Магидович, комментируя главу 171 «Книги» Марко Поло, справедливо отмечает: «В действительности Никобарских островов не два, а десять, если даже не считать островков площадью меньше 1 кв. км, и они состоят из трех групп, отделенных друг от друга широкими проливами. По-видимому, Марко Поло понимал под Некувераном Большой Никобар, который, возможно, сливался в расказах мореходов с Малым Никобаром, и не знал о существовании центральной группы островов и самого северного, Кар-Никобара» ([Марко Поло], *Книга...*, стр. 322).

Между тем арабские, иранские и среднеазиатские географы IX—XIII вв. не раз приводили довольно точные описания обитателей Никобарских и Андамских островов, также, однако, считая эти архипелаги единым островом. В IX в. Ибн Хурдазбех писал: «Ланкобалус... отстоит в 10—12 днях пути от Сирандиба [Цейлона]. Жители этого острова ходят нагишом, питаются бананами, кокосовыми орехами и свежей рыбой. Железо у них драгоценность. Их часто посещают чужеземные купцы» (G. Ferrand, *Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks...*, t. 1, 1913, p. 166).

ОРМУЗ

Марко Поло: *Camos, Curmosa, Hormes, Hormus*

Монтекорвино: *Ormes*

Порденоне: *Ormes*

Мариньолли: *Ormes*

Современное название — Ормуз (Хормуз). Город в Иране, расположен в северной части небольшого гористого острова Джерун в Хормузском проливе, соединяющем Персидский залив с Аравийским морем. Марко Поло и Монтекорвино описывали Старый Ормуз, значительный торговый город, лежавший на иранском берегу Хормузского пролива, в 20 км к востоку от о-ва Джерун. В самом конце XIII в. этот город был совершенно razoren монголами из Чагатайского улуса, и местный властитель Баха ад-дин Айяс приобрел у помещика иль-ханов в Фарсе остров Джерун и основал там Новый Ормуз. Место выбрано было удачно: скалистый остров представлял собой естественную крепость, сам город зало-

жен был в отличной гавани; главное же преимущество Нового Ормуза заключалось в том, что он находился у входа в Персидский залив, контролируя морской путь из Индии в гавани Ирана и в устье Тигра — Евфрата. Основанный в 1301 г. О. при властителях Кутб ад-дине (1317—1346) и Туран-шахе (1346—1378) (последний составил хронику О., в XVII в. использованную португальским иезуитом Тейшейрой) достиг наивысшего расцвета. Ибн Батута, посетивший город в 1332 г., описал его как богатейшую пристань индийских морей и перекресток главных водных и караванных путей Передней Азии. Через О. в Багдад, Тебриз, Хорасан, Мавераннахр, Золотую орду и страны Средиземноморья шли индийские и «занидийские» товары, и в первую очередь пряности. На восток О. переправлял товары из различных стран Западной и Средней Азии. «Ормуз,— писал Афанасий Никитин,— великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть». Не удивительно, что О. стал одним из первых объектов португальской экспансии, и с его захватом в 1514 г. португальцы овладели ключами к Персидскому заливу.

ПАТЕН

См. прим. 24 к «Восточных земель описанию» Порденоне.

РОТЕМГО

Порденоне: *BN — Rotemgo*

Юл («Cathay...», vol. II, p. 150) полагает, что Р. — это район Реджанга на севере Суматры. Но скорее всего, Порденоне имел в виду низовья суматранской реки Индрагри, местность, которую Пириш в 1514 г. описывал как «королевство Андаргери». Возможно, что страна Даграиан, о которой упоминает в главе 168 Марко Поло, соответствует этой же области.

САВИСКАЛО

Порденоне: *BN — Saviscallo; Boll. — Sarbiscorbolo; F — Sabissa*

Имеется в виду промежуточный пункт на пути из Трабзона в Тебриз. Пеголотти на этой же дороге указывает станцию Сермескало, и Кордые (*Les voyages en Asie*, 1891, p. 15) полагает, что оба автора имели в виду селение Хасан-Кале, в районе которого от дороги Трабзон — Тебриз ответвляется дорога на Карс.

СЕБАСТ см. Сивас

СЕМУР

Рубрук: *Cetaium, Cemanum, Cetaurum*

Ж. де Северак: *Semur*

В районе Арарата селения со сходным названием нет. Кордые полагает, что Ж. де Северак имел в виду город Ван, но эта гипотеза малоубедительна. С таким же успехом Семур Ж. де Северака может быть и городом Ани, разрушенным монголами в 1236 г.

СИВАС

Марко Поло: *Sevast, Sebast*

Ж. де Северак: *Sebast*

Город в Турции. В XIII—XIV вв. важнейший узел караванных путей Малой Азии. С. расположен у горного прохода, ведущего из Анатолии в Армению, одного из главных проходов в цепях Антитавра. В С. скрещивались пути, идущие из Аяяса в Тебриз и из Мосула в черноморскую гавань Самсун.

СИЛАМ см. Цейлон

СИЛАН см. Цейлон

СРЕДИННАЯ ИМПЕРИЯ

Мариньолли: *Medium Imperium*

Принятое в XIV в. у европейских авторов название для Чагатайского улуса

СУЛТАНИЯ

Ж. де Северак: *Soltania*

Порденоне: *Soldania*

Современное название — Султан. Город в Иране, к ю.-в. от Зенджана. Основан иль-ханом Аргуном; при иль-хане Ульдзейту в 1305/06 г. стал столицей Ирана. С. расположена на высокоом плато на пути из Тебриза в Хорасан и Мавераннахр и связана несколькими дорогами с гаванями на южном берегу Каспийского моря — Кашаном и Керманшахом. Уступая по своему значению Тебризу, С. в первой половине XIV в. играла, однако, роль значительного центра транзитной торговли. С. славилась своими ярмарками, которые обычно устраивались летом. На эти ярмарки стекались купцы со всего Ирана, из Киликийской Армении, Кафы и Трабзона, причем главными статьями торговли были шелковые ткани Йезда и Шираза, ковры, золотые и серебряные изделия. С 1318 г. С. стала центром вновь учрежденного архиепископства.

СУМОЛЬТРА

Марко Поло: *Samara, Samudra*

Порденоне: *BN — Sumolchra; F — Sinohora; Far. — Sumultam; Pal. — Sumetra*

Местность на северном берегу Суматры на 5° 46' с. ш., по которой весь остров получил свое современное название. Селение Сумольтра, или Самудра, лежало в устье р. Пасаи, в области, населенной племенами батаков. Марко Поло в главе 167 описывал «царство Самару» как землю язычников, богатую рыбой, рисом, кокосовыми орехами и пальмовым вином. В XIV в. здесь было небольшое княжество, где правил, судя по сообщениям Ибн Батуты, мусульманские власти. Название Самудра упоминается в яванской поэме «Нагаракертагаме», где эта область причислена к территориям, зависимым от царства Маджапахит. Пириш описал эту страну как «королевство» Пасаи или Пасе, особо отметив, что гавань Пасе была важным центром транзитной торговли и что местные правители были тесно связаны с гуджаратскими купцами и ревностно пасаждали на Суматре ислам. Пириш указывал, что в Пасе было 20 тыс. жителей и что из этой гавани вывозились «все товары, какие только есть на острове», особенно же перец и бензой, причем местный перец, по качеству худший, чем индийский, пользовался большим спросом из-за крайней своей дешевизны (T. Pires, *Suma Orien.*

t. II, pp. 397—398). Столетием раньше спутники Чжэн Хэ, Ма Хуань и Фэй Синь, описали царство Сумэньдала как богатое товарами «пристанище» (Я. Свет, *За кормой сто тысяч ли.* стр. 109—110). Однако безусловно во времена Марко Поло и Порденоне С. еще не достигла того положения, которое она приобрела в XV в.

ТЕБРИЗ

Марко Поло: *Tauris, Taurisium, Tauris, Toris*

Монтекорвино: *Tauris, Taurisio*

Ж. де Северак: *Tauris*

Порденоне: *Tauris*

Главный город Иранского Азербайджана, при Хулагидах до 1305/06 г. столица Ирана. Город был основан, вероятно, в VIII в. и в начале XIII в. считался, по словам арабского географа Якута, значительным центром торговли и ремесла (В. В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 145). Важнейшим торговым центром Ближнего Востока Т. стал при Хулагидах. Во многом процветанию города способствовало его исключительно благоприятное положение. Т. лежит на высоте около 1500 м в здоровой местности, обильно орошаемой водами р. Мехранруд. В XIII—XIV вв. в районе Т. создана была система оросительных каналов и кяризов (последних насчитывалось свыше 900), и город утопал в густой зелени фруктовых садов; сладкие тебризские груши, яблоки, виноград, персики, нежные желтые сливы вывозились из Т. далеко за пределы Ирана (А. Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XV вв.*, стр. 57). Период наибольшего расцвета Т. приходится на первые два десятилетия XIV в. Хамдуллах Казвини отмечает, что иль-хан Газан построил вокруг Т. стену длиной 250 тыс. шагов. Насколько велик был в то время город, свидетельствует тот факт, что в одном лишь его квартале, пожалованном Рашид ад-дину, насчитывалось 30 тыс. домов и 1500 лавок. Испанец Клавихо, посетивший Т. в начале XV в., полагал, что в городе проживает свыше 200 тыс. человек. По валовому обороту торговый Т. превосходил все города Передней Азии (И. П. Петрушевский, *Хамдуллах Казвини...*, стр. 897; В. Spuler, *Die Mongolen in Iran*, S. 322). Т. был также крупнейшим центром ремесленного производства. В Т. вырабатывались шерстяные ткани различных сортов, бархат, тонкое льняное полотно, шерстяные плащи, белье, обувь, головные уборы, изделия из мехов, ввозимых из Золотой орды, русских земель, Чагатайского улуса и Китая (соболя, горносталя, куницы, белки, хорька) (А. Али-заде, стр. 53). Множество ремесленников сосредоточено было в царских мастерских — карханэ. Однако главную роль в жизни Т. играла транзитная торговля; Пеголотти приводит длинный перечень грубых и тонких специй, которые проходили через рынок Т., упоминая о китайском и иранском шелке, амбре, кораллах, ртути, киноvari, ляпис-лазури, европейских суконных и камлотовых тканях, жемчуге, драгоценных камнях (Pegolotti, *La pratica della mercatura*, pp. 26—31).

ТРАБЗОН

Ж. де Северак: *Trapezunda*

Порденоне: *BN — Trapezonda; Pal. — Trabizonda*

Город в Турции. В 1204—1461 гг. столица Трапезундской империи, основанной при поддержке Грузинского царства Алексеем Комниным, внуком свергнутого в 1185 г. византийского императора Андроника I Комнина. Эта карликовая империя занимала узкую полосу побережья в северо-восточной части Малой Азии и с 1244 г. находилась в вассальной зависимости от монголов. Т. был важным узловым пунктом в системе торговых связей Черноморья и Передней Азии. Процветание Т. как торгового центра началось при Хулагидах и наравне с Айясом Т. играл роль ключевой гавани, лежащей в исходе транзитного пути из Черного моря во внутренние районы Ирана и Закавказья. Т. связан был морскими путями с Кафой, Солдаей и Перой и вел торговлю с западным побережьем Кавказа. В транзитной торговле Т. ведущую роль играли генуэзцы, которые в 1306 г. получили в Т. замок Леонакстро, господствующий над всем городом, а в 1314 г. приобрели в Т. арсенал и верфи. Генуэзцы через Т. ввозили в Великую Армению и Иран соль, хлеб, меха, рыбу, сыр, вино. Путь Т.—Эрзурум—Хой—Тебриз, который караваны проходили за 32 дня, был в сущности генуэзской торговой дорогой.

ТХАНА

Марко Поло: *Tana*

Ж. де Северак: *Tana*

Порденоне: *Tana*

Город в Индии, в штате Гуджарат, в низовье р. Сальсет. В XIII—XIV вв. второстепенная гавань, связанная с Ормузом и портами Малабара. В 1318 г. Т. была завоевана Делийским султанатом. Т. орденские миссионеры избрали своей базой, но 9 апреля 1321 г. все четыре миссионера были убиты, после чего Ж. де Северак перенес центр миссионерской деятельности в Куилон.

ТЪЯМПА

Марко Поло: *Chamba, Syamba, Chambo*

Ж. де Северак: *Champa*

Порденоне: *BN — Campa; Pal. — Zapa; Far. — Canpa*

Историческая область, соответствующая современному Южному Вьетнаму и населенная тьямпскими (шамскими) народами. С первых веков н. э. до 1471 г. Т. была независимым государством. В культуре Т., богатой и самобытной, слились местные и индийские элементы. Индийское влияние особенно сильно проявлялось в эпоху массовой миграции в Т. выходцев из Индии, которая охватила несколько веков в I тысячелетии н. э. В 1312 г. Т. временно утратила свою независимость — ее захватили войска северовьетнамского государства Да-Вьет. В 1323 г. давьетский наместник Те А Нан поднял восстание и отложился от Да-Вьета. Он правил в Т. до 1342 г., и в годы его царствования страну посетил Порденоне.

ФЛАНДРИНА

Порденоне: *BN — Flandrina; Pal. — Filandria*

Современное название — Пандурани. Город в Малабаре, в 30 км к северу от Каликута на 11° 26' с. ш. Превосходная якорная стоянка для небольших кораблей, защищенная от юго-западных муссонов. В XIII—XIV вв. значительный торговый порт, откуда вывозился местный перец. В настоящее время небольшое рыбацье селение.

ЦЕЙЛОН

Марко Поло: *Ceilan, Seilan*

Ж. де Северак: *Silem*

Порденоне: *BN — Silan; Far. — Silam; Pal. — Sitan, Silta*

Мариньолли: *Seyllan*

ЦИНГИЛИН

Ж. де Северак: *Singugli*

Порденоне: *BN — Zingilin; F — Singulir, Pal. — Sigli*

Юл полагает, что этот пункт соответствует малабарской гавани Кранганур («Cathay...», vol. II, pp. 133—134), Хейд считает, что Ц. — это порт Каин-Кулам между Крангануром и Куилоном.

ЭРЗУРУМ

Марко Поло: *Argiron*

Порденоне: *BN — Artiron; Pal. — Arzelone*

Город в Восточной Турции у истоков Кара-су (верховья Евфрата) на высоте 1880 м. Важный торговый центр на пути из Трабзона в Тебриз.

ЯВА

Марко Поло: *Java, Javva*

Ж. де Северак: *Jana*

Порденоне: *BN — Jana; F — Fana; Far. — Jana*

Мариньолли: *Java*

Остров Ява. XIV век был эпохой расцвета яванского царства Маджапахит. Основание этому царству положил правитель небольшого княжества Сингосари (1268—1292), который подчинил своей власти большинство яванских феодальных государств и завоевал часть Суматры. Его зять Виджайя отразил в 1293 г. нашествие монголов и продолжал объединительную политику тестя. При слабых потомках Виджайи с 1330 по 1364 г. фактическим властителем царства Маджапахит был вазир (мапатих) Гаджа Мада, один из наиболее выдающихся государственных деятелей яванского средневековья. При нем царство Маджапахит вобрало в себя большую часть современной Индонезии и овладело островами Бали, Банда, Молуккским архипелагом, частью островов Сулавеси, Калимантана и почти всей Суматрой. Однако империя Гаджа Мады была весьма рыхлым конгломератом областей, разобщенных географически и находящихся на разных стадиях исторического развития. На самой Яве было много полунезависимых княжеств, и Порденоне очень зорко подметил это обстоятельство. Упадок Маджапахита начался в конце XIV в. и сопровождался ростом приморских торговых городов, которые стали центрами распространения религии чужеземных купцов — ислама.

- Адамович М., *Путешествие Плано Карпини и Рубруквиса в Монголию в XIII в.*, — «Исторический журнал», 1940, № 11.
- Алексеев М. П., *Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии, XIII—XVII вв.*, Иркутск, 1941.
- Али-заде А., *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв.*, Баку, 1956.
- Ашрафян К. З., *Делийский султанат*, М., 1960.
- Бартольд В. В., *Историко-географический обзор Ирана*, СПб., 1903.
- Бартольд В. В., *История изучения Востока в Европе и в России*, СПб., 1911; изд. 2, Л., 1925.
- Бартольд В. В., *История Туркестана*, — «Труды Туркестанского гос. университета», Ташкент, 1922.
- Бартольд В. В., *Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира*, Баку, 1925.
- Бартольд В. В., *О христианстве в Туркестане*, — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. VIII, 1894.
- Бартольд В. В., *Очерк истории Семиречья*, изд. 2, Фрунзе, 1943; Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963.
- Бартольд В. В., *Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века*, — Сочинения, т. III, М., 1965.
- Бартольд В. В., *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, — Сочинения, т. I, М., 1963.
- Бартольд В. В., *Улугбек и его время*, — Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964.
- Безобразов П., *Трапезунт и его окрестности*, СПб., 1916.
- Брун Ф., *Черноморье*, — «Записки императорского Новороссийского университета», 1879—1880.
- Вернадский Г. В., *Золотая орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога*, — «Seminarium Kondakovianum», I, Praha, 1927.
- Владимирцов Б. Я., *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*, Л., 1934.
- [Галстян А. Г.], *Армянские источники о монголах*, М., 1962.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю., *Золотая орда*, М., 1937.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю., *Золотая орда и ее падение*, М.—Л., 1950.
- Заборов М. А., *Папство и крестовые походы*, М., 1960.
- Жуковский П. М., *Земледельческая Турция*, М.—Л., 1933.
- Закиров С., *Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом*, М., 1966.

- Зевакин Е. С., Пенчко Н. А., *Очерки по истории генуэзских колоний в XIII—XV вв.*,— «Исторические записки», 1938, № 3.
- Клюкин И. А., *О чем писал иль-хан Аргун Филиппу Красивому?*, Владивосток, 1925.
- Котляревский С. А., *Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV веках*, М., 1901.
- Крачковский И. Ю., *Арабская географическая литература*,— Избранные сочинения, т. IV, М.— Л., 1957.
- Крымский А., *История Персии, ее литературы и дервишской теософии*,— «Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков», вып. 16, 1914—1915.
- Лозинский С. Г., *История папства*, М., 1961.
- Луццато Дж., *Экономическая история Италии. Античность и средневековье*, М., 1954.
- Лучицкий И. В., *Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV веках*, Киев, 1886.
- Манандян Я. А., *О торговле в городах Армении в связи с мировой торговлей с древнейших времен*, Ереван, 1954.
- [Марко Поло], *Книга Марко Поло*, пер. И. П. Минаева под ред. И. П. Магидовича, М., 1955.
- Микаелян Г. Г., *История Киликийского армянского государства*, Ереван, 1952.
- Минаев И. П., *Старая Индия. Заметки на «Хождение...» Афанасия Никитина*, СПб., 1871.
- Минаев И. П., *Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского*, СПб., 1878.
- Мирный С. М., *La flor des estoires de la Terre d'Orient Гайтона как историко-географический источник по Востоку и по истории монголов*,— «Советское востоковедение», 1956, № 5.
- «Народы Южной Азии», М., 1963.
- [Никитин Афанасий], *Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472*, М.— Л., 1948.
- Осипов А. М., Александров В. А., Гольдберг Н. М., *Афанасий Никитин и его время*, М., 1956.
- [Палладий]. *Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по Северному Китаю*,— «Известия Российского географического общества», т. XXXVIII, вып. I, 1902.
- Патканов К. П., *История монголов по армянским источникам*, вып. I, II, СПб., 1873—1874.
- Петрушевский И. П., *Городская знать в государстве Хулагидов*,— «Советское востоковедение», т. V, 1948.
- Петрушевский И. П., *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков*, М.— Л., 1960.
- Петрушевский И. П., *Хамдуллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья*,— «Известия Академии наук, отделение общественных наук», 1937, № 4.
- Пигулевская Н. В., *История Мар Ябалахи и Саумы*,— «Палестинский сборник», вып. 2, 1956.
- Пигулевская Н. В., *История Мар Ябалахи III и Раббан Барсаумы*, М.— Л., 1958.
- Пигулевская Н. В., *Сирийские источники по истории народов СССР*, М.— Л., 1941.

- «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», пер. А. И. Маленна под ред. Н. П. Шастиной, М., 1957.
- Пучковский Л. С., *Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв.*, — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. VI, 1953.
- Рамм Б. Я., *Папство и Русь в X—XV веках*, М.—Л., 1959.
- Рашид ад-дин, *Сборник летописей*, т. I—III, М.—Л., 1952—1960.
- Рутенбург В. И., *Очерк из истории раннего капитализма в Италии*, М.—Л., 1951.
- Свет Я. М., *По следам путешественников и мореплавателей Востока*, М., 1955.
- Свет Я. М., *За кормой сто тысяч ли*, М., 1960.
- Скржинская Е. Ч., *Генуэзцы в Константинополе в XIV в.*, — «Византийский временник», т. I (XXVI), 1947, стр. 215—234.
- Скржинская Е. Ч., *Петрарка о генуэзцах на Леванте*, — «Византийский временник», II (XXVII), 1949, стр. 245—266.
- Тизенгаузен В., *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских*, СПб., 1884.
- Успенский Ф. И., *Движение из Центральной Азии в Европу и обратно*, — «Византийский временник», II (XXVII), 1949.
- Успенский Ф. И., *История Византийской империи*, т. III, М.—Л., 1948.
- Успенский Ф. И., *Очерки из истории Трапезундской империи*, Л., 1929.
- Хенниг Р., *Неведомые земли*, т. III, М., 1962.
- Холл Д. Дж. Е., *История Юго-Восточной Азии*, М., 1958.
- Христофор Колумб, *Дневники, письма, документы*, пер. с исп. Я. М. Света под ред. И. П. Магидовича, изд. 4, М., 1961.
- Шумовский Т., *Три неизвестные лоции Ахмада ибн-Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы*, М.—Л., 1957.
- Языков Д. И., *Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях, I. Плано Карпини. II. Асцелин*, СПб., 1825.
- Якобсон А. Л., *Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)*, — «Материалы по археологии СССР», т. 17, М.—Л., 1950.
- Якубовский А. Ю., *Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.*, — «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», Л., ч. I, 1932.
- Alishan L., *Sissouan ou l'Arméno-Cilicie*, Venise, 1899.
- «Annales Januenses», — «Monumenta Germaniae Historica, Scriptores», t. XVIII.
- Assemanus (Assemani) J. S., *Bibliotheca orientalis clementino-vaticana*, t. III, Romae, 1728.
- Backer L., *L'Extrême-Orient au moyen âge*, Paris, 1877.
- Balme L., *Le vénérable père Jourdain Cathala de Sévérac*, — «Année Dominicaine», 1886.
- Beazly Ch. R., *The Dawn of Modern Geography*, vol. I—III, London, 1906.
- Belgrano L., *Nota sulla spedizione dei fratelli Vivaldi*, — «Atti della Società Ligure di storia patria», t. XV, 1891.

- Belgrano L., *Prima e seconda serie di documenti riguardanti la colonia di Pera*,—«Atti della Società Ligure di storia patria», t. XIII, 1884.
- Bennet R., *The Early Dominicans*, Cambridge, 1957.
- Bergeron P., *Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV siècles*, t. I—II, La Haye—Amsterdam, 1735.
- Bratianu G., *Actes des notaires génois de Pera et de Caffa*, Bucarest, 1927.
- Bratianu G., *Recherches sur le commerce génois dans le mer Noire au XIII siècle*, Paris, 1929.
- Bretshneider E. V., *Mediaeval Researches from Asiatic Sources*, vol. I—II, London, 1910.
- Brown L. W., *The Indian Christians of St. Thomas*, London, 1956.
- Caddeo R., *Storia marittima dell'Italia*, Milano, 1942.
- Cahen C., *La Syrie du Nord à l'époque des croisades et la principauté d'Antioche*, Paris, 1940.
- «Cathay and the Way Thither. Being a Collection of Medieval Notices of China», transl. and ed. by H. Yule. New ed. rev. throughout in the light of recent discoveries by H. Cordier, vol. I—IV (Hakluyt Society, 2d series, vol. 33, 37, 38, 41), London, 1913—1916.
- Cessi R., *Storia della repubblica di Venezia*, t. I—II, 1944—1946.
- Chabot J. B., *Histoire du patriarche Mar Jabalacha III et du moine Rabban Cauma*,—«Revue d'Orient Latin», t. I—II, Paris, 1893—1894.
- Charignon A. J. cm. Marco Polo.
- Civezza M., *Storia universale delle missioni francescane, Roma—Napoli—Prato*, vol. I—XI, 1857 et sq.
- Civezza M., *Saggio di bibliografia geografica, storica, etnografica francescana*, Prato, 1879.
- Cordier H., *Les chrétiens en Chine et en Asie Central sous les Mongols*,—«T'oung Pao», t. XVIII, Leiden, 1917.
- Cordier H., *Mémoire sur l'Extrême-Orient dans l'Atlas catalan de Charles V, roi de France*,—«T'oung Pao», t. V, 1895.
- Dawson Ch., *The Mongol Mission; Narrative and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the XIII and XIV Centuries*, New York, 1955.
- Dessimoni C., *I conti dell'ambasciata al chan di Persia nell'MCCXCII*,—«Atti della Società Ligure di storia patria», t. XI—XIII, 1881—1884.
- Dessimoni C., *Actes passés à Famagouste, déc. 1299—août 1301*,—«Revue d'Orient Latin», t. II, Paris, 1894.
- Dessimoni C., *Trattato genovesi con chan dei tartari nel 1280—1281*,—«Archivio storico italiano», ser. IV, t. XX, 1887.
- Dessimoni C., *Actes passés en 1271, 1274 et 1279 à l'Aïas et à Beyrouth par devant des notaires génois*, Gênes, 1881.
- Dobner G. cm. Marignolli.
- Du Cange Ch., *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*, t. I—IV, Parisii, 1766—1767.
- Ebersolt J., *Constantinople byzantine et les voyageurs du Levant*, Paris, 1919.
- Elder F., *Glossary of Mediaeval Terms of Business, 1200—1600*,—«Mediaeval Academy of America», Cambridge (Mass.), 1934.

- Elliot H., *The History of India, as Told by Its Own Historians*, vol. I—VIII, London, 1867—1877.
- Eubel C., *Bularii Franciscani Epitome (ex quatuor prioribus tomis Sbaraleaea) addito supplemento (1218—1302)*, Ad Claras Aquas, 1908.
- Ferrand G., *Les géographes arabes et l'océan Indien*, — «Actes du XVIII Congrès des Orientalistes», Leiden, 1932.
- Ferrand G., *Introduction à l'astronomie nautique arabe*, Paris, 1928.
- Ferrand G., *Une navigation européenne dans l'océan Indien au XIV s.*, — «Journal Asiatique», Paris, 1922.
- Ferrand G., *Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême-Orient du XIIIe au XVIIIe siècles*, t. I—II, Paris, 1913—1914.
- Gay J., *Le pape Clement VI et les affaires d'Orient*, Paris, 1904.
- Golubovich G., *Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Franciscano*, t. I—V, Quarachi, 1909—1929.
- Grousset R., *Histoire des croisades*, t. I—III, Paris, 1936.
- Grousset R., *L'Empire des Steppes*, Paris, 1960.
- Gubernatis A., *Storia dei viaggiatori italiani nelle Indie Orientali*, Livorno, 1875.
- Haiton, *La flor des estoires de la Terre d'Orient*, — «Recueil des historiens des croisades, documents arméniens», t. II, Paris, 1906.
- Hallberg I., *L'Extrême-Orient dans la littérature et cartographie d'Occident de XIII, XIV et XV siècles*, Göteborg, 1906.
- Hammer-Purgstall J., *Geschichte der Ilchane*, Bd I—II, Darmstadt, 1841—1843.
- Heid W., *Histoire du commerce du Levant*, t. I—II, Leipzig, 1936.
- Heinisch E., *Zu den Briefen der mongolischen Il-khane Argun und Oljeitü an den König Philipp den Schönen von Frankreich (1289 und 1305)*, — «Oriens», Bd II, Leiden, 1949.
- Hill G., *A History of Cyprus*, vol. II, *Frankish Period*, Cambridge, 1948.
- Hobson Jobson — Yule H., Burnell A. C., *A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases...*, London, 1903.
- Howorth H., *History of the Mongols*, vol. I—IV, London, 1876—1888.
- [Jordan (Jourdain) de Sévérac] «Description des merveilles d'une partie de l'Asie par le père Jordan ou Jourdain Catalani, natif de Sévérac, de l'ordre des frères prêcheurs ou dominicains, évêque à Columbum dans le presqu'île de l'Inde au deçà du Gange», éd. par baron Ch. A. Coibert de Monbert, — «Recueil de la Société de Géographie», t. IV, Paris, 1839.
- «Mirabilia descripta. The Wonders of the East by Friar Jordanus of the Order of Preachers and Bishop of Columbum in India the Greater (circa 1330)»; transl. from the Latin original as published at Paris in 1839 by H. Yule, London, 1863.
- «Les merveilles de l'Asie par le père Jourdain Catalani de Sévérac de l'ordre des frères prêcheurs, évêque de Columbum (XIV siècle)»; texte latin, facsimile et traduction française avec introduction et notes par H. Cordier, Paris, 1925.
- Köhler Ch., *Documents inédits concernant l'Orient latin et les croisades (XII—XIV ss.)*, — «Revue d'Orient Latin», t. VII, Paris, 1899.

- Köhler Ch., *Documents relatifs à Guillaume Adam*, — «Revue d'Orient Latin», t. X, Paris, 1903—1904.
- Köhler Ch., *Guillelmus Adae, De modo sarracenos extripandi. Introduction*, — «Recueil des historiens des croisades, documents arméniens», t. II, Paris, 1906.
- Komroff M., *Contemporains of Marco Polo*, London, 1929.
- Kunstmann F. cm. Montecorvino.
- Langlois E., *Registres de Nicolas IV*, Paris, 1905.
- Langlois V., *Mémoire sur la relation de la République de Gênes avec le royaume chrétien de la Petite Arménie*, Turin, 1861.
- Langlois V., *Le trésor des chartes d'Arménie*, Venise, 1863.
- Laurent J. C., *Peregrinationes medii aevi quatuor*, Lipsiae, 1864.
- Laufer B., *Sino-iranica*, Chicago, 1919.
- Le Quien M., *Oriens Christianus*, t. I—III, Parisii, 1740.
- Lopez R., *Aux origines du capital génois*, — «Annales d'histoire économique et social», IX, 1937.
- Lopez R., *European Merchants in Medieval Indies*, — «Journal of Economic History», vol. VIII, 1943, № 2.
- Lopez R., *Nuove luci sugli italiani in Estremo Oriente prima di Colombo*, — «Publicazione del civico Istituto Colombiano di Genova», t. IV, Genova, 1952.
- Lopez R., *Storia delle colonie genovesi nel Mediterraneo*, Bologna, 1938.
- Lopez R., *Studi sull'economia genovese nel medio evo*, Torino, 1936.
- Lopez R., Woodworth J., *Mediterranean Trade in the Mediterranean World*, London, 1955.
- Lunt W. E., *Papal Revenues in the Middle Ages*, vol. I—II, New York, 1934.
- Magnaghi A., *Precursori di Colombo? Il tentativo di viaggio transoceanico dei fratelli Vivaldi*, Roma, 1936.
- Manfroni C., *Relazioni fra Genova, l'Impero Bizantino e i Turchi*, — «Atti della Società Ligure di storia patria», t. XXVIII, Genua, 1896.
- Manfroni C., *L'Italia et l'Oriente asiatico nel medioevo e nel eta moderna*, — «L'Italia e il Levante», Roma, 1934.
- [Marco Polo]
 «The Book of Ser Marco Polo, the Venetian...» newly transl. and ed. by H. Yule, London, vol. I—II, 1875; 1903; 1921.
 «Marco Polo. The Description of the World», transl. and ed. by A. C. Moule and P. Pelliot, vol. I—IV, London, 1938.
 «Le Livre de Marco Polo...», éd. par G. Pauthier, Paris, 1865.
 «Le Livre de Marco Polo...», trad. en française moderne et annoté d'après les sources chinoises par A. J. H. Charignon, t. I—III, Pekin, 1924—1928.
 «Marco Polo. Il Milione». Prima edizione integrale a cura di L. F. Benedetto, Firenze, 1928.
- [Marignolli]
 «Chronicon Joannis Marignole florentini episcopi Basianensis», — «Monumenta Historica Boemiae», t. II, ed. G. Dobner, Praga, 1768.
 «Kronika Jana z Marignoly», — «Fontes Rerum Bohemicarum», t. III, Praha, 1882.
 Meinert J., *Johannes von Marignola minderen Bruders...*, —

- «Abh. der Königl. böhmischen Ges. der Wissenschaften», Bd VII, Prag, 1820.
- «John Marignolli Recollections of Eastern Travel (1338—1353)», — «Cathay and the Way Thither», vol. III.
- Mas-Latrie L., *Histoire d'île de Chypre*, t. I—III, Paris, 1853.
- [Montecorvino]
- Kunstmann F., *Die Missionen in Indien und China im XIV Jahrhundert*, — «Historisch-politische Blätter», Bd 43, München, 1859.
- Golubovich G., *Biblioteca...*, t. 1.
- «Cathay and the Way Thither», vol. III.
- Mookerji R., *A History of Indian Shipping*, London, 1914; 2d ed., Bombay, 1957.
- Mosheim J. L., *Historia Tartarorum Ecclesiastica*, Helmstedt, 1741.
- Mostaert A., Cleaves F. W., *Trois documents mongols des archives secrètes vaticanes*, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», XV, 1953.
- Moule A. C., *Documents Relating to the Mission of the Minor Friars to China in the XIII and XIV c. c.*, — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London, July 1914.
- Moule A. C., *The Minor Friars in China*, — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London, July 1917.
- Moule A. C., *A Life of Odoric of Pordenone*, — «T'oung Pao», 1920—1921.
- Moule A. C., *Brother Jordan de Severac*, — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London, 1928, № 2.
- Moule A. C., *Christians in China before the Year 1550*, London, 1930.
- Nilakanta Sastri K. A., *A History of India from Prehistoric Times to the Fall of Vijayanagar*, Oxford, 1955.
- Nilakanta Sastri K. A., *Marco Polo in India*, — «Oriente Poliano», 1957.
- Nowell Ch. E., *The Historical Prester John*, — «Speculum», 28, 1953.
- D'Ohsson A. C., *Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan*, t. I—IV, La Haye — Amsterdam, 1834—1835.
- Olschki L., *Marco Polo, Dante Alighieri e la cosmografia medievale*, — «Oriente Poliano», 1957.
- Oppert L., *Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte*, Berlin, 1870.
- «Oriente Poliano, Studi e conferenze tenute all' Is MEO in occasione del VII centenario della nascita di Marco Polo (1254—1954)», Roma, 1957.
- Pegolotti Francesco Balducci, *La pratica della mercatura*, ed. by A. Evans, Cambridge (Mass.), 1936, (Mediaeval Academy of America, Publ. № 24).
- Pelliot P., *Chrétiens d'Asie Central et d'Extrême-Orient*, — «T'oung Pao», t. XV, 1914, № 5.
- Pelliot P., *Isol le Pisan*, — «Journal Asiatique», Paris, 1915, nov.-déc.
- Pelliot P., *Les Mongols et la papauté*, t. I—II, Paris, 1923—1931.
- Pelliot P., *Notes on Marco Polo*, vol. I—II, 1959—1963.

- Pelliot P., *Sur yam ou jam, «relais postal»*, — «T'oung Pao», XXVII, 1930.
- Pires Tome, *Suma Oriental*, t. I—II, London, 1944 (Hakluyt Society, 2d ser., vol. 89—90).
- «Pseudo-Brocardus, Directorium ad Passagium faciendum», — «Recueil des historiens des croisades, documents arméniens», t. II, 1906.
- [Pordenone]
- «The Travels of Friar Odoric of Pordenone (1316—1330)», — «Cathay and the Way Thither», vol. II, 1914.
- Cordier H., *Les voyages en Asie au XIV siècle du bienheureux frère Odoric de Pordenone religieux de Saint François*, Paris, 1891.
- Quétif J., Echard J., *Scriptores Ordinis Praedicatorum*, t. I—II, Paris, 1719—1721.
- «Recueil des historiens des croisades, documents arméniens», t. II, 1906.
- Reinaud, *Géographie d'Abulféda*, t. I—II, Paris, 1848.
- Rémusat A., *Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens et particulièrement des rois de France avec les empereurs mongols*, — «Mémoires de l'Académie des Inscriptions», Paris, t. VI—VII, 1822—1824.
- Renouard Y., *Les relations des papes d'Avignon et des compagnies commerciales et bancaires de 1315 à 1378*. — «Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome», fasc. 151, Paris, 1941.
- Richard J., *Le début des relations entre la Papauté et les Mongols de Perse*, — «Journal Asiatique», Paris, 1949.
- Richard J., *L'Extrême-Orient légendaire au moyen âge; roi David et prêtre Jean*, — «Annales de l'Ethiopie», t. II, 1957.
- Richard J., *Simon de Saint Quentin*, — «Histoire des Tartares», Paris, 1965.
- Roncière Ch., *Découverte de l'Afrique au moyen âge*, t. I—III, Le Caire, 1924—1927.
- Roux J. P., *Les explorateurs au moyen âge*, Paris, 1961.
- «Salimbene de Adam Chronica», — «Monumenta Germaniae Historica, Scriptores», t. XXII.
- Sanuto Marino, *Liber secretorum fidelium crucis super Terrae Sanctae recuperatione et conservatione*, — Bongar, *Gesta Dei per Francos, Hanoviae*, t. II, 1611.
- Sapori A., *Le marchand italien au moyen âge*, Paris, 1952.
- Sayons A., *Le commerce et la navigation des génois aux XII et XIII siècles*, — «Annales d'histoire économique et sociale», t. III, 1936.
- Sayons A., *Les nobles et l'aristocratie à Gênes*, — «Annales d'histoire économique et sociale», t. IV, 1937, № 46.
- Savi V., *Della patria e della nazionalità del beato Odorico da Pordenone*, — «Nuovo Archivio Veneto», t. VI, 1896.
- Sbaralea H., *Bullarium Franciscanum*, t. I—IV, Romae, 1754—1768.
- Sieveling H., *Die kapitalistische Entwicklung in den italienischen Studien des Mittelalters*, — «Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», Bd VII, 1909.
- Sinor D., *Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort*

- d'Argoun et Bela IV*,—«Cahiers d'histoire mondiale», t. III, 1956, № 1.
- Skrzinska E., *Inscriptions latines de colonies génoises en Crimée*,—«Atti della Società Ligure di storia patria», t. 56, 1928.
- Soranzo G., *Il papato, l'Europa cristiana e i tartari*, Milano, 1930.
- Spuler B., *Die Mongolen in Iran*, Berlin, 1955.
- Tafel G. L., Thomas G. M., *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig...*, Bd I—III, «Fontes rerum austriacum», 2 sect., t. 12—14, Wien, 1856—1857.
- Thomas G. M., *Diplomatorium Veneto-Levanticum*, Bd I—II, Wien, 1880.
- Tournebize F., *Histoire politique et religieuse de l'Arménie depuis les origines des Arméniens jusqu'à la mort de leur dernier roi (l'an 1393)*,—«Revue d'Orient Chrétien», t. III—IV, Paris, 1904—1905.
- «Voyages d'Ibn Batoutah», texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Deffrémery et B. R. Sanguinetti, t. I—IV, Paris, 1853—1858.
- Wadding L., *Annales Minorum seu Trium Ordinum a S. Francisco institutorum*, t. I—XIX, Romae, 1731—1745.
- Willis Budge E. A., *The Monks of Kûblai Khân, Emperor of China*, London, 1928.
- Wingaert A., *Sinica Franciscana*, t. I, Firenze, 1929.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ЗАПАД И ВОСТОК НА РУБЕЖЕ XIII И XIV ВЕКОВ (Вступительная статья)

Вводное слово	3
Первые контакты Запада и монголов	7
Итальянские торговые республики и католические миссии	29
Ось Генуя — Рим — Тебриз	45
Миссия Монтекорвино	68
От Монтекорвино до Северака	88
Журден де Северак и его «Описание чудес»	99
Путешествие на Дальний Восток Одорико Порденоне	109
Джованни Мариньолли и его миссия в страны Востока	118
Заключение	126

ДОКУМЕНТЫ

Письмо Мененцилия из Сполето к Бартоломео да Санто Конкордио, содержащее выдержки из утраченного послания Монтекорвино об Индии	129
Примечания	134
Чудеса, описанные братом Журденом из ордена проповедников, уроженцем Северака и епископом города Колумба, что в Индии Наибольшей	136
Примечания	160
Восточных земель описание, исполненное братом Одорико, богемцем из Форо Юлио, что в провинции св. Антония	170
Примечания	190
Хроника флорентинца Джованни Мариньолли, епископа Базиньянского	196
Примечания	212
Топографический указатель	215
Литература	228

ПОСЛЕ МАРКО ПОЛО
Путешествия западных чужеземцев
в страны Трех Индий

Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР

Редактор *О. М. Гармсен*
Художник *Н. А. Абакумов*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректор *А. И. Киселева*

Сдано в набор 29/III 1968 г.
Подписано к печати 21/VIII 1968 г.
А-03271. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1
Печ. л. 7,5+0,25 п. л. вкл. Усл. п. л. 13,02
Уч.-изд. л. 14,24. Тираж 15 000 экз.
Изд. № 1966. Зак. № 472.
Цена 75 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

В 1968 г. ВЫИДУТ

СЕРИЯ «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СТРАНАМ ВОСТОКА»:

Вадья Суреш. Острова, залитые солнцем. 10 л.

Кондоминас Ж. Лес волшебного камня. 20 л.

Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. 5 л.

СЕРИЯ «ПО СЛЕДАМ ИСЧЕЗНУВШИХ КУЛЬТУР ВОСТОКА»:

Бауманн Г. Мир фараонов. 15 л.

Дзевановский К. Архангелы и шакалы. 15 л.

**Можейко И. В. Другие двадцать семь чудес.
12 л.**

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготорга и «Академкнига», а также по адресу: Москва В-463, Мичуринский пр., 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

Цена 75 коп.

